

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2017 / №2

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и археологии (07.00.00) и политологии (23.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Archeology (07.00.00) and Politology (23.00.00).

ISSN 2072-8360 (print)

2017 / №2

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Научный совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления МГОУ (зам. председателя)

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д.псх.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф., МГОУ

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуну Г.Т. — д.филол.н., проф., МГОУ

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2017. — № 2. — 128 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40712**

© МГОУ, 2017.

© ИИУ МГОУ, 2017.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Абрамов А.В. — к.пол.н., доц., МГОУ; **Багдасарян В.Э.** —

д.и.н., проф., МГОУ; **Воронин С.А.** — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва); **Гайдук**

В.В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа); **Гонзалес Дж.** — доктор наук,

Исторический научный центр Рожкова (Австралия); **Журавлев В.В.** — д.и.н., проф., МГОУ; **Захаров В.Н.** — д.и.н.,

проф., МГОУ; **Ковалев В.А.** — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет; **Мартынов М.Ю.** —

д.пол.н., доц., Сургутский государственный университет; **Михайловский Ф.А.** — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет; **Наталици М.** — д.и.н.,

проф., Университет Сиена (Италия); **Сельцер Д.Г.** — д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; **Сулакшин С.С.** — д.пол.н., д.ф.-м.н.,

проф., Центр научной политической мысли и идеологии; **Фукс А.Н.** — д.и.н., проф., МГОУ

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Series editorial board «History and Political Sciences»

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

A.V. Abramov – Ph. D. in Political Science, Associate Professor, MRSU;

V.E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

S.A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V.V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V.V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V.N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V.A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

M.Yu. Martynov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Surgut State University;

F.A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Doctor of Historical Sciences, Professor, University of Siena (Italy);

D.G. Seltzer – Doctor of Political Sciences, Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin;

S.S. Sulakshin – Doctor of Political Science, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Science council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph. D. in Philology, chief of information and editorial management (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2017. – № 2. – 128 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0077-26139

Index series «History and Political Sciences» according to the union catalog «Press of Russia» 40712

© MRSU, 2017.

© MRSU Publishing house, 2017.

The Editorial Board address: Moscow Region State University

10a Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В РОССИИ

Волбуев О.В. 1917 ГОД В РОССИИ: ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА 6

РАЗДЕЛ I ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Люй Сыцун. ОСОБЕННОСТИ ИЗЛОЖЕНИЯ ИСТОРИИ КИТАЯ КИТАИСТАМИ-ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА 15

Всеобщая история

Мухамедина Ш. ПРОЛЕТАРСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ (1920-1936 гг.) 24
Шелудченко Н.П. ГЕРМАНО-РОССИЙСКИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В 2009–2015 ГГ. 33
Курылев К.П., Никулин М.А., Гончарова А.А. «МЯГКАЯ СИЛА» КУЛЬТУРНОЙ
ДИПЛОМАТИИ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН 46

Отечественная история

Розина О.В., Волкова Т.И. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ЗЕМСКОЙ НАЧАЛЬНОЙ
ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 56
Крючков В.М. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА РАБОЧИХ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА 64
Кульчицкий П.В. ПРОЯВЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ СЕПАРАТИЗМА В ЧЕЧНЕ В 1920 гг. 78
Дроботушенко Е.В. КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
И ХРАМОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ВОСТОЧНОЙ
И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1943–1980-е гг. 85
Горлов В.Н. ГОРОДА-СПУТНИКИ – ПОПЫТКА РАССРЕДОТОЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
СОВЕТСКИХ ГОРОДОВ 93

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

Минаева А.В. ОДНОМАНДАТНЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ОКРУГА В РОССИЙСКОМ
ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ 2016 ГОДА: УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ 100
Лаврикова А.А. СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Абрамов А.В. РЕЦЕНЗИЯ: ФЕДОРЧЕНКО Л.В., ФЕДОРЧЕНКО С.Н. РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ
КОНСАЛТИНГ: КОНСЬЮМЕРИЗАЦИЯ И ТЕХНОЛОГИИ: МОНОГРАФИЯ. М.: ИНФРА-М., 2016 118
Байков С.А. ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:
СПЕЦИФИКА И ТРАДИЦИИ 122

CONTENTS

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF WORLD WAR I (1914–1918)

<i>O. Volobuev.</i> 1917 IN RUSSIA: CHRONICLE OF THE REVOLUTIONARY PROCESS.....	6
---	---

SECTION I HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

<i>Lu Sicong.</i> FEATURES OF COVERING THE HISTORY OF CHINA BY TEACHERS FROM COMMUNIST UNIVERSITY OF EASTERN TOILERS	15
---	----

General History

<i>S. Mukhamedina.</i> PROLETARIAN SOCIALIZATION IN KAZAKHSTAN (1920–1936)	24
<i>N. Sheludchenko.</i> RUSSIAN-GERMAN INTERGOVERNMENTAL RELATIONS IN 2009–2015	33
<i>K. Kurylev, M. Nikulin, A. Goncharova.</i> THE "SOFT POWER" OF CULTURAL DIPLOMACY OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN	46

Native History

<i>O. Rozina, T. Volkova.</i> ORGANIZATION MODEL OF ZEMSKY PRIMARY SCHOOL IN CONTEXT OF PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN EDUCATION	56
<i>V. Kryuchkov.</i> PROFESSION WORKING SOCIETIES IN MOCSOW PROVINCE IN THE EARLY 20 TH CENTURY	64
<i>P. Kulchitskiy.</i> MANIFESTATIONS OF SEPARATISM ELEMENTS IN CHECHNYA IN 1920	78
<i>E. Drobotushenko.</i> THE QUANTITATIVE COMPOSITION OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS AND CHURCHES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE EASTERN AND WESTERN SIBERIA IN 1960–1970S	85
<i>V. Gorlov.</i> SATELLITE TOWNS – AN ATTEMPT TO DISPERSE THE POPULATION OF SOVIET CITIES	93

SECTION II POLITOLOGY

<i>A. Minaeva.</i> SINGLE MEMBER CONSTITUENCIES IN THE RUSSIAN ELECTORAL PROCESS IN 2016: A MISSED OPPORTUNITY FOR THE RUSSIAN MULTI-PARTY SYSTEM	100
<i>A. Lavrikova.</i> SOCIAL CAPITAL AS A FACTOR OF THE FORMATION OF THE POLITICAL PARTICIPATION MODEL IN THE RUSSIAN SOCIETY	109

SCIENTIFIC LIFE

<i>A. Abramov.</i> REVIEW L. FEDORCHENKO, S. FEDORCHENKO. RUSSIAN POLITICAL CONSULTING: CONSUMERIZATION AND TECHNOLOGIES: MONOGRAPH. M.:INFRA M., 2016.	118
<i>S. Baikov.</i> DOMESTIC RESEARCH OF ELITE: SPECIFICITY AND TRADITIONS.....	122

К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В РОССИИ

УДК 94 (470+571) "1917"

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-6-14

1917 ГОД В РОССИИ: ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Волобуев О.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В названии статьи отражен ее замысел: представить в основных датах динамику революционного процесса в России 1917 года. Для данной тематической публикации отобраны даты событий трех месяцев – февраля, марта, апреля. Хронологическому материалу предпослано краткое введение с наиболее важными авторскими комментариями.

Ключевые слова: Февральская революция, Николай II, Временное правительство, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, двоевластие, Апрельский кризис.

1917 IN RUSSIA: CHRONICLE OF THE REVOLUTIONARY PROCESS

O. Volobuev

*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The title of the chronicle, dedicated to the 100th anniversary of the revolution, reflects its idea: to represent in its basic dates the dynamics of the revolutionary process in Russia of 1917. This thematic publication covers the events of three months – February, March and April. The chronological data is premised with a brief preface containing the author's most important comments.

Key words: February revolution, Nicolas II, Provisional Government, Petrograd Council of Workers and Soldiers, diarchy, the April crisis.

Отмечаемый в нашей стране 100-летний юбилей революции 1917 г. вызывает ряд публикаций, теле- и радио-передач и разнообразных обсуждений ее событий и персоналий. Приведем только один пример. В программе «Наблюдатель» (телеканал «Культура») от 16 марта, приуроченной к 100-летию со дня отречения императора Николая II, выступали директор ИРИ РАН Ю.А. Петров, глав-

ный специалист ГА РФ З.И. Перегудова, профессор ВШЭ М.А. Давыдов. И в этом узком высокопрофессиональном кругу прозвучали разные подходы и оценки Февральской революции. Если говорить о методологических подходах, то, на мой взгляд, их два: теория стихийности и теория заговора. Приверженцем последнего подхода в какой-то степени был М.А. Давыдов. Конечно, на первый план всегда выдвигаются заговор А.И. Гучкова и «заговор генералов». Из той же серии – провоцирование забастовок Рабочей группой Центрального Военно-промышленного Комитета.

Представляется, что прежде чем дискутировать, необходимо уточнить само понятие политического заговора. Возьмем несколько измененное нами определение из «Большого юридического словаря»: заговором признается такое тайное организационное соглашение его участников, которое находит объективное выражение в конкретных действиях, направленных на осуществление политического посягательства на институты государственной власти или целостность национальной территории¹. Все бы сходилось на А.И. Гучкове, если бы конкретные действия были. Убийство императора Павла – это заговор, мнение генералов о желательности отречения императора – не заговор. Это, скорее, ситуативная реакция. И, тем паче, не было заговора лавочников, о чем говорил М.А. Давыдов. Был обычный сговор торгашей: придержать хлеб в целях получения большей прибыли или в целях перебоев с его доставкой по железной дороге

в столицу. Но жадность лавочников легла на революционную (или предреволюционную) ситуацию, о назревании которой свидетельствовал рост забастовок и антивоенных настроений в стране и армии.

Нет необходимости характеризовать общеизвестное, а именно социально-экономические причины генезиса в России XX в. революционных процессов. Напомним только об аграрном вопросе, в основе которого лежало крестьянское малоземелье, отягощенное аграрным перенаселением, и о рабочем вопросе, яркими проявлениями которого были шествие к царю 9 января 1905 г. и непрекращающиеся забастовки на протяжении многих лет, предшествующих революционным событиям 1917 г. И крестьянское, и рабочее движение всего этого времени прослеживаются по их датировке.

Была и группа других, социально-политических и социокультурных, факторов. Их активный участник событий 1917 г. П.Н. Милюков находил в слабости государственности, неподготовленности масс, максимализме интеллигенции, упорстве старого режима в нежелании провести самые необходимые преобразования. Самодержавно-архаическое государственное управление (так называемая дуалистическая думская монархия) с ее персонализированными волюнтаристскими решениями и игнорированием думского начала вели к дискредитации верховной власти.

Но главной причиной революционного взрыва все же стала мировая война [1]. «В ряду факторов, определивших *особую физиономию* второй революции, – писал Милюков, – войне 1914–1918 гг. принадлежит, конечно,

¹ Большой юридический словарь / Додонов В.Н., Ермаков В.Д. Крылова М.А. и др. – М.: Инфра-М, 2001. – С. 173.

первое место. Многие и многие из явлений, которые принято считать специфически-революционными, фактически предшествовали революции и созданы обстоятельствами военного времени» [2, с. 25]. Война, обернувшаяся большой кровью, тяжелыми поражениями, материальными лишениями, привела к полной потере авторитета императором Николаем II. Тем более, что его личные качества и убеждения не соответствовали, по выражению того времени, требованиям “текущего момента”. Не случайно среди оценок Николая II можно встретить такие выражения, как “рожден не для трона”, “человек не на своем месте” и т. п.

В центре данной части “Хроники” находится Февральская революция. Для современников она была Мартовской революцией, так как Россия в 1917 г. жила по старому календарному (юлианскому) стилю. Но имели хождение и такие ее определения, как “переворот” и “народное восстание” (февральские события при этом рассматриваются как начало “Революции 1917 года”). Имеются некоторые расхождения и в датировке Февральской революции. Началом революции часто считают 23 февраля (8 марта), но есть и другая дата – 27 февраля (12 марта), день, когда к демонстрантам присоединились взбунтовавшиеся солдаты столичного гарнизона. Революцию заканчивают чаще всего 2 (15) марта (отречение императора), но можно встретить и дату 28 февраля (13 марта) – образование новых органов власти. Отсюда и разная оценка продолжительности революции (народного восстания, переворота) – от 3 до 6 дней.

Хронология – не только фиксирование событий в их историческом вре-

мени, не только последовательно выстроенные в “линию времени” даты, не только канва событий, это своего рода схема-хронометрия общественных процессов. Поэтому в хронологии важны принципы и критерии отбора (или подбора) дат. В зависимости от системы отбора дат исторические процессы предстают в том или ином освещении. Можно выделять даты по политической истории, можно – по экономической, можно взять любой аспект прошлого. В данной “Хронике” в датах выражен (отражен) революционный процесс в его основных проявлениях, когда события происходят в пространстве и на пересечениях внутренних связей между вершинами условного треугольника: власть – народ – армия.

При составлении данной хроники использованы уже имеющиеся хронологические справочники. Из тематических изданий в первую очередь следует выделить подготовленную комиссией по истории Октябрьской революции и РКП(б) Истпарта и вышедшую в 1923 – 1930 гг. в 6 томах «Революцию 1917 года: (хроника событий)» [3]. Первый том, охватывающий время с января по апрель включительно, особо важен для нашей «Хроники революционного процесса». Из общих хроник отечественной истории отметим издание «Россия. Хроника основных событий. IX – XX века» [4], в создании которой приняли участие Федеральная архивная служба России, Министерство культуры, Государственный исторический музей и Российская академия наук. Некоторые уточнения сделаны по справочным изданиям «Хронология российской истории: Энциклопедический справочник» [6] и «Хроника России. XX век» [5].

Февраль

5 (18) февраля

Для предотвращения беспорядков в столице образован Петроградский Особый военный округ во главе с генералом С.С. Хабаловым.

14 (27) февраля

Открылась последняя сессия IV Государственной думы. Депутаты потребовали отставки правительства.

18 февраля (3 марта)

Начало забастовки на Путиловском заводе в Петрограде. Забастовка заканчивается локаутом 22 февраля.

22 февраля (7 марта)

Николай II после двухмесячного пребывания в Петрограде уезжает в Ставку Верховного главнокомандующего, которая находится в Могилеве.

23 февраля (8 марта)

Международный женский день. На улицы столицы вышли толпы демонстрантов, протестующих против отсутствия в продаже хлеба, дороговизны, продолжающейся войны. Митинги переросли в забастовки.

24 февраля (9 марта)

В Петрограде началась всеобщая забастовка. На улицах столицы 6 тыс. полицейских растворились в массе демонстрантов – рабочих, служащих, студентов. Проходят демонстрации под лозунгами «Хлеба!» и «Долой войну!».

25 февраля (10 марта)

Всеобщая забастовка охватила всю столицу.

Власть перешла к подавлению волнений, опираясь на военно-полицей-

ские заставы. Солдаты получили патроны.

26 февраля (11 марта)

В это воскресенье против демонстрантов было сосредоточено 10 тыс. солдат и полицейских. Однако контроль над большей частью города власть утратила.

27 февраля (12 марта)

В Петрограде началось и победило вооруженное восстание, решающей силой которого стала солдатская масса. Почти половина гарнизона была втянута в борьбу на стороне вышедших на улицы горожан. Столица оказалась в руках восставших.

Образован Петроградский Совет рабочих депутатов. Председателем избран глава социал-демократической, меньшевистской фракции Думы Н.С. Чхеидзе. Его заместителем стал глава трудовой группы в Думе А.Ф. Керенский. Было принято два обращения: «К народу!» и «К солдатам!»

28 февраля (13 марта)

Были подавлены последние очаги сопротивления сил, верных монарху. Над Зимним дворцом поднят красный флаг.

Объявлено о создании Временного комитета Государственной Думы. Его первым документом стало «Воззвание к населению». Его первым решением в отношении армии было назначение командующим Петроградским военным округом генерала Л.Г. Корнилова.

Начало матросских расправ над офицерами на Балтийском флоте в Гельсингфорсе, Кронштадте, Свеаборге и других местах. Погибло к середине марта порядка 100 офицеров, в том

числе командующий флотом, командир и начальник Кронштадского порта, командиры ряда судов.

Из Могилева в Петроград специальным поездом выехал Николай II.

Март

1 (14) марта

Издание Приказа №1 по Петроградскому гарнизону. Приказ отменял старые порядки в войсках, призывал солдат создавать солдатские советы и ставил распоряжения офицеров и генералов под контроль советов.

Прибытие царского поезда в штаб Северного фронта во Пскове.

2 (14) марта

По соглашению Временного комитета Государственной Думы с Петросоветом создается первое Временное правительство. Петросовет высказался за предложение своего Исполкома о передаче всей полноты государственной власти правительству.

Отречение императора всероссийского Николая II от престола в пользу брата Михаила. Николай II записывает в дневнике: «...В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман».

Николай II одновременно с отречением от престола назначает Л.Г. Корнилова командующим Петроградским военным округом.

3 (15) марта

Декларация Временного правительства «О преемственности власти права» бывшей Российской империи.

Великий князь Михаил, которому «не гарантируют сохранения жизни», отказывается принять корону.

4 (17) марта

В Киеве организована Украинская Центральная Рада (УЦР) под председательством историка М. С. Грушевского. Первоначально создавалась для координации деятельности украинских политических партий.

6 (19) марта

Манифест о восстановлении автономии Финляндии.

8 (21) марта

Арест царской семьи. Сначала содержалась в Царском Селе, а затем была отправлена в Тобольск.

9 (22) марта

Послание Синода о повиновении Временному правительству.

Признание США Временного правительства в России.

10 (23) марта

Роспуск Департамента полиции.

11 (24) марта

Соглашение рабочих с работодателями, которое предусматривало введение на промышленных предприятиях Петрограда 8-часового рабочего дня, и решение о создании фабрично-заводских комитетов.

Признание Великобританией, Францией, Италией Временного правительства.

12 (25) марта

Отмена смертной казни в России.

Возвращение в Петроград из ссылки Л.Б. Каменева и И.В. Сталина.

13 (26) марта

Образование Московского совета рабочих и солдатских депутатов.

14 (27) марта

Приказом №1 Петроградский совет призывает солдат избирать комитеты в частях и ставит таким образом армию под свой контроль.

Воззвание Петросовета к народам всего мира с призывом добиваться заключения мира без аннексий.

17 (30) марта

Временное правительство дает гарантии предоставления независимости Польши.

19 марта (1 апреля)

Образование Главного земельного комитета для подготовки аграрной реформы.

Уничтожение института земских начальников.

Возвращение в Петроград из сибирской ссылки И.Г. Церетели.

В Киеве произошла 100-тысячная демонстрация под лозунгами: «Автономии Украине», «Свободная Украина в свободной России», «Да здравствует свободная Украина с гетманом во главе».

20 марта (2 апреля)

Отмена всех ограничений по национальному и религиозному признакам.

Восстановление действия Конституции Финляндии.

23 марта (8 апреля)

Торжественные похороны жертв революции на Марсовом поле в Петрограде

25 марта (7 апреля)

Императорская собственность переходит в распоряжение государства. Объявление государственной монополии на хлебную торговлю, контроль

за ценами, введение карточек на хлеб в Петрограде, создание местных комитетов по снабжению продовольствием.

28 марта (10 апреля)

В Москве и Петрограде создается Центральное бюро профсоюзов.

29 марта (11 апреля) – 3(16) апреля

Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Принята резолюция о поддержке Временного правительства.

29 марта (11 апреля)

Приезд в Петроград Е.К. Брешко-Брешковской и Я.М. Свердлова. Их выступление на совещании СРСД.

30 марта (12 апреля)

Признание Временным правительством права Польши на независимость.

31 марта (13 апреля)

Возвращение из эмиграции лидера социал-демократической группы «Единство» Г.В. Плеханова.

Приезд в Петроград делегации социал-демократических парламентариев из стран Европы, входящих в Антанту.

Апрель**3 (16) апреля**

Возвращение в Россию из эмиграции В.И. Ленина и его большевистских соратников.

7 (20) апреля

Публикация «Апрельских тезисов» («Задачи пролетариата в данной революции») Ленина. Обоснование не-

обходимости борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Выдвижение лозунгов «Вся власть Советам!» и «Никакой поддержки Временному правительству». Призыв к выходу из войны.

Избрание Украинским национальным конгрессом историка М.С. Грушевского председателем украинской Центральной Рады.

8 (21) апреля

Возвращение из эмиграции В.М. Чернова, Н.Д. Авксентьева, Б.В. Савинкова.

10 (23) апреля

Ленин оглашает лозунг «Вся власть Советам!» на митинге в Измайловском полку.

11 (24) апреля

Постановление Временного правительства «Об охране посевов». Посевы передавались под охрану местных продовольственных комитетов.

12 (25) апреля

Закон о свободе собраний и объединений.

Введение в армии войсковых комитетов.

14 (27) апреля

Юбилейное заседание депутатов Государственной думы всех созывов.

18 апреля (1 мая)

Нота П.Н. Милюкова правительствам стран Антанты о продолжении войны и верности России союзным обязательствам.

20–21 апреля (3–4 мая)

Демонстрация солдат Петроградского гарнизона с требованием отставки Милюкова с поста министра иностранных дел. Корнилов отдал приказ вывести войска на улицы, но никто этот приказ не выполнил. В апреле впервые со дней Февральской революции в ходе стычек на улицах столицы пролилась кровь. Антивоенные демонстрации произошли и в других городах (Москва, Нижний Новгород, Харьков...).

21 апреля (4 мая)

Создание Главного земельного комитета. Положение о местных земельных комитетах по подготовке аграрной реформы.

23 апреля (6 мая)

Закон «О рабочих комитетах в промышленных предприятиях». Фабзавкомы (ФЗК) были призваны контролировать прием и увольнение с работы, осуществлять контроль над производством и распределением. ФЗК действовали до слияния с профсоюзами в начале 1918 – начале 1919 гг.

Рапорт генерала Корнилова с просьбой о переводе в действующую армию.

27 апреля (10 мая)

Постановление Временного правительства о свободе печати.

24–29 апреля (7–12 мая)

7 Всероссийская конференция РСДРП(б) приняла ленинский курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую и взяла на вооружение ленинские лозунги «Никакой поддержки Временному правительству» и «Вся власть Советам!».

28–30 апреля (11–13 мая)

Образование Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта) под руководством П.Е. Дыбенко.

29 апреля (12 мая)

Синод принял Обращение к веру-

ющим с известием о восстановлении выборности епископов и о подготовке к созыву Поместного собора.

Уход в отставку с поста военного министра А.И. Гучкова в связи с отказами армейских комитетов подчиняться его приказам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914–1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015. 715 с.
2. Милуков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 767 с.
3. Революция 1917 года (хроника событий). Т. 1. Январь – апрель / состав. Н. Авдеев; Истпарт, Комис. по истории Окт. рев. и РКП(б). М.–Пг.: Госиздательство, 1923. 225 с.
4. Россия. Хроника основных событий. IX–XX века. М.: РОССПЭН. М., 2002. 894 с.
5. Хроника России. XX век. М.: Слово. 2002. 1104 с.
6. Хронология российской истории: энциклопедический справочник / под руков. Ф. Конта; пер. с фр. Я. Богданова. М.: Международные отношения, 1994. 303 с.

REFERENCES

1. Buldakov V.P., Leont'eva T.G. Voina, porodivshaya revolyutsiyu. Rossiya, 1914–1917 gg. [The War that Spawned the Revolution. Russia, 1914–1917.]. M., Novyi khronograf, 2015. 715 p.
2. Milyukov P.N. Istoriya vtoroi russkoi revolyutsii [The Story of the Second Russian Revolution]. M., ROSSPEN, 2001. 767 p.
3. Revolyutsiya 1917 goda (khronika sobytii). T. 1. Yanvar'-aprel' / sostav. N. Avdeev; Istpart, Komis. po istorii Okt. rev. i RKP(b) [The Revolution of 1917 (Chronicle of Events). Vol. 1. Jan-APR / composition. N. Avdeev; Istpart, Komis. on History of Oct. Rev. and the RCP(b)]. M.–PG., Gosizdatel'stvo, 1923. 225 p.
4. Rossiya. Khronika osnovnykh sobytii. IX–XX veka [Russia. Chronicle of Key Events. IX–XX Centuries]. M., ROSSPEN, 2002. 894 p.
5. Khronika Rossii. XX vek [Chronicle of Russia. The Twentieth Century]. M., Slovo, 2002. 1104 p.
6. Khronologiya rossiiskoi istorii: entsiklopedicheskii spravochnik / pod rukov. F. Konta; per. s fr. YA. Bogdanova [Chronology of Russian History: Encyclopedic Reference / User Guide. F. Comte; Translated from French by Y. Bogdanov]. M., Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. 303 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;

e-mail: volobuevov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Volobuev Oleg V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Full Member of the International Academy of Higher School, Professor of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow Region State University;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волобуев О.В. 1917 год в России: хроника революционного процесса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 6–14.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-6-14

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

O. Volobuev. 1917 in Russia: chronicle of the revolutionary process. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 2, pp. 6–14.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-6-14

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК: 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-15-23

ОСОБЕННОСТИ ИЗЛОЖЕНИЯ ИСТОРИИ КИТАЯ КИТАИСТАМИ, ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА

Люй Сыцун

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируется учебный план по истории Китая, составленный преподавателем Коммунистического университета трудящихся Востока У Юйчжаном. Автор доказал, что фокус внимания У Юйчжана был направлен на периодизацию китайской истории по марксистско-ленинской методологии, но он все равно сочетал марксистскую схему с особенностями, присущими китайской истории. К сожалению, У Юйчжан в конечном итоге примкнул к официальной линии в силу резкой критики сотрудников, подчинил научное исследование идеологии сталинизма.

Ключевые слова: Коммунистический университет трудящихся Востока, марксизм-ленинизм, история Китая, периодизация, общественная формация, У Юйчжан.

FEATURES OF COVERING THE HISTORY OF CHINA BY TEACHERS FROM COMMUNIST UNIVERSITY OF EASTERN TOILERS

Lu Sicong

*Moscow State University
1 Leninskie gory, Moscow, 119991, the Russian Federation*

Abstract. This research is based on a teaching program of Wu Yuzhang, a teacher of Communist University of Eastern Toilers. The author proves that Wu Yuzhang stuck to Marxist-Leninist orthodox in his research, yet simultaneously tried to combine the Marxist scheme with the

© Люй Сыцун, 2017.

characteristics of Chinese history. However, Wu Yuzhang finally joined the official line under his colleagues' severe attack, and surrendered his research to the official Stalinist ideology.

Key words: Communist University of Eastern Toilers, Marxism-Leninism, the History of China, periodization, social formation, Wu Yuzhang.

Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) существовал в Москве в 1921–1938 гг. Университет сначала подчинялся Народному комиссариату по национальным делам РСФСР, но с 1923 г. находился в ведомстве Восточного отдела Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ). Главной целью университета была подготовка революционных кадров восточных стран, в том числе Китая. В учебном плане университета первые места заняли следующие темы: марксистско-ленинский анализ периода 1920–1930-х гг. в китайской истории, аграрные отношения в китайских деревнях, стратегия и тактика китайской революции и т. п. История Китая, особенно древняя и средневековая, ушла у китаеведов КУТВ на второй план. Однако учащиеся университета все равно нуждались в курсе по китайской истории. Во-первых, понимание китайской истории важно, так как история Китая – предыстория современной китайской революции. Во-вторых, марксистская идеология предполагает всесторонний анализ истории человечества с первобытного общества до социализма.

С точки зрения классиков марксизма-ленинизма, человеческое общество развивается поэтапно, от низшей ступени к высшей, и каждый скачок на высший этап обусловлен изменением классовых отношений и классовой борьбой. В середине 1930-х гг. в советской историографии сформиро-

валась известная теория «общественных формаций», характеризовавшая человеческую историю как пятиэтапную схему: первобытное общество – рабовладельческое общество – феодализм – капитализм – социализм. Советские историки, включая исследователей китайской истории, в основном соглашались с этой схемой. Однако К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин не были профессиональными синологами, они редко писали о схеме развития китайского общества. Не найдя авторитетной теории в классических марксистских произведениях, советским синологам пришлось выработать свои схемы развития китайского общества. Когда начались рабовладельческий и феодальный этапы китайской истории? К какому социальному укладу принадлежит тысячелетняя средневековая история Китая? По каким историческим критериям разделить новую историю Китая на разные периоды? Среди советских китаеведов не было единой точки зрения. Общая интерпретация китайской истории стала чрезвычайно актуальной задачей.

Эта идеологическая задача получила воплощение в учебном плане КУТВ по истории Китая, составленном в 1936 году¹. Составитель плана – китайский коммунист У Юйчжан (псевдоним – Буренин). У Юйчжан принимал участие в коммунистическом движе-

¹ Буренин (У Юйчжан). Проект программы по истории Китая. 1936/37 учебный год // Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 532 (КУТВ). Оп. 4. Д. 227. Л. 61–81.

нии Китая с 1924 г. После поражения Китайской революции 1925-1927 гг. он уехал в СССР, стал преподавателем КУТВ и Научно-исследовательской ассоциации по национальным и колониальным проблемам (НИАНКП) при КУТВ. План был рассчитан на учащихся КУТВ, слушающих страноведческий курс по Китаю в 1936/37 учебном году. В целях помочь учащимся овладеть китайской историей как можно быстрее, составитель сжато описал самые основные факты и вехи в истории Китая в хронологическом порядке, уделив большое внимание периодизации истории Китая по схеме общественных формаций. Этот учебный план является чрезвычайно интересным источником, отразившим попытку КУТВ выработать авторитетную концепцию для советской синологии. Однако, как будет показано далее, эта попытка не увенчалась успехом: сам составитель подвергся резкой критике со стороны университетских коллег из-за несоответствия марксистской «истине» и «линии» партии. Критика данного учебного плана отражала процесс утверждения официальной линии в советском китаеведении.

В центре исторической концепции У Юйчжана лежит марксистская поэтапная схема, характеризовавшая человеческую историю как линейное развитие от низшего этапа к высшему. Надо признать, что сам К. Маркс сосредоточивался преимущественно на решении вопроса перехода от феодализма к капитализму, а предыдущие исторические этапы в его трудах менее затронуты. Кроме того, приведенные К. Марксом примеры для объяснения рабовладельческих и феодальных укладов были, прежде всего, западны-

ми. Для К. Маркса типичное рабовладельческое общество – Древняя Греция и Рим, а феодальное общество – средневековая Западная Европа. Этот евроцентризм (характерный для европейских мыслителей XIX в.) дал советским китаеведам возможность выдвинуть свои версии теорий, чтобы датировать начало и конец рабовладельческого и феодального этапов в истории Китая. Такую попытку также сделал У Юйчжан в учебном плане КУТВ.

Согласно У Юйчжану, древнейшие династии Китая – это период перехода от первобытного к феодальному обществу по схеме исторического материализма. Период до создания Государства Инь (или Шан, примерно 1558–1046 гг. до н. э.) в центре территории Китая обычно считается «легендарным периодом» в китайской историографии. По древним хроникам, полумифологические государи – «три короля и пять императоров» («саньхуан уди») господствовали в Китае, изобрели фундаментальную аграрную технику, китайскую медицину и систему управления государством. У Юйчжан считал, что эта «эпоха так называемого “открытия” была эпохой перехода от матриархата к патриархату»¹, позднее он уточнил, что весь этот период охватывает процесс движения «от первобытного стадного периода до родового общества, матриархата, патриархата»². Символом совершения этого процесса был переход власти от женских правителей в руки «Фуси, Шеньнун, Хуанды», т. е. государей-мужчин. Но этот период все же принадлежит первобытному обществу.

¹ РГАСПИ. Ф. 532 (КУТВ). Оп. 4. Д. 227. Л. 63.

² Там же. Л. 65.

Бурный переход к рабовладельческой формации сопровождался утверждением династии Инь. Однако «основы патриархального общества в то время были еще сильны, развивалась только рабовладельческая экономика патриархального типа, которая отличалась от рабовладельческой экономики греко-римской системы. Эпоха Ин (правильно: Инь. – прим. авт. – Л. С.) относится к неразвитому полурабовладельческому обществу»¹. У Юйчжан констатировал, что при династии Инь власть мужчин над женщинами была закреплена, ибо брачная система стала полигамной. Эта «неразвитая» ступень с патриархальными пережитками в конце концов уступила место новому социальному укладу – феодализму. По китайским хроникам, последний король династии Инь был жестоким деспотом и был свергнут правителем новой династии – Чжоу (1046–256 гг. до н. э.). По мнению У Юйчжана, именно с того момента в Китае начался «период дальнейшего развития феодального общества»², который длился вплоть до создания империи Цинь. Здесь в концепции У Юйчжана появился очевидный пробел: до «дальнейшего развития» должен быть «начальный этап», а его у автора не было, как будто китайское общество прошло мимо «начального этапа», непосредственно перейдя от рабовладельческого общества к «развитому» феодализму.

Вышеуказанные периоды У Юйчжан именовал термином «древнее общество», имея в виду наиболее ранний этап до начала «средневекового» времени. Начало средневекового вре-

мени У Юйчжан датировал созданием первого централизованного государства – Империи Цинь (221 г. до н. э.). По классической марксистской теории, средневековое общество западно-европейского типа было феодальным. Феодальный период закончился победой капиталистического способа производства по всему миру. У Юйчжан тоже считал, что китайское средневековое общество существовало до 1840 г., когда капиталистическая Англия вторглась в Поднебесную империю и начала разрушать традиционную общественную структуру Китая.

Однако У Юйчжан отметил, что этот двухтысячелетний период не был в полной мере «феодальным». Даже до создания Империи Цинь, в поздней Чжоу росла роль коммерческого капитала, в частности, после реформы верховного чиновника Шан Яна в Княжестве Цинь (предшественника Империи Цинь): «В связи с развитием торгового и ростовщического капитала произошла реформа Шан Яна... возникла арендная система с тяжелыми налогами»³. Когда великий собиратель китайских земель Цинь Шихуан продолжал линию Шан Яна в усилении своего государства, он тоже воспользовался силой «капитала»: «Ввиду наличия сильных основ патриархального общества, объединенное сильное феодальное государство в Китае не сформировалось. Вследствие того, что Цин Шихуанди ввел свободную куплю и продажу земли, торговый капитал проник в деревню, где создалась арендная система ростовщического типа. Это привело к тому, что в течение 200–300 лет земля поочередно концентрировалась в руках помещиков, что и вызы-

¹ РГАСПИ. Ф. 532 (КУТВ). Оп. 4. Д. 227. Л. 63.

² Там же. Л. 68.

³ Там же. Л. 69.

вало крестьянские восстания. Полуфеодальный уклад был господствующим во всем общественном строе Китая вплоть до Опиумной войны и проникновения иностранного капитала»¹.

Но торговый капитал не стал преимущественно доминирующей экономической силой, ибо в эпоху Цинь «в связи с... государственными законами торговый капитал не мог развиваться дальше. Он проник в деревню и превратился в ростовщический капитал»².

Из гипотезы У Юйчжана можно сделать следующие выводы. Во-первых, средневековое общество Китая было не феодальным, а полуфеодальным обществом с феодально-помещичьими и торгово-ростовщическими элементами. Во-вторых, этот «полуфеодальный» социальный уклад существовал до Опиумной войны 1840 г. В средневековом Китае преобладал «особый» общественный строй, во многом отличавшийся от западного феодального общества.

Очевидно, что классическая теория Ф. Энгельса оказала решающее влияние на учение У Юйчжана. Последний сам признавал, что написал вышеупомянутую часть под влиянием Ф. Энгельса³, его теоретическая система была нечем иным, как «китаизацией» труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [3, с. 23–178]. Если авторский подход к древнему китайскому обществу был полностью марксистским, то его отношение к средневековому Китаю было более гибким. Хотя, сам не признавая (может быть, и не осознавая), он фак-

тически примкнул к концепции К. Радека по китайскому вопросу. К. Радек в конце 1920-х гг. считался одним из крупнейших советских синологов, но в 1930-е гг. был репрессирован из-за своей «троцкистской позиции». Для К. Радека средневековый Китай тоже не был феодальным, социальный уклад того этапа рассматривался как полуфеодальный [1, с. 41–60; 4, с. 107–110]. Единственная существенная разница между У Юйчжаном и К. Радеком заключалась в оценке степени влияния торгового капитала на способ общественного производства: К. Радек придал торговому капиталу большее значение, чем феодальным аграрным отношениям, а У Юйчжан открыто не высказал свою точку зрения по данному вопросу. Тем не менее У Юйчжан разделял мнение Радека об особом пути развития средневекового Китая. Именно это отличие от официальной линии вызвало негативный резонанс со стороны коллег по КУТВ.

Что касается периодизации новой истории Китая, то У Юйчжан не останавливался на ее обосновании. Он просто разделял новую историю Китая на три периода: 1. 1840–1911. От Опиумной войны до кануна Синьхайской революции; 2. 1911–1927. От Синьхайской революции до поражения Революции 1925–1927 гг.; 3. 1927–1936. Советский этап китайской революции. Эта периодизация в принципе соответствует внутренней логике китайской истории, но она все-таки стала объектом резкой критики со стороны коллег-востоковедов. На их взгляд, У Юйчжан, очевидно, плохо овладел марксизмом.

В том же архивном фонде, где отложилась работа У Юйчжана, сохра-

¹ РГАСПИ. Ф. 532 (КУТВ). Оп. 4. Д. 227. Л. 63–64.

² Там же. Л. 70.

³ Там же. Л. 65.

нились рецензии на нее, написанные другими востоковедами КУТВ. В этих рецензиях критики и обвинений гораздо больше, чем похвалы. В нескольких отзывах рецензентов речь идет о маловажных вопросах. Например, некий анонимный сотрудник КУТВ в начале рецензии открыто говорит, что учебная программа У Юйчжана «не удовлетворяет основным требованиям программы»¹, а затем перечисляет ряд недостатков в форме и содержании, найденных в проекте. Другой рецензент выразил свое недовольство тем, что составитель недооценил значение классических марксистских произведений в изучении Китая. Преподаватель КУТВ Осипов писал в своей рецензии: «Почти во всех темах автор обошел молчанием классиков марксизма: Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина»². Другой преподаватель, Бубнов, тоже считал, что в плане У Юйчжана был «существенный недостаток» – отсутствие вводной части, которая дает «сведения о высказываниях классиков марксизма..., обзор работ и высказываний товарища Сталина по Китаю»³.

Но самая серьезная ошибка У Юйчжана, согласно Бубнову, состоит в неправильной периодизации новой истории Китая. Как отмечалось выше, эта периодизация занимает незначительное место, ведь основное внимание составитель учебного пла-

на уделяет периодизации древней и средневековой истории Китая. Но, по мнению рецензента Бубнова, именно в периодизации новой истории Китая есть серьезная ошибка, и политическая, и научная: «Возьмем хотя бы для примера раздел “Новейшая история” ... Это большой период от начала XIX в. и до 1911 г... периодизация искалена. Нет оснований изъять историю Китая из общей периодизации, данной товарищами Сталиным, Кировым и Ждановым в замечаниях на конспекте учебника “Новой истории”»⁴.

Очевидно, Бубнов обвинял У Юйчжана в изъятии китайской истории из общей схемы, определенной И.В. Сталиным и его политическим окружением. Здесь «замечания» означает отзыв И.В. Сталина, С.М. Кирова и А.А. Жданова на конспект учебника под редакцией Н.И. Ванага, известного историка школы М.Н. Покровского. Замечания были опубликованы в «Правде» в 1936 г. [2], обозначив негативное отношение сталинского режима к школе Покровского и большой шаг к усилению контроля партийных верхов над исторической наукой. Приняв этот исходный пункт критики, Бубнов в духе сталинских «замечаний» описал «правильную» периодизацию, совпадающую с официальной линией. Новая история Китая, как и всемирная новая история, должна делиться на три периода. Первый период длился с Французской революции на рубеже XVIII–XIX вв. до Франко-прусской войны и Парижской коммуны. Это период «победы и утверждения капитализма в передовых странах». Второй период – от Франко-прусской войны и Парижской коммуны до победы Ок-

¹ Бубнов Б. Некоторые замечания на проект программы по истории Китая // РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 227. Л. 86.

² Осипов. Замечания на проект программы по истории Китая // РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 227. Л. 114.

³ Бубнов Б. Некоторые замечания на проект программы по истории Китая // РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 227. Л. 89.

⁴ Там же. Л. 86.

тябрьской революции в России и окончания империалистической войны. В этот период силы капиталистического строя стали угасать. Третий период – от конца 1918 до конца 1934 г., этап, который характеризовался И.В. Сталиным как «общий кризис капитализма».

Далее в своей рецензии Бубнов развешивал свои разногласия с У Юйчаным. Рецензент считал нонсенсом датирование 1840 и 1911 г. годами начала и конца новой истории Китая. С точки зрения рецензента, Опиумная война и Синьхайская революция имеют ничтожное, второстепенное значение, потому что являются лишь логичными итогами мирового исторического процесса, их источники надо искать за пределами Китая. Так, Опиумная война вовсе не была началом новой истории Китая: согласно «Манифесту Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, зависимость Востока от Запада явилась результатом «сдвигов, происшедших не в одно пятилетие (1842–1847), а значительно в больший период»¹. Именно в начале XIX в. начался этот процесс, тогда началась и новая история Китая. Синьхайская революция 1911 г. не только не была концом новой истории Китая, но и не являлась исторической вехой вообще. Эта революция была лишь продуктом «ряда мировых событий, включая интервенции держав после Боксерского восстания, Русско-японской войны и Революции 1905 г. в России»².

Изо всех этих разногласий Бубнов выводил: «Итак, раздел “новой истории” должен быть заключен в хронологические рамки от конца XVIII века и до сегодняшнего дня. Причем

первый период его заканчивается: разгромом тайпинского движения и всех последующих за ним (до 1873–74 гг.) созданием банков, открытием Гонконг-Шанхайского банка (1865 г.) и неравноправными договорами (1860–66 гг., 1876 г.). Второй период начинается с конца 1870-х – начала 1880-х гг. и продолжается вплоть до 1918 года. (Этот период, в свою очередь, должен быть разделен резкой чертой на два этапа: первый до 1900–1905 гг., а второй с 1905 г. и до 1918 г.). Наконец, последний – послевоенный»³.

Таким образом, версия периодизации Бубнова – лишь копия периодизации всемирной новой истории применительно к китаеведению.

О древней и средневековой истории Бубнов писал мало, частично потому, что даже он сам признавал свое недостаточное знание этих периодов. Но он все-таки попытался воплотить «всемирный» принцип в изучении этих периодов. «Составитель программы древнюю историю заканчивает III веком до н. э. Таким образом, на Средневековье Китая падает двадцать столетий. Я думаю, что будет более правильным считать конец древней истории Китая в I, II веке н. э., начало средневековья – III–IV век н. э. Потому что в Западной Европе эпоха феодализма начинается именно в III–IV вв., когда произошло масштабное переселение народов, оказавшее и огромное влияние на историю Азии»⁴. Синхронность китайской истории с европейской здесь опять же определена.

Мы не знаем, принял ли У Юйчан мнение о периодизации древней и средневековой истории Китая, но

¹ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 227. Л. 87.

² Там же. Л. 87–88.

³ Там же. Л. 88.

⁴ Там же. Л. 89.

есть полное основание утверждать, что он уступил в вопросе новой истории. В своей новой программе он сделал новую периодизацию такой: «Раздел 1. “Открытие” Китая и народные восстания середины XIX в. (1840–1870-е); Раздел 2. Национальный кризис в Китае 1898–1900 гг.; Раздел 3. Эпоха пробуждения Китая (1900 –поражение Революции 1911–1913 гг.); Последняя часть: Китай в первый период общего кризиса капитализма (годы подготовки китайской революции)»¹. Отказавшись от прежней периодизации, У Юйчжан выполнил свой долг марксиста, верно-го официальной теории партии.

Учебный план У Юйчжана отража-

ет противоречия в официальном китаеведении КУТВ. У Юйчжан придерживался классической марксистской теории и в то же время подчеркивал специфику китайской истории. Его критики защищали более евроцентристскую и догматическую позицию. Они считали европейскую модель единственно возможным вариантом человеческой истории, вписывали китайскую историю во всемирную схему. В конечном итоге У Юйчжан вынужден был отказаться от своей предыдущей точки зрения. Победив в полемике с У Юйчжаном, евроцентристская точка зрения стала официальной линией в КУТВ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карл Радек о Китае: документы и материалы / под ред. А.В. Панцова. М.: Соверопринт, 2005. 303 с.
2. Сталин И.В., Жданов А.А., Киров С.М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Правда. 1936. 27 янв.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 23–178.
4. Dirlik A. Revolution and History: The Origins of Marxist Historiography in China, 1919–1937. Berkeley: University of California Press, 1978. 312 p.

REFERENCES

1. Karl Radek o Kitae: dokumenty i materialy / pod red. A.V. Pantsova [Karl Radek on China: Documents and Materials / under the Editorship of A. V. Penzova]. M., Sovero-print, 2005. 303 p.
2. Stalin I.V., Zhdanov A.A., Kirov S.M. Zamechaniya po povodu konspekta uchebnika po istorii SSSR (Comments on the Summary of the Textbook on the History of the USSR) // Pravda, 1936, 27 Jan.
3. Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva [The Origin of the Family, private property and The state] Marks K., Engel's F. Sochineniya: v 50 t. T. 21 [Marx K., Engels F. Compositions: 50 Vo.; Vol. 21]. M., Gospolitizdat, 1961. pp. 23–178.
4. Dirlik A. Revolution and History: The Origins of Marxist Historiography in China, 1919–1937. Berkeley: University of California Press, 1978. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Людмила Сыцун – аспирант кафедры истории общественных движений и политических партий Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: lsc-04@mail.ru

¹ Программа по новой истории Китая // РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 227. Л. 92–97.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lu Sicong – Postgraduate Student at the Department of History of Social Movements and Political Parties, Faculty of History, Moscow State University;
e-mail: lsc-04@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Люй Сыцун. Особенности изложения истории Китая китаистами-преподавателями Коммунистического университета трудящихся Востока // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 15–23.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-15-23

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Lu Sicong. Features of covering the history of China by teachers from Communist University of Eastern Toilers. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 2, pp. 15–23.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-15-23

Всеобщая история

УДК 316. 343.7: 321.74: 94(574)

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-24-32

ПРОЛЕТАРСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ (1920_1936 гг.)

Мухамедина Ш.

*Уфимский государственный нефтяной технический университет
450064 г. Уфа, Космонавтов, 8, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлена большевистская модель новой социальной среды, не имевшей никакого сходства с привычными нормами, идеалами, поведенческими стереотипами и культурными эталонами. Иначе говоря, казахстанскому, да и всему многонациональному российскому населению, предстояло пройти пролетарскую социализацию. На наш взгляд, пролетарская социализация – это понятие ёмкое, и оно означает революционный процесс формирования нового человека с коммунистическим мировоззрением. Соответственно, замена привычной социальной среды новой пролетарской осуществлялась партийными организациями, советами, школой, средствами массовых коммуникаций. Процесс этот не был гибким по приемам и методам

Ключевые слова: социальный опыт, пролетарская социализация, нормы, традиции, ценности, идеалы, мировая пролетарская революция, большевистская партия, реформа казахской письменности, советы.

PROLETARIAN SOCIALIZATION IN KAZAKHSTAN (1920–1936)

S. Mukhamedina

*Ufa State University of Economics and Service
145, Chernyshevsky Street, Ufa, 450078, the Russian Federation*

Abstract. The article presents the Bolshevik model of a new social environment that had no similarities with their usual norms, ideals, behavioural stereotypes and cultural standards. In other words, Kazakhstan and the multinational Russian population had to go through proletarian socialization. In our opinion, proletarian socialization is a concept capacious, and it means revolutionary process on formation of a new person with communistic outlook. Accordingly, the replacement of the usual social environment carried out a new proletarian party organization, councils, schools, and the media communications. The techniques and methods used in the process were not flexible.

Key words: Social experience, proletarian socialization, norms, traditions, values, ideals, the world proletarian revolution, the Bolshevik Party, the reform of writing, Soviets.

Авторская целевая задача состоит в показе процесса пролетарской социализации, приведшей к формированию совершенно новых социальных общностей – рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции. Конечно, тема, вынесенная в название проекта, в предлагаемой формулировке пока еще не представлена в отечественной и казахстанской историографии. Некоторые аспекты рассматриваемой темы освещены вкупе с проблемами трансформации политической и экономической систем, а также образовательной и идеологической деятельности Советов и самой большевистской партии [4; 5; 6; 11; 20; 21]. Однако в них авторы не ставили задачи исследования пролетарской социализации. Постсоветская казахстанская историография тоже не ставит задачу выделения пролетарской социализации как отдельной исторической проблемы, но её сущность отражена в освещении опыта модернизации традиционной структуры.

Например, в докторской диссертации С.Т. Рысбековой поставлен комплекс вопросов – формирование советской идентичности казахского этноса, политический механизм и социокультурная реальность, динамика социальной модернизации, социальный облик казахского общества – имевших непосредственное отношение к новой социализации [15, с. 18, 20, 22]. В то же время автор не раскрывает сущность пролетарской социализации, а показывает только трансформацию кочевой социальной структуры в новую, социалистическую. Такой методологический подход характерен почти для всех казахстанских исследований по истории переходного периода.

Начало процессу становления пролетарской социальной среды в Казахстане было положено декретом «Об Автономной Киргизской¹ Социалистической Советской Республике», подписанным 26 августа 1920 г. М.И. Калининым и В.И. Лениным [7]. Так впервые в истории казахов на уровне высшей власти России специальным законом был закреплён юридический статус казахской государственности, ставший впоследствии базовой предпосылкой для принятия 25 октября 1990 г. Декларации о государственном суверенитете Республики Казахстан.

По занимаемой площади республика превосходила остальные автономные республики, уступая лишь Якутии. Территория КАССР равнялась 2 854 тыс. кв. км, что составляло 13,3% от общей территории СССР и 14,4% – от территории России. В 1920 г. в республике проживало 4 610 278 человек, в том числе в аулах и селениях – 4 203 440 [1, с.1; 16, с.19]. Казахстан стал национально-автономным образованием с преобладанием аульно-сельского населения. В народнохозяйственной структуре Казахстана доминировали докапиталистические социально-экономические уклады, олицетворяемые кочевыми и

¹ Пятый съезд Советов КАССР 19 апреля 1925 года постановил “впредь именовать киргиз казаками”. В соответствии с этим решением Киргизская АССР стала именоваться Казахской АССР и Казакстаном. Президиум ЦИК КАССР 9 февраля 1936 г. установил более точное наименование “казахи”, “Казахская АССР”, “Казахстан”// Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических республик. Сборник документов в семи томах. 1923-1937 гг. Т.IV. Ч.I. М., 1962. С. 777; Систематическое собрание законов Казакской Автономной Советской социалистической республики на 1 января 1930 г. (6 октября 1920 – 31 декабря 1929). Алма-Ата, 1930. С. 19.

старожильческими производственными единицами. В 1920 г. в республике насчитывалось более 700 тыс. единоличных хозяйств. Эта цифра в условиях автономного строительства постоянно менялась, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Что касается промышленности, то КАССР к началу 1921 г. имела всего 11 049 предприятий, на которых работали 50 650 человек [2, с. 42, 64, 65; 16, с.19].

В Казахстане не было сформировавшегося рабочего класса с присущими ему нормами, социальным опытом, культурными традициями. Иначе говоря, пролетарская социализация начиналась без классовой базы путем привнесения новых классовых установок, коммунистических правил, норм поведения, идеалов и идей в социальные отношения. Убедительным примером может служить «вооружение» партийно-советской элиты установкой на мировую социалистическую революцию. Так, на Учредительном съезде Советов КАССР (10 октября 1920 г.) делегаты продемонстрировали глубокую приверженность революционному романтизму. Молодой депутат Смагул Садвакасов оптимистически заявил: «Недалек тот час, когда все народы Востока разорвут вековые цепи рабства, и Красное знамя Труда и Свободы взойдет над Константинополем – этой столицей Востока» Не меньшую уверенность в неизбежности победы мировой социалистической революции проявил ветеран большевистской партии В.А. Радус-Зенькович, выступивший с лозунгами: «Да здравствует всемирная борьба трудящихся и угнетенных с капиталом! Да здравствует всемирная власть Советов!»¹ [22, с. 19–22].

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 11. Д. 5. Л. 30.

Неслучайно идея всемирной пролетарской революции была озвучена в далеком от Москвы Оренбурге, потому что в геополитическую ориентацию большевистского руководства входила сфера интересов на Востоке: идейно-политическое воздействие вновь образованных советских автономных республик на общественно-политическое настроение народов колониальных и полуколониальных стран. Еще на Втором Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока (22 ноября 1919 г.) В.И. Ленин докладывал: «Теперь нашей Советской республике предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма» [14, с. 329]. Ленинскую мысль применительно к Казахстану С.С. Пестковский уточнил так: «Советская Россия глубоко заинтересована в развитии киргизского (казахского. – прим. авт. – *Ш.М.*) народа. Наши восточные окраины подвергаются со стороны Японии и Англии империалистической обработке с целью создания там антисоветского движения. Укрепление Советской власти на Ближнем Востоке в значительной степени зависит от разрешения киргизского вопроса» [7]. Идеей глобальной восточной пролетарской социалистической революции руководствовались почти все большевистские лидеры – как федеральные, так и местные – поэтому казахстанский съезд не стал исключением. Лозунги воспринимались всеми делегатами Учредительного съезда, и они на местах выступали как агенты пролетарской социализации.

Непосредственным агентом социализации нового типа выступала сама

казахстанская партийная организация, которая находилась под постоянным контролем И.В. Сталина. В письме ЦК РКП(б) «К коммунистам КАССР» от 15 июня 1922 г. было записано:

1. «Последовательно ликвидировать все остатки национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни. Сплачивать трудящихся масс для окончательной ликвидации патриархально-феодальных отношений в среде самих ранее угнетенных наций»;

2. «Объединить усилия трудящихся как туземных, так и русских за освобождение от кулачества и байства, вообще от хищнического великорусского кулачества в особенности»;

3. «Бороться с одинаково вредными для Коммунистической партии уклонами – как с колонизаторством, так и с национализмом». Далее Центральный Комитет констатировал, что «партийными организациями Киргизии (Казахстана. прим. авт. – Ш.М.) основы национальной политики не усвоены и на практике извращаются» [13, с. 60, 61]. Письмо Центрального комитета демонстрирует основные партийные установки по социализации партийных рядов Казахстана.

Одновременно пролетарская социализация осуществлялась и прибытием для постоянной работы в республику испытанных партийно-советских кадров из Центра. За 1922–1924 гг. ЦК партии по «просьбе Кирбюро ЦК и Киробкома РКП(б) направил в КАССР около 400 опытных партийно-советских работников» [12, с. 377]. Это способствовало укреплению партийной организации преданными пролетарской идеологии уполномоченными ЦК РКП(б).

Пролетарская социализация, а именно усвоение населением новых социальных норм, происходила в неимоверно тяжелых условиях. В результате голода были подорваны моральные устои кочевых аулов и старожильческих общин. Голод на многие годы парализовал кочевое скотоводство и старожильческое земледелие. За период с 1916 по 1922 гг. поголовье скота сократилось с 21 692 206 единиц до 5 449 646, а валовой сбор зерна – со 150 млн. до 48 млн. пудов. На этом фоне ухудшились демографические показатели. Если в 1909–1911 гг. средний состав семьи включал 6,2 человека, то в 1921 г. – 5 человек [3, с. 11–18; 18, с. 87; 19].

В этих условиях проводить пролетарскую социализацию было чревато новыми проблемами. Советы как агенты новой социализации были парализованы. Президиум ЦИК СССР 19 декабря 1924 г. с целью подготовки материалов к Всесоюзному совещанию по вопросам советского строительства выделил ряд регионов для изучения и обобщения опыта советского строительства. В декабре 1924 г. по заданию ВЦИК в Казахстан выехала проверочная бригада во главе с инструктором Президиума ЦИК СССР Б.С. Лурье. Для первичной проверки была выбрана Актюбинская губерния. В начале 1925 г. здесь были проверены 13 советов (три волостных, шесть аульных и четыре сельских). Московская бригада внимательно изучила опыт советской работы и в отчетах с точностью передала ситуацию, связанную со слабой работой низовых советов. Например, по данным Лурье, в Карабутацкой волости Челкарского уезда больше половины населения не участвовало в выборах советов. Из 6822 избирателей на

избирательные собрания пришли 2281 человек (33,4 %). В аульные советы избирались 228 человек – около половины были неграмотными. Инструктор ЦИК СССР, характеризуя состояние власти в аулах, отметил, что на местах настоящих советов, связанных с киргизской массой, не существует. Председатели аульных советов со дня избрания не получают жалования. Если председатель местного совета из бедняков, то ему приходится ходить пешком в населенные пункты, находящиеся в ведении доверенного ему совета¹.

Для активизации роли советов в формировании новой социальной среды принимались классовые партийно-политические меры, среди которых особое место занимали перевыборы. Формирование советов происходило путем партийного нажима, отстранялись от его состава так называемые чуждые элементы, то есть экономически активные категории населения. Постепенно советы по социальному составу стали батрачко-бедняцкими, и, конечно, проводили пролетарскую социализацию – они сами заново усваивали нормы новой социальной жизни и способствовали их распространению. Кочевники и земледельцы постепенно вовлекались в систему пролетарских социальных отношений.

В деле пролетарской социализации велика была роль личности. Партийную организацию Казахстана с 1925 г. до начала 1933 г. возглавлял Филипп Исаевич Голощекин, прибывший сюда по мандату ЦК партии. Новый партийный лидер с первых дней пребывания в Казахстане показал себя как яркий сторонник И.В. Сталина, а больше всего как истинный пролетарский ли-

дер. Ф.И. Голощекин стремился к тому, чтобы создать пролетарскую среду, ему это и удалось. Но какой ценой? В результате его социализации коллективизация обернулась массовым голодом. Казахстан потерял 2,6 млн человек².

Пролетарская социализация выразилась также в реформировании письменности. Сталин связывал победу социализма во всемирном масштабе с полным слиянием наций, с отмиранием национальных и языковых различий и утверждением мирового языка [17, с. 339–340].

Латинизация алфавитов народов рассматривалась как очередной шаг на пути к победе мировой пролетарской революции. Несмотря на чрезвычайно трудные условия, финансирование процесса перехода на новый алфавит осуществлялось весьма успешно. Из 151 этнических общностей, проживавших в Союзе, 58 приняли латинский алфавит. Его введение считалось одним из революционных мероприятий, и в этой связи к нему готовились очень тщательно. Была создана многоступенчатая иерархическая система – Всесоюзный Центральный комитет нового алфавита, который занимался упрощением национальных алфавитов. В Казахстане, по информации председателя Республиканского комитета нового алфавита Г. Тогжанова, уже в 1931 г. была введена новая латинизированная письменность³. В результате проведения реформы резко увеличился процент неграмотных. Почти все казахи, ранее умевшие читать и писать на основе арабской вязи, стали безграмот-

² Там же. Ф. 3316. Оп. 26, Д. 777. Л. 102-103; Ф. 6985. Оп. 1. Д. 20. Л. 129 а.

³ ГАРФ. Ф. 6946. Оп. 1. Д. 15. Л. 173-174.

ными, что вновь обострило и без того критическое положение в народном образовании и делопроизводстве. Более того, новый алфавит резко переменял историко-культурную среду Казахстана. Дореволюционные духовные ценности оказались невостребованными.

Ко второй половине 1930-х гг. в Казахстане создаются базовые предпосылки для пролетарской социализации. В годы второй пятилетки были сданы в эксплуатацию все шахты Карагандинского угольного бассейна, Чимкентский свинцовый завод, Алтайполиметалл (трест объединял комбинаты Рудного и Зырянновска), Актюбинский химический комбинат, нефтепровод Каспий-Орск и другие промышленно-сырьевые объекты. В 1936 г. планы промышленного развития были выполнены на сто процентов против 69,4 % в 1933 г. Интенсивное индустриальное освоение Казахстана изменило его народнохозяйственную структуру. Развитие промышленности сопровождалось ростом числа рабочих, в том числе представителей казахской национальности. За 1917-1937 гг. общая численность рабочих выросла с 19 тыс. до 700 тыс. человек, около 40 % от общего числа составили казахи. Изменения в структуре народного хозяйства повлекли за собой существенные перемены в культурном и административном облике КАССР. Расширилась

сеть народного образования. В 1936 г. функционировали 18 высших и 113 средних учебных заведений. Выросла численность студентов [8; 9, с. 207–210; 10, с. 62–66].

Ускоренное развитие промышленности, изменение социально-духовного и административного облика Казахстана явились основными условиями преобразования Казахской АССР в союзную республику, что было закреплено в Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 г. Таким образом, процесс пролетарской социализации был многоуровневым. Сначала формировались непосредственные агенты пролетарской социализации – партийно-советские кадры, советские учреждения, партийные организации, а затем – новые социальные правила, установки и идеалы распространялись среди кочевников и земледельцев. Наиболее позитивным фактором в пролетарской социализации была индустриализация республики и соответственно формирование новых социальных отношений. Этот процесс был неоднозначным и противоречивым. Социализация стала революционным процессом, имевшим и позитивные и негативные последствия. Образно говоря, вчерашний единоличник, утратив традиционные морально-хозяйственные нормы, был вовлечен в пролетарскую среду, и здесь перед ним открылись новые горизонты социальной мобильности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Весь Казахстан: справочная книга 1931 года / Под ред. В. Ланько. Алма-Ата: Контора краевых периодических изданий, 1931. 420 с.
2. Всероссийская перепись промышленных заведений 1920 г. Сводный выпуск: Т. 3. Вып. 8. М.: ЦСУ РСФСР, 1926. 438 с.
3. Годовой отчет Народного Комиссариата земледелия РСФСР XII Всероссийскому Съезду Советов за операционный 1923/1924 год. М.: Новая деревня, 1925. 637 с.

4. Дахшлейгер Г.Ф. К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле (1921–1928 гг.): материал для обсуждения на сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М.: [б.и.], 1961. 55 с.
5. Дахшлейгер Г.Ф.. Маршрутом социального прогресса. Алма-Ата: Казахстан, 1978. 159 с.
6. Дахшлейгер Г.Ф.. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929 гг.). Алма-Ата: Наука, 1965. 536 с.
7. Жизнь национальностей. 1920. 2 сент.
8. Известия ВЦИК (Москва). 1920. 1 сент.
9. История индустриализации Казахской ССР (1926–1941): в 2-х т. Т. 2 / Под ред. С.Б. Баишева. Алма-Ата: Наука, 1967. 432 с.
10. Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Казахской ССР за годы второй пятилетки. Алма-Ата: УНХУ КазССР, 1940. 84 с.
11. Кенжебаев С. Советы в борьбе за построение социализма // История советского строительства в Казахстане. 1917–1937 гг. Алма-Ата, 1969. 359 с.
12. Компартия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференции и пленумов. Т. 1. Алма-Ата: Казахстан, 1981. 403 с.
13. КПСС и Советское правительство о Казахстане: сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1978. 396 с.
14. Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 318–331.
15. Рысбекова С.Т. Советский опыт социальной модернизации традиционного общества: уроки и историческое значение (1920–1936 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Уральск (Казахстан), 2010. 40 с.
16. Сборник статистических сведений о движении населения, скота и урожаях по КССР с 1880 по 1922 гг. Оренбург: ЦСУ КССР, 1925. 97 с.
17. Сталин И.В. Анархизм или социализм // Сталин И.В. Сочинения. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1946. С. 294–372.
18. Стенографический отчет 2-го съезда Советов Киргизской Социалистической Советской республики, 4–10 октября 1921 г. Оренбург: [б.и.], 1921. 194 с.
19. Степная правда. 1923. 4 окт.
20. Турсунбаев А.Б.. Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, 1967. 481 с.
21. Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. 325 с.
22. Учредительный съезд Советов Киргизской (Казахской) АССР, 4–12 октября 1920 г.: протоколы. Алма-Ата: Казкрайиздат, 1936. 127 с.

REFERENCES

1. Ves' Kazakhstan: spravoch'naya kniga 1931 goda / Pod red. V. Lan'ko [The Whole of Kazakhstan: the Reference Book of 1931. Ed. by V. Lanko]. Alma-Ata, Kontora kraevykh periodicheskikh izdaniy, 1931. 420 p.
2. Vserossiiskaya perepis' promyshlennykh zavedeniy 1920 g. Svodnyi vypusk: T. 3. Vypusk 8 [The National Census of Industrial Establishments in 1920, a Combined Issue: vol. 3. Issue 8]. M., TSSU RSFSR, 1926. 438 p.
3. Godovoi otchet Narodnogo Komissariata zemledeliya RSFSR XII Vserossiiskomu S"ezdu Sovetov za operatsionnyi 1923/1924 god [Annual Report of the People's Commissary of Agriculture of the RSFSRU to the XII All-Russian Congress of Soviets for the Operational Year of 1923/1924]. M., Novaya derevnya, 1925. 637 p.

4. Dakhshleiger G.F. K kharakteristike sotsial'no-ekonomicheskikh otnoshenii v kazakhskom aule (1921–1928 gg.): material dlya obsuzhdeniya na sessii po istorii sovetskogo krest'yanstva i kolkhoznogo stroitel'stva v SSSR [The Characterization of Socio-Economic Relations in the Kazakh Aul (1921–1928 Years): Materials for Discussion at the Session on the History of the Soviet peasantry and Collective Farms in the USSR]. M., [b.i.], 1961. 55 p.
5. Dakhshleiger G.F. Marshrutom sotsial'nogo progressa [Dachslager, G.F. the Route of Social Progress]. Alma-ATA, Kazakhstan, 1978. 159 p.
6. Dakhshleiger G.F. Sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniya v aule i derevne Kazakhstana (1921–1929 gg.) [Dachslager, G. F. The Economic and Social Changes in the Villages of Kazakhstan (1921–1929)]. Alma-Ata, Nauka, 1965. 536 p.
7. Zhizn' natsional'nostei (Life of Nationalities). 1920, 2 Sep.
8. Izvestiya VTSIK (Moskva) (Izvestia of All-Russian Central Election Commission (Moscow)). 1920, 1 Sep.
9. Istoriya industrializatsii Kazakhskoi SSR (1926–1941): v 2-kh t. T. 2 / Pod red. S.B. Baisheva [The History of Industrialization of the Kazakh SSR (1926–1941): in 2 Vol. Vol. 2 / Under the Editorship of B. S. Baisheva]. Alma-Ata, Nauka, 1967. 432 p.
10. Itogi razvitiya narodnogo khozyaistva i kul'turnogo stroitel'stva Kazakhskoi SSR za gody vtoroi pyatiletki [The Results of the Development of the National Economy and Cultural Construction of the Kazakh SSR during the Second Five-Year Plan]. Alma-Ata, UNKHU KazSSR, 1940. 84 p.
11. Kenzhebaev S. Sovety v bor'be za postroenie sotsializma. Istoriya sovetskogo stroitel'stva v Kazakhstane. 1917–1937 gg [The Soviets in the Struggle to Build Socialism. The History of Soviet Construction in Kazakhstan. 1917–1937]. Alma-Ata, 1969. 359 p.
12. Kompartiya Kazakhstana v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov. T. 1 [The Communist Party of Kazakhstan in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums. Vol. 1]. Alma-Ata, 1981. 403 p.
13. KPSS i Sovetskoe pravitel'stvo o Kazakhstane: sbornik dokumentov i materialov [The Communist Party and the Soviet Government of Kazakhstan: Collection of Documents and Materials]. Alma-Ata, 1978. 396 p.
14. Lenin V.I. Doklad na II Vserossiiskom s"ezde kommunisticheskikh organizatsii narodov Vostoka 22 noyabrya 1919 g. [Report at the II All-Russian Congress of Communist Organizations of Peoples of the East; November 22, 1919] Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 39 [Lenin V.I. PSS. Vol. 39]. M., Politizdat, 1970. pp. 318–331.
15. Rysbekova S.T. Sovetskii opyt sotsial'noi modernizatsii traditsionnogo obshchestva: uroki i istoricheskoe znachenie (1920–1936 gg.): avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk [The Soviet Experience of Social Modernization of Traditional Society: Lessons and Historical Significance (1920–1936): Author. Doct. Thesis of Hist. Sciences]. Oral (Kazakhstan), 2010. 40 p.
16. Sbornik statisticheskikh svedenii o dvizhenii naseleniya, skota i urozhaev po KSSR s 1880 po 1922 gg [Collection of Statistic Information on the Movement of People, Livestock and Crops by CEB from 1880 to 1922]. Orenburg, TSSU KSSR, 1925. 97 p.
17. Stalin I.V. Anarkhizm ili sotsializm [Anarchism or Socialism] I.V. Stalin. Sochineniya. T. 1 [Stalin I.V. Works. Vol. 1]. M., OGIZ, 1946. pp. 294–372.
18. Stenograficheskii otchet 2-go s"ezda Sovetov Kirgizskoi Sotsialisticheskoi Sovetskoi respubliki, 4–10 oktyabrya 1921 g [Verbatim Report of the 2nd Congress of Soviets of the Kirghiz Soviet Socialist Republic, 4–10 October 1921]. Orenburg, [b.i.], 1921. 194 p.
19. Stepnaya pravda (The Steppe Truth). 1923, 4 Oct.
20. Tursunbaev A.B.. Kazakhskii aul v trekh revolyutsiyakh [Tursunbaev A. B.. Kazakh Aul in Three Revolutions]. Alma-ATA, Kazakhstan, 1967. 481 p.

21. Tursunbaev A.B. Pobeda kolkhoznogo stroya v Kazakhstane [The Victory of the Collective Farm System in Kazakhstan]. Alma-ATA, Kazgosizdat, 1957. 325 p.
22. Uchreditel'nyi s"ezd Sovetov Kirgizskoi (Kazakhskoi) ASSR, 4-12 oktyabrya 1920 g.: protokoly [The Founding Congress of Soviets of the Kirghiz (Kazakh) ASSR, 4-12 Oct 1920: the Protocols]. Alma-ATA, Kazkraiizdat, 1936. 127 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шамишия Мухамедина – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии факультета общенаучных дисциплин Уфимского государственного нефтяного технического университета г. Уфа;
e-mail: mukhamedina@mail.ru; mukhamedina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shamshiya Mukhamedina – Doctor of historical sciences, Professor of department of history and political science Faculty of general scientific disciplines
The Ufa state Oil technical university Ufa;
e-mail: mukhamedina@mail.ru, mukhamedina@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мухамедина Ш. Пролетарская социализация в Казахстане (1920–1936 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 24–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-24-32

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

S. Mukhamedina. Proletarian socialization in Kazakhstan (1920–1936). *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 2, pp. 24–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-24-32

УДК 327 (470+430) “2009/2015”

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-33-45

ГЕРМАНО_РОССИЙСКИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 2009–2015 ГГ.

Шелудченко Н.П.*Московский государственный областной университет
105005 Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская федерация*

Аннотация. Статья посвящена краткому анализу германо-российских межгосударственных отношений, сложившихся в 2009–2015 гг. Здесь раскрываются характер, содержание и особенности этих отношений в двух временных измерениях: до «украинского кризиса» и после (2014–2015 гг.). Подчёркивается, что на первом этапе, несмотря на имеющиеся разногласия, оба государства поддерживали отношения на довольно высоком уровне. Своеобразной точкой отсчёта германо-российских отношений стал «украинский кризис» (2014 г.), представляющий серьёзную угрозу для России и в котором приняла участие и ФРГ. Но учитывая ряд весьма важных обстоятельств, правительство Германии порой вынуждено было взять на себя определённую роль посредника в ухудшающихся отношениях между Западом и Россией.

Ключевые слова: межгосударственные отношения, Российская Федерация, Федеративная Республика Германия, «европеизация», торговое партнёрство, украинский кризис, «мягкая сила».

RUSSIAN_GERMAN INTERGOVERNMENTAL RELATIONS IN 2009–2015

N. Sheludchenko*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article deals with the brief analysis of German-Russian Intergovernmental Relations within the period of 2009–2015. The character, content and specificities of these relations are given in two time dimensions: before the “Ukrainian crisis” and after it (2014–2015). It is stressed that during the first stage, despite some disagreements, both states maintained relations at a rather high level. The “Ukrainian crisis” (of 2014) has become a certain benchmark in German-Russian relations. The crisis, in which the FRG took part, has become a grave threat for Russia. But, taking into consideration a number of rather important circumstances, the government of Germany occasionally had to be a mediator in the aggravating relations between the West and Russia.

Key words: intergovernmental relations, the Russian Federation, The federative Republic of Germany, “Europeization”, trading partnership, the Ukrainian crisis, “soft power”.

Указанный хронологический период был важным как в мире в целом, так и в Европе. Мир был охвачен в 2008–2009 гг. финансовым кризисом, а в ФРГ, ведущей стране Европы, в сентябре 2009 г. проходили очередные выборы в парламент и канцлера. По результатам выборов было образовано коалиционное правительство из представителей победивших партий ХДС/ХСС и СвДП, а канцлером страны в очередной раз была избрана А. Меркель (лидер ХДС).

На смену немецким социал-демократам, исторически ориентируемым на конструктивное сотрудничество с Россией, пришла СвДП, предпочитавшая жёсткую критику российского руководства [3, с. 71]. Были опасения, что свободные демократы могут внести диссонанс в российско-германские отношения, однако они не оправдались. В это же время в рамках «Петербургского форума» (он был создан в апреле 2001 г. для усиления и расширения германо-российского сотрудничества) проходила очередная конференция. На этой конференции было отмечено, что несмотря на имеющиеся разногласия, общих интересов всё же больше, чем различий; оба сообщества (российское и немецкое) не могут обойтись без сотрудничества, если хотят справиться с проблемами будущего [31].

Россия для Германии представляла особый интерес. Он определялся не только историей, но и спецификой современных германо-российских взаимоотношений, имеющих стратегический характер и ориентированных на совместное решение европейских проблем. Для России, в свою очередь, ФРГ являлась основным экономическим и политическим партнёром среди запад-

ных стран [4, с. 7]. Особое отношение ФРГ к России было озвучено сразу же после выборов 2009 г. министром иностранных дел Германии Г. Вестервелле и новым президентом страны К. Вульфом в октябре 2010 г. во время его первого визита в Москву. К. Вульф сказал следующее: «Наши отношения стратегические, партнёрские, исключительно развитые... У нас есть особые связи и между политическими структурами, между регионами, между партиями, институтами гражданского общества» [29].

Надо сказать, что ещё в нулевые годы XXI в. отношения ФРГ и России именовались стратегическим партнёрством. Но отсутствие прочной институциональной основы отношений Евросоюза и РФ давало повод многим исследователям считать «стратегическое партнёрство» пустым звуком [2, с. 5]. И только несколькими годами позже подобная формулировка немцами была уточнена.

В самой Германии скрадывался имидж России, который находился в стадии формирования. И это можно было проследить, анализируя немецкие СМИ. Нужно отметить, что германские масс-медиа с учётом высокого уровня взаимоотношений ФРГ и России в политической, экономической и культурных сферах проявляли повышенный интерес к российской тематике. Основной объём информации был позитивный, объективно отражающий динамику углубления и диверсификации российско-германского стратегического партнёрства [11, с. 128–129]. Что же касается конкретно внутренней и внешней политики России, отзывы о ней часто бывали в германской прессе негативными. Тем

не менее основной объём информации был выдержан в позитивном ключе. Устойчиво росло число сторонников взвешенного и конструктивного подхода к России [11, с. 136].

Необходимо иметь в виду, что политику ФРГ во многом формирует и определяет канцлер и его ближайшее окружение. В годы первого канцлерства А. Меркель (2005–2009) отношения между ФРГ и Россией развивались конструктивно [6, с. 14]. Канцлерин неоднократно заявляла о преемственности предыдущего доброжелательного курса ФРГ во времена канцлера Г. Шрёдера и не отказывалась от прежнего формата сотрудничества. Возможно, здесь сказывалось мировоззрение самой А. Меркель, обучавшейся и воспитанной в соответствующем духе в ГДР. По свидетельству некоторых российских исследователей, А. Меркель ещё со времён школьной юности относилась к нашей стране весьма позитивно. Но как политик она вынуждена была считаться с политической ситуацией и с общественным мнением Германии [25, с. 133].

Упомянутые особенности в политике А. Меркель были более заметны во второй срок её канцлерства 2009–2013 гг. Здесь нельзя не учитывать ряд серьёзных изменений, произошедших в ряде стран, включая ФРГ и Россию, в мировой экономике и политике.

После смены правительства в ФРГ в 2009 г. и с приходом к власти вновь А. Меркель на смену эмоциональному стилю приходит жёсткий прагматизм [30, с. 25]. Тем не менее отношения между двумя государствами оставались на стабильном, нормальном уровне. Между президентом России Д. Медведевым (2008–2012 гг.) и А. Меркель сложились

весьма дружеские, доверительные отношения. «Нужный тонус двустороннему диалогу задавали интенсивные, насыщенные контакты лидеров двух стран, которые только в одном 2010 г. встречались в различных форматах 7 раз» [24, с. 34–42]. В частности, на одной из встреч было обсуждено предложение российского президента о новой архитектуре безопасности, и эта идея была поддержана А. Меркель. Логическим следствием указанного обсуждения стал меморандум Д. Медведева и А. Меркель от 5 июня 2010 г. относительно создания комитета Россия–ЕС по вопросам безопасности, который должен заниматься разработкой рекомендаций по урегулированию кризисных ситуаций в Европе [3, с. 173].

В это время происходит дальнейшее усиление роли Германии в Евросоюзе не только в финансово-экономической сфере (ФРГ была «локомотивом» Евросоюза), но и в плане формирования его внешней политики. Да и имидж России в международном плане также возрастал. Рубеж первых двух десятилетий XXI в. – весьма плодотворный период в отношениях ФРГ и РФ. Чем можно объяснить тогдашнее активное германо-российское сотрудничество в области политики?

Причин здесь много – общность интересов, близость культур, современная история [7, с. 174], о чём мы упомянули выше. Для германо-российских отношений этого периода характерно постоянное стремление к диалогу практически во всех сферах, в том числе и политической. Германия ставила в 2009–2010 гг. перед собой двудеятую политико-экономическую задачу: содействие встраиванию российской экономики в европейское экономи-

ческое пространство в качестве составной части будущей общественной архитектуры безопасности [22, с. 16]. Россия и Германия по сути дела являлись тогда ключевыми политическими игроками в Европе. Но уже несколько изменилась международная обстановка и появились новые факторы, которые стали оказывать определённое воздействие на двусторонние отношения. Прежде всего, историческое прошлое, историческое наследие двух стран не ушло как фактор отношений, но теперь играет гораздо меньшую роль. Во-вторых, и Германия, и Россия находятся под воздействием процесса глобализации, со всеми вытекающими последствиями. В-третьих, как пишет известный специалист по Германии Н.В. Павлов, «всплеск обострения отношений между элитами двух стран связан с публикацией статьи В. Путина в «Известия» 3 октября 2011 г. о Евразии, из которой следовало, что российское руководство решило сосредоточить свою активность на республиках бывшего СССР, то есть на сферу своих интересов в Евразии». [23, с. 38]. И в-четвёртых, как нам представляется, когда в России в 2011–2012 гг. в связи с парламентскими, а затем президентскими выборами произошли в Москве оппозиционные выступления, немцы по-иному стали смотреть на Россию. Произошла определённая переоценка ценностей в отношении Москвы. После упомянутых оппозиционных выступлений вновь избранный в марте 2012 г. президентом В. Путин больше не воспринимался в ФРГ как представитель консолидированного российского общества [30, с. 48].

Такой подход наложился ещё и на существующие ранние фобии части

германской элиты по отношению к В. Путину. Напомним, что в первую очередь это связано с неожиданным, смелым выступлением В. Путина на международной конференции в г. Мюнхене (ФРГ) в 2007 г. Президент РФ, в отличие от вечно уступчивого и неадекватного бывшего президента Б. Ельцина, часто пренебрегающего национальными интересами страны, напомнил Западу, что у России есть свои национальные интересы и он должен их учитывать [26].

Запад был в шоке, так как он тогда считал Россию слабой, зависимой страной. Особенно возмутились США, которые считали Россию побеждённым государством, они решили её наказать и началась кампания по демонизации В. Путина на Западе. Нельзя не согласиться с мнением российского историка Н.А. Нарочницкой: «Запад всегда будет приветствовать только такого российского лидера, который окажется сугубо западником. Запад всегда будет демонизировать лидера, который хочет сильной и самостоятельной России» [16, с. 241].

Новый подход Запада наложился на традиционную неприязнь. Известный эксперт из ФРГ по России, журналист А. Рар отмечал в своей книге, что одна из причин напряжённости в германороссийских отношениях, недоверие немецких СМИ – это работа В. Путина в КГБ [27, с. 278]. Нельзя не признать также, что фактор страха, проявляющийся в немецких медиа, носит скорее иррациональный характер, а вражда и ненависть к России часто подогревается искусственно.

Возвращаясь к отрицательному образу В. Путина, который тиражируется на Западе, в Германии в частности,

нельзя не заметить, что неприязнь к нему возникла как следствие его деятельности по укреплению российской государственности. Процесс «европеизации» России при Ельцине крайне негативно отразился на стране – коррупция, слабое соблюдение законов, чиновничий беспредел, обнищание значительной части населения, поляризация общества, раскол его на богатых и бедных, зависимость России от Запада. Эти удручающие обстоятельства не могли устраивать прежде всего патристическую часть российской элиты, В. Путина в частности, что нашло отражение в его выступлениях и практических действиях. Не случайно ещё в 2011 г. В. Путина лишили постфактум общественной премии «Квадрига», которая вручалась за стремление к инновациям, общественному благу и обновлению в сфере политики, экономики и культуры. Уже награждённого В. Путина лишили награды. Его наказали за фактический отказ от такого варианта «европеизации», который идёт вразрез с национальными интересами России [19].

С учётом вышеописанного и весь 2012 г. проходил под знаком критики немцами прежде всего политического руководства России, механизма выборов, усиления авторитарных тенденций, политики Кремля в отношении правозащитников и оппозиции. В марте 2012 г. в России активизировались силы, которые уже многие годы требуют маргинализации России внутри Европы [30, с. 13]. Подобные силы, как известно, были и в ФРГ.

Более того, в связи с падающей в то время конкурентоспособностью европейских стран, дестабилизацией Средиземноморья из-за сложной си-

туации, военных действий в арабских странах, политикой давления США, в ФРГ выдвигается тезис об изменении внешнеполитического курса в отношении России. Москва и Берлин говорят об одних и тех же проблемах, но выбирают разные приоритеты и преследуют разные цели. Как отмечал Ш. Майстер, «консенсус внутри немецких элит по поводу того, что интеграция России в Европу и её демократизация являются ключом к европейской безопасности, пока ещё сохранялся» [30, с. 24]. Правда, двусторонние контакты развивались уже в направлении их привязки к соседям Германии и авторитетным международным организациям, прежде всего, Евросоюзу.

В Москве стратегическое партнёрство с ФРГ расценивалось как один «из ключевых факторов европейской и глобальной политики» [24, с. 37]. В области внешней политики и международных отношений у России и Германии помимо разоружения и нераспространения оружия массового поражения были близкие или совпадающие подходы по таким проблемам, как безопасность, борьба с терроризмом, наркобизнесом, организованной преступностью, охрана природы и др.

Немалое значение для активного политического сотрудничества двух стран имели и общественные связи. Это прежде всего взаимодействие общественных организаций, культурные, гуманитарные и молодёжные обмены, межрегиональное сотрудничество, широкие связи по линии гражданского сообщества. Взаимодействие двух стран включало в себя и около 100 партнёрских связей между городами, 500 – между вузами. Говоря об общественных связях, нельзя не отметить и

тот факт, что в Германии за определённый период времени «сформировалась довольно большая и активная диаспора соотечественников – русскоязычных людей от 3,5 до 4,5 млн. человек [8, с. 62].

Несмотря на сложности, германо-русское сотрудничество продолжалось. Об этом свидетельствуют и дебаты в немецком Бундестаге, проведённые в ноябре 2012 г. Они подтвердили настрой немецких парламентариев на диверсификацию многопланового сотрудничества России и Германии [5, с. 65]. Тем не менее после возвращения В. Путина на пост президента РФ двусторонние отношения с ФРГ несколько ухудшились; и инициаторами здесь выступали немцы [2, с. 57]. Чем объяснить такие изменения в политике ФРГ? Дело в том, что в современной мировой политике тон задают англосаксы, в первую очередь США. Американцы после распада СССР, после чудовищной бомбардировки Югославии в 1999 г. сделали ставку на однополярный, американоцентричный мир.

В это же время формируется объединённая Европа (ЕС), ставшая соответствующим «полюсом силы», который не вполне устраивал США. Поэтому американцы постепенно и целенаправленно превращали её в зависимый континент. Европа стала «плясать» под американскую дудку. США ещё в прошлом десятилетии, согласно оценке французского социолога Э. Тодда, сплели мировую паутину экономических и военных связей. Проамериканские элиты созданы по всему миру [1]. Не стала исключением и ФРГ. США подписали с немцами ещё после Второй мировой войны секретное соглашение, согласно которому

немецкий золотой запас хранится за океаном, а на территории ФРГ создано около трёхсот американских военных баз. Кроме того, США используют метод подкупа управленческой верхушки европейских стран [28]. Они располагают мощными рычагами давления на Германию и её правительство. А. Меркель как опытный политик не могла этого не учитывать, но полностью игнорировать выгодного партнёра, влиятельного восточного соседа – Россию она также не хотела. Она стремилась по мере возможности сохранить роль самостоятельного игрока в европейской и мировой политике [21, с. 199].

Тем не менее в условиях обостряющихся отношений между Западом и Россией, несмотря на многолетнее взаимовыгодное сотрудничество с РФ, А. Меркель вынуждена была ориентироваться на Вашингтон и Брюссель [6, с. 17]. Из вышесказанного можно сделать вывод: происходящие в Европе различные геополитические, экономические, стратегические сдвиги, изменения встраиваются скорее всего в американскую, но не в европейскую конфигурацию.

Осенью 2013 г. в ФРГ состоялись парламентские выборы, на которых победу одержали блок ХДС/ХСС совместно с СДПГ и было образовано правительство «большой коалиции» во главе с А. Меркель. Результаты выборов в парламент Германии 22 сентября 2013 г. были расценены многими европейскими и мировыми СМИ как персональный триумф А. Меркель. Некоторые поспешили окрестить лидера ХДС «канцлером Европы» [25, с. 126]. После парламентских выборов в стратегическом плане московский вектор внешней политики ФРГ по-прежнему

был ориентирован на адаптацию России к евроатлантическим ценностям и структурам, а приоритетными продолжали оставаться ЕС, НАТО и США [23, с. 39].

Позитивным моментом является назначение на пост министра иностранных дел в коалиционном правительстве ФРГ социал-демократа Ф.В. Штайнмайера. Он не является сторонником конфронтации с Россией и предпочитает методы «осторожной» и «умной» дипломатии. Более того, у главного дипломата Германии сложились доверительные отношения с министром иностранных дел РФ С. Лавровым. Безусловно, это способствует откровенному диалогу по многим вопросам, в том числе и по вопросам взаимного сотрудничества. Тем не менее российский вектор внешней политики ФРГ постепенно пересматривается под влиянием различных факторов.

А. Меркель и её правительство стали проводить более целенаправленный внешнеполитический курс с явно выраженными амбициозными чертами. Например, в своём заявлении от 13 ноября 2013 г. канцлер чётко высказалась по поводу недопустимости оказания влияния на те страны, с которыми Евросоюз желает сотрудничать в рамках «Восточного партнёрства» [6, с. 19]. Это был явный намёк на Россию, да и ряд исследователей также пришли к такому же мнению. Восточная Европа, как известно, была с давних пор зоной стратегического и геополитического влияния России. Следует напомнить, что с момента воссоздания единого германского государства (3 окт. 1990 г.), ФРГ выстраивала свою линию во внешней политике в уникальных исторических условиях [12, с. 103].

Они определялись тем, что падение социалистических режимов в странах Восточной Европы, а тем более развал СССР создали политический и идейный вакуум в указанном регионе, что открывало беспрецедентные возможности для ФРГ.

Германия заметно усилила амбициозные претензии в Восточной Европе, используя при этом свой мощный экономический и финансовый потенциал, а также фактор «мягкой силы». Претензии немцев в значительной степени были реализованы, и поэтому ФРГ считает Восточную Европу зоной своего экономического и политического влияния. С учётом всего изложенного заявление, сделанное А. Меркель, можно рассматривать как своего рода предупреждение России, поставившее РФ в довольно трудное положение. Таким образом осложнения, ведущие к ухудшению отношений России и ФРГ, были налицо.

Нельзя отрицать, что между двумя странами долгие годы были деловые партнёрские отношения, некоторые исследователи называли их стратегическими. Именно прочные отношения с Россией давали Германии политическую и экономическую устойчивость, которая помогла ей встать в ряд с ведущими мировыми державами [21, с. 100]. Но изменяющаяся политическая обстановка в мире, связанная прежде всего с реализацией гегемонистского курса США, заметная активизация внешнеполитического курса России не могли не влиять на позицию ФРГ, следовавшей в фарватере политики Вашингтона.

Своеобразной точкой отсчёта ухудшения отношений стал украинский кризис, развернувшийся весной 2014 г.

при активном участии США. Кризис представлял серьёзную угрозу для России. Американцы стремились превратить Украину в форпост, направленный против России, подключая к этому процессу весь Запад, включая ФРГ. Начал меняться в худшую сторону характер германо-российских отношений. Пророссийские настроения в Германии были не столь значительны, СМИ наращивали критику внешней политики РФ. Всё это не могла не учитывать А. Меркель. К тому же свобода манёвра ФРГ в международных делах в силу уже упомянутых обстоятельств была довольно ограничена.

В марте 2014 г. Германия фактически прекратила военно-техническое сотрудничество с Россией, а в апреле вслед за США и Англией исключила Россию из списка стран, имеющих доступ к импорту из Германии товаров двойного назначения [10, с. 71]. Запад начал применять против России экономические санкции, вызывая ответную реакцию.

Вместе с тем ФРГ всё же пытается сохранить определённую самостоятельность во внешнеполитических действиях в отношении как России, так и Украины. В сложившейся ситуации правительство А. Меркель, понимая, что усиливающееся противоборство между Западом и Россией может привести к ещё более худшему сценарию, а также учитывая значимое место РФ в экономике ФРГ, предпринимает попытки строить отношения с Россией на компромиссной основе. Поздней осенью 2014 г. канцлер выступает за продолжение сотрудничества с РФ. Для этого А. Меркель предлагает выработать определённый минимум общих ценностей, добавляя, «что в средней и

долгосрочной перспективе нам следует продолжить тесное сотрудничество с Россией» [32].

Российский вектор внешней политики ФРГ пока присутствует. По сути дела, Германия заняла двойственную позицию; с одной стороны, она возглавила антироссийскую коалицию в ЕС [17], с другой – по мере углубления украинского кризиса взяла на себя посредническую роль в отношениях между Западом и Россией. Во время саммита «двадцатки» в Австралии в ноябре 2014 г. непосредственно проходили переговоры В. Путина и А. Меркель, которые длились около четырёх часов, причём длительное время – с глазу на глаз. Содержание переговоров не афишировалось, но сам факт длительных переговоров двух лидеров свидетельствовал о том, что ФРГ вынуждена считаться с позицией России по ряду важных вопросов. Правда, на заключительном этапе саммита А. Меркель выступила с резкой критикой в адрес российского президента. Исследователь отмечает, что с её стороны это была дипломатическая уловка, «возможно, это было необходимо Берлину, поскольку в Вашингтоне, Лондоне, Варшаве весьма недоверчиво смотрят на декларируемую одновременно приверженность канцлерин поддержанию прямых контактов и поиску дипломатических развязок с Кремлём» [17].

После переговоров В. Путина с А. Меркель в Австралии, министр иностранных дел ФРГ Ф.В. Штайнмайер 18 ноября 2014 г. посетил Москву, – для того, чтобы предпринять попытку улучшения взаимоотношений России и ЕС. Правда, миссия Ф.В. Штайнмайера не совсем удалась, но она высветила определённое желание А. Меркель и

её ближайшего окружения уменьшить эскалацию конфликта между ЕС и Россией.

В этой связи нельзя не учитывать позиции германских деловых кругов. В рассматриваемый период, по некоторым данным, в России действовало 6500 немецких компаний [30, с. 218]. Они выступают против антироссийских санкций, наносящих значительный вред бизнесу ФРГ. Представители этих кругов буквально наводнили правительство А. Меркель различными петициями, просьбами, требующими нормализации отношений с Москвой.

Характерно в этой связи заявление известного немецкого профессора М. Гюллнера: «В то время, как большинство немцев сомневаются в эффективности экономических санкций против России, граждане Германии в основном убеждены, что тесное экономическое сотрудничество с Россией поможет положительно влиять на экономические отношения, и поэтому его следует наращивать» [Цит. по: 18]. Очень хорошая мысль, дающая ключ к пониманию ситуации и обоюдному решению усложнённых проблем германо-российских отношений.

Правительство ФРГ вынуждено прислушиваться к мнению германского бизнес-сообщества и поддерживать на определённом уровне отношения с Россией. Посредническая роль ФРГ во взаимоотношениях ЕС и РФ была налицо, но отмечалась заметной двойственностью.

Не стала исключением в этом плане традиционная новогодняя речь канцлера 31 декабря 2014 г., где были и высказывания в адрес России. С одной стороны, А. Меркель заявила, что «европейцы хотят безопасности Евро-

пы вместе с Россией, а не против неё»; но тут же добавила: «Европа действия сильного (России – прим. авт. – Н.Ш.), который нарушает международное право, не может и не будет признавать» [17].

В указанное время правительство А. Меркель, делая всё менее заметные реверансы в сторону России, перешло на режим санкций против неё. Оно уступило давлению англосаксов по мере эскалации украинского конфликта. «А. Меркель наряду с Б. Обамой стала играть центральную роль при формировании ответа Запада на действия Москвы» [6, с.19]. Более того, «ФРГ стала не только американским соучастником санкционной политики в отношении России, но и её активным проводником» [13, с.175].

Выше уже отмечались некоторые причины такого резкого поворота ФРГ в отношении России. К этому можно добавить ещё одно немаловажное обстоятельство: «Берлин не может не сознавать, что растущая мощь страны (ФРГ) вызывает ревность и настороженность со стороны её ближайших партнёров по ЕС и США... Германские политики опасаются, что США могут устроить обструкцию Берлину, ... который хочет сохранить свой статус кво, своё лидерство в Европе» [20, с. 68].

С такой точкой зрения нельзя не согласиться, учитывая также, что ФРГ не может претендовать на ключевую роль в современных международных отношениях. Поэтому она вынуждена «прогибаться» и следовать в фарватере внешней политики США. Украинский кризис выявил это. «Нынешняя позиция ФРГ по украинской проблематике, сформулированная под прямым влия-

нием США, в очередной раз подтвердила справедливость данного тезиса» [15, с. 136].

В то же время отрицательное воздействие российских контрсанкций на германскую экономику даёт о себе знать. Это влияет на психологию, взгляды и позицию всё большего числа немцев, трезво оценивающих германо-российские отношения. Масса недовольных развитием событий вокруг Украины, конфронтацией Запада и России, позицией политического руководства ФРГ постепенно увеличивается. Тем не менее канцлер, проявляя трансатлантическую солидарность, проводит прежний антироссийский курс. Взаимоотношения ФРГ и США по-прежнему являются ядром трансатлантических отношений. Атлантизм остаётся одним из важнейших элементов внешней политики германского правительства [14, с. 38–42]. При этом, как справедливо указывает российский исследователь Е. Леонов, «признание руководством ФРГ глобального лидерства США приводит к непоследовательности современной политики Германии в отношении России. Германская сторона вынуждена прислушиваться к мнению «старшего партнёра» по ту сторону Атлантики...» [15, с. 143], пренебрегая интересами своего бизнеса, ориентированного на Россию.

Помимо части германского бизнес-сообщества, отдельные известные

политические деятели ФРГ также начали постепенно осознавать малоэффективность экономических санкций Германии против России, пагубность антироссийского курса. Ярким подтверждением является запланированный в декабре 2015 г. визит премьера Баварии Х. Зеехофера в Москву [9], поездку которого поддержала А. Меркель. В повестке дня визита – развитие экономических отношений между Россией и Баварией, но сам его факт имел большое политическое значение для российско-германских отношений. Многие немцы рассматривают Х. Зеехофера – лидера крупнейшей партии Христианско-социальный союз (ХСС) – как оппонента Меркель. Этот немаловажный факт ещё раз убедительно свидетельствует о том, что определённая посредническая миссия ФРГ в сложнейшем конфликте между Западом и Россией сохраняется. Подобной точки зрения придерживаются и авторитетные российские исследователи, которые указывают, что «в урегулировании взаимоотношений между Западом и Россией весьма важна и сохраняющаяся роль ФРГ как посредника. Нынешняя напряжённая ситуация видится, хотя и не быстро, преодолимой» [14, с. 44].

Будем надеяться, что благоразумие восторжествует, несмотря на все коллизии, существующие в отношениях между ФРГ и Россией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргументы и факты. 2008. № 5.
2. Басов Ф. Россия в установках политических партий ФРГ // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 4. С. 56–61.
3. Белов В.Б. Российско-германские отношения – поступательное развитие // Германия. 2010 (Доклад № 267 ИЕ РАН). М.: Ин-т Европы РАН, 2011. С. 170–188.
4. Белов В.Б., Максимычев И.Ф. Образ современной России в Германии. М.: Ин-т Европы РАН, 2010. 69 с.

5. Васильев В. Антикризисная политика А. Меркель в рамках Европейского союза // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 5. С. 55–66.
6. Васильев В. Восточная политика Германии: противоречивая эволюция // *Международная жизнь*. 2015. № 1. С. 14–28.
7. Грановская М. От Ганзы до «Мерседеса» // *Международная жизнь*. 2012. № 12. С. 174–177.
8. Гранин В. Россия и Германия: история длиною в 1000 лет // *Международная жизнь*. 2012. № 6. С. 57–65.
9. Григорьев Е. Мюнхен затмил Берлин // *Независимая газета*. 2016. 4 февраля.
10. Зарецкий В. Германские инвестиции в Россию // *Международная жизнь*. 2014. № 9. С. 60–78.
11. Кравченко И. Образ России в германских СМИ // *Международная жизнь*. 2010. № 2. С. 128–140.
12. Классен И. Новый курс во внешней политики Германии // *Международная жизнь*. 2014. № 5. С. 103–113.
13. Клепацкий Л.Н. Имеют ли немцы «gross Zukunft» в российской экономике // *Международная жизнь*. 2015. № 3. С. 171–175.
14. Кокеев А. Трансатлантические отношения во внешней политике Германии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 11. С. 38–46.
15. Леонов Е. Современная Германия в фарватере концепции глобального лидерства США // *Международная жизнь*. 2015. № 6. С. 136–142.
16. Нарочницкая Н. Великие войны XX столетия: ревизия и правда истории. М.: Вече, 2010. 367 с.
17. Никифоров О. Искусство толкования новогодних речей немецких политиков // *Независимая газета*. 2015. 12 янв.
18. Никифоров О. Немецкий бизнес пока остаётся в России // *Независимая газета*. 2015. 17 авг.
19. Никифоров О. Российский угол западного мышления // *Независимая газета*. 2016. 12 июл.
20. Оганесян А. Ловушка для Германии // *Международная жизнь*. 2015. № 2. С. 66–72.
21. Оганесян А. Прощай, Германия // *Международная жизнь*. 2014. № 8. С. 98–100.
22. Павлов Н. 20 лет германского единства // *Международная жизнь*. 2010. № 11. С. 66–78.
23. Павлов Н.В. Российский вектор во внешней политике А. Меркель // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 6. С. 31–42.
24. Павлов Н.В. Россия и Германия перед вызовами XXI века // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 6. С. 34–42.
25. Платошкин Н. «Европейский канцлер» или закат эры Ангелы Меркель? // *Международная жизнь*. 2013. № 10. С. 126–134.
26. Познер В. Мы заставим считаться с собой // *Аргументы и факты*. 2016. № 38.
27. Рар А. Россия жмёт на газ: возвращение мировой державы. М.: ОЛМА, 2008. 384 с.
28. Решетников Л.П. США висят на волоске // *Аргументы и факты*. 2016. № 5.
29. *Российская газета*. 2012. 13 окт.
30. Россия и Германия в пространстве европейских коммуникаций // Под ред. А.В. Девяткова и А.С. Макарычева. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2013.
31. Хайльваген О. Плодотворная работа // *Deutschland*. 2009. № 5.
32. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2014. 15 Mai.

REFERENCES

1. Argumenty i fakty [Arguments and Facts]. 2008. no. 5.
2. Basov F. Rossiya v ustanovkakh politicheskikh partii FRG [Russia in the Attitudes of Political Parties of Germany]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2014. no. 4. pp. 56–61.
3. Belov V.B. Russian-German Relations – Ongoing Development. *Germaniya. 2010 (Doklad № 267 Instituta Evropy Rossiiskoi AN)*. [Germany. 2010 (Report No. 267 of Institute of Europe Russian Academy of Sciences)]. M., Institut Evropy RAN, 2011. pp. 170–188.
4. Belov V.B., Maksimych I.F. Obraz sovremennoi Rossii v Germanii [The Image of Modern Russia in Germany]. M., In-t Evropy RAN, 2010. 69 p.
5. Vasil'ev V. Antikrizisnaya politika A. Merkel' v ramkakh Evropeiskogo soyuza [Anti-Crisis Policy, Merkel within the European Union]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2013. no. 5. pp. 55–66.
6. Vasil'ev V. Vostochnaya politika Germanii: protivorechivaya evolyutsiya [The Eastern Policy of Germany: the Controversial Evolution]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2015. no. 1. pp. 14–28.
7. Granovskaya M. Ot Ganzy do «Mersedesa» [From Hansa Teutonica to "Mercedes"]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2012. no. 12. pp. 174–177.
8. Granin V. Rossiya i Germaniya: istoriya dlinoyu v 1000 let [Russia and Germany: History of 1000 Years Length]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2012. no. 6. pp. 57–65.
9. Grigor'ev E. Myunkhen zatmil Berlin (Munich was Eclipsed by Berlin). *Nezavisimaya gazeta*, 2016, 4 Feb.
10. Zaretskii V. Germanskie investitsii v Rossiiu [German Investments in Russia]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2014. no. 9. pp. 60–78.
11. Kravchenko I. Obraz Rossii v germanskikh SMI [The Image of Russia in the German Media]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2010. no. 2. pp. 128–140.
12. Klassen I. Novyi kurs vo vneshnei politiki Germanii [New Course in German Foreign Policy]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2014. no. 5. pp. 103–113.
13. Klepatskii L.N. Imeyut li nemtsy «gross Zukunft» v rossiiskoi ekonomike [Whether the Germans Have "Gross Zukunft" in the Russian Economy]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2015. no. 3. pp. 171–175.
14. Kokeev A. Transatlanticheskie otnosheniya vo vneshnei politike Germanii [Trans-Atlantic Relations in the Foreign Policy of Germany]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015. no. 11. pp. 38–46.
15. Leonov E. Sovremennaya Germaniya v farvatere kontseptsii global'nogo liderstva SSHA [Modern Germany in the Wake of the Concept of the USA's Global Leadership]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2015. no. 6. pp. 136–142.
16. Narochitskaya N. Velikie voyny XX stoletiya: reviziya i pravda istorii [The Great War of the Twentieth Century: Revision and Truth of History]. M., Veche, 2010. 367 p.
17. Nikiforov O. Iskustvo tolkovaniya novogodnikh rechei nemetskikh politikov (The Art of Interpretation of the New Year Speeches of German Politicians). *Nezavisimaya gazeta*, 2015, 12 Jan.
18. Nikiforov O. Nemetskii biznes poka ostaetsya v Rossii (German Business Still Remains in Russia). *Nezavisimaya gazeta*, 2015, 17 Aug.
19. Nikiforov O. Rossiiskii ugol zapadnogo myshleniya (The Russian Angle of Western Thought). *Nezavisimaya gazeta*, 2016, 12 Jul.
20. Oganessian A. Lovushka dlya Germanii [Trap for Germany]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2015. no. 2. pp. 66–72.
21. Oganessian A. Proshchai Germaniya [Goodbye Germany]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2014. no. 8. pp. 98–100.

22. Pavlov N. 20 let germanskogo edinstva [20 Years of German Unity]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2010. no. 11. pp. 66–78.
23. Pavlov N.V. Rossiiskii vektor vo vneshnei politike A. Merkel' [The Russian Vector in the Foreign Policy of Angela Merkel]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2014. no. 6. pp. 31–42.
24. Pavlov N.V. Rossiya i Germaniya pered vyzovami XXI veka [Russia and Germany Facing the Challenges of the XXI Century]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2012. no. 6. pp. 34–42.
25. Platoshkin N. «Evropeiskii kantsler» ili zakat ery Angely Merkel? ["European Chancellor" or the Decline of the Era of Angela Merkel?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2013. no. 10. pp. 126–134.
26. Pozner V. My zastavim schitat'sya s soboi [We'll Make Everyone Reckon with Us]. *Argumenty i fakty*. 2016. no. 38.
27. Rar A. Rossiya zhmet na gaz: vozvrashchenie mirovoi derzhavy [Russia Steps on the Gas: the Return of the World Power]. M., OLMA, 2008. 384 p.
28. Reshetnikov L.P. SShA visyat na voloske [The USA Are Hanging by a Thread]. *Argumenty i fakty*. 2016. no. 5.
29. *Rossiiskaya gazeta*, 2012, 13 Oct.
30. Rossiya i Germaniya v prostranstve evropeiskikh kommunikatsii [Russia and Germany in the Space of European Communications]. Tyumen, Tyumenskii gos. un-t, 2013. 272 p.
31. Khail'vagen O. Plodotvornaya rabota [Fruitful Work]. *Deutschland*. 2009. no. 5.
32. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2014. 15 Mai.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шелудченко Николай Петрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: and75@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sheludchenko Nikolay P. – PhD in History, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of New, Newest History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: and75@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шелудченко Н.П. Германо-российские межгосударственные отношения в 2009–2015 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 33–45.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-33-45

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

N. Sheludchenko. Russian-German intergovernmental relations in 2009–2015. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 2, pp. 33–45.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-33-45

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-46-55

«МЯГКАЯ СИЛА» КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Курылев К.П., Никулин М.А., Гончарова А.А.

Российский Университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10/2, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится анализ «мягкой силы» культурной дипломатии Ирана, которая способствует распространению национальных интересов ИРИ по всему миру. Эта составляющая внешнеполитической деятельности Ирана играет важную роль в деле продвижения образа этого государства в мире. Дается анализ эволюции «мягкой силы» Ирана – от позднего периода правления династии Пехлеви (1971–1979) до современной Исламской Республики. Рассматриваются различные инструменты ее реализации – через культуру, язык, туризм и диаспору. По мнению авторов, важность «мягкой силы» в вопросах иранской стратегии внешней политики будет расти и дальше.

Ключевые слова: «мягкая сила», культурная дипломатия, «диалог цивилизаций», внешняя политика, Иран.

THE "SOFT POWER" OF CULTURAL DIPLOMACY OF THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

K. Kurylev, M. Nikulin, A. Goncharova

Peoples' Friendship University of Russia

10/2, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, the Russian Federation

Abstract. The article provides the information on Iranian «soft power» that promotes IRI national interests worldwide. This component of the Iranian foreign policy plays an important role in the promotion of the state's image in the world. There is an analysis of the evolution of the «soft power» of Iran – from the late period of the Pahlavi dynasty (1971–1979) to modern Islamic Republic. Various tools for its implementation are considered - through culture, language, tourism and diaspora. According to the authors' opinion, the importance of «soft power» issues in Iranian foreign policy strategies will be growing further.

Key words: «soft power», cultural diplomacy, the concept of the dialogue among civilizations, foreign policy, Iran.

В условиях трансформации современных международных отношений, когда однополярная модель мироустройства продемонстрировала свою неэффективность и все более утверждается тенденция к оформлению полицентричного мира, растет роль нетрадиционных внешнеполитических инструментариев, в том числе такого, как «мягкая сила» (привлекательность государства). Данный термин

прочно вошел в современный политический и научный лексикон. В широком смысле под ним понимается повышение международного влияния, авторитета и возможностей своей страны через использование несиловых и невоенных методов продвижения интересов, ценностей, приоритетов, идей и взглядов. Это предполагает проведение определенных мероприятий в рамках как официальной дипломатии, так и неофициальной в русле государственной внешней политики той или иной страны посредством различных НПО и НКО, осуществляющих свою деятельность на территории других государств. Порой подобного рода деятельность может быть направлена на изменение внутренней политики того или иного государства.

«Мягкая сила» в последние годы играет все возрастающую роль. Государствам, претендующим на глобальное и региональное лидерство, крайне важно в этих условиях как можно скорее выработать собственную национальную концепцию «мягкой силы», отработать технологии и методы ее применения, стратегию развития, приоритеты и цели. Это предполагает необходимость определиться с финансовыми и организационными вопросами, политической и интеллектуальной поддержкой, заручиться помощью гражданского общества, а также сочувствующих в других странах.

Если изучать мировые аналоги, то наиболее активно действуют в данном направлении США, которые широко и деятельно применяют концепцию «мягкой силы». И большинство исследований по данной проблематике приходится именно на американскую *soft power*. Опыт других стран в фор-

мировании и развитии национальных форматов «мягкой силы» изучается менее фундаментально, хотя он есть и представляет интерес не только в научно-теоретическом плане, но и практическом. Так, например, с учетом растущей мощи КНР можно говорить об устойчивом интересе к изучению и пониманию его традиций «мягкой силы». Что же касается государств, претендующих на региональное лидерство, то здесь ситуация с осмыслением их «мягкосиловой» компоненты весьма плачевна. При том, что ряд подобных государств проявляют немалую активность в применении инструментария «мягкой силы» для обеспечения национальных интересов. Одним из таких государств является Исламская Республика Иран. Отечественная и зарубежная историография по проблеме его «мягкой силы» очень бедна [2; 3; 4; 5; 8; 9].

В связи с этим в качестве основной цели настоящего исследования авторы видят изучение «мягкосилового» инструментария во внешней политики Ирана после 1979 г.

Иран является одной из древнейших цивилизаций, сумевшей, несмотря на ряд исторических событий, включающий в том числе и завоевание арабами, сохранить свою индивидуальность. Сами иранцы полагают, что мир они обогатили такими нематериальными вещами, как поэзия и литература, и к числу своих национальных достояний относят три составляющие: персидские ковры, каллиграфию и миниатюру.

Иран славится распространением своей культуры с древних времён. Это можно рассматривать как один из компонентов использования «мягкой

силы». Помимо культуры, уже начиная с более позднего времени, сюда входит и распространение идей Исламской революции за пределами страны. Дуализм присутствует и в иранской структуре власти, заключающийся в том, что президент реализует публичную дипломатию на международной арене, в то время как духовный лидер страны определяет уровни «мягкой силы» Ирана. Наиболее презентабельным с этой точки зрения является пример президентства М. Хатами и его идея построения диалога цивилизаций, столкнувшаяся с противостоянием со стороны консервативных кругов иранского общества, а также работа Организации исламской иранской культуры и связей (ICRO) с её культурными центрами за пределами страны.

До исламской революции 1979 г. иранская культурная дипломатия базировалась на принципах, заложенных ещё до появления ислама в этой стране, основываясь на богатом культурном прошлом и цивилизационном наследии. В основе лежала национальная идентичность, определяемая по указу Шаха [16, с. 364–367]. Сам Шах был образованным и в некотором смысле европеизированным человеком, значительно отличавшимся от большей части населения. Шах находил обязательным привлечение на работу иностранных, в большинстве своём, западных специалистов, которые должны были способствовать развитию Ирана, построению новой цивилизации. Особенно это было заметно во время празднования 2500-летия монархии в 1971 г. в Персеполисе, сердце Ахеменидов, на которое прибыли представители многих иностранных государств. Это же может быть отмечено

и в 70-х гг. XX в., когда увеличивший свои доходы от нефти Иран приступил к призыву иностранцев на свою территорию. Императрица Фарах занимала центральное место в их деятельности. Так, она принимала участие в организации ежегодных художественных фестивалей в Ширазе [7, с. 27]. Последний шахский 12-ый фестиваль был отменён в связи с революционными событиями в стране. После революции музыка была отменена, лишь постепенно на фоне тяжёлых событий ирано-иракской войны она вновь стала слышна по радио [12, с. 104].

Так как события войны с Ираком показали невозможность силового экспорта идей «исламской революции», а преобладание суннитов на Ближнем Востоке фактически лишало возможности успешного культурного продвижения данной идеи, в Иране зародилась иная концепция, ставшая стержнем его «мягкой силы». Это произошло после прихода к власти М. Хатами, провозгласившего концепцию «Диалога цивилизаций». Данное событие произошло в рамках развития реформистского течения, которое набирало силу в иранской политической мысли 1990-х гг. Хатами критиковал политику западных держав, в первую очередь США, по отношению как к Ирану, так и к исламскому миру в целом, обвиняя ее в приверженности принципам времен «холодной войны». Предчувствуя, что уже в конце 90-х американцами начинает создаваться новый образ врага в мире ислама, Хатами предложил свое новое видение мира, названное им «Диалогом цивилизаций». Основная идея Хатами заключалась в том, что он предлагал извлечь выгоду из достижений и опы-

та всех цивилизаций, западных и незападных, и вести диалог с ними, тем самым создавая ситуацию сближения, что, по его мнению, облегчило бы ведение диалога между ними. Он выступал за мир, сотрудничество, безопасность, равенство, взаимоуважение, справедливость и свободу для всех правительств и народов в новом формирующемся многополярном мире [10, с. 137]. По сути, данная концепция стала ответом на концепцию С. Хантингтона, известную под названием «Столкновение цивилизаций»

Международное сообщество очень высоко оценило данную концепцию – так, ООН объявило 2001 г. годом диалога цивилизаций. По сути, Ирану удалось восстановить положительное отношение к себе в мире. С одной точки зрения, изменился образ Ирана для западных держав, в первую очередь за счёт того, что эта концепция подразумевала собой улучшение состояния гражданского общества в самой стране. С другой стороны, это помогло Ирану как восстановить отношения с арабскими странами, так и в какой-то мере сблизиться с западноевропейскими странами и США.

М. Хатами выступал с позиции представителя одной из самых древних цивилизаций в мире, позиционируя Иран как инициатора построения новой парадигмы международных отношений не только руками политических деятелей, но и учёными, философами и художниками [11, с. 430]. Однако супруга последнего Шаха Ирана Фарах Пехлеви утверждает, что провозглашённая концепция начала функционировать ещё за несколько лет до революции в Иране – по её инициативе, под руководством писателя

Дарьюша Шаегана, который основал культурный фонд, располагающийся в садах близ могилы Саади. На основе этой идеи созывались конференции с представителями Южной Африки и Америки. Другие же утверждают, что идеи Шахбану отличались от тех, что провозгласил Хатами [13; 14]. В любом случае это являлось культурным поворотом во внешней политике Ирана и оказало положительное влияние на его международный имидж. Произошло укрепление престижа Ирана в мире. В первую очередь произошло увеличение иранских культурных инициатив в регионе Центральной Азии и Ближнего Востока, Иран традиционно расширял отношения с персоговорящими народами [3, с. 245].

Однако период нахождения у власти М. Ахмадинежада и его консервативные взгляды приостановили некоторую либерализацию, провозглашённую двумя президентами до него. И всё же опора на культуру, несмотря на жёсткие позиции по ряду вопросов и революционную риторику, именно национально-культурная общность как отправная точка для укрепления связей между государствами региона, сохранилась. Особенно важность региональных связей актуализировалась после 1991 г., то есть после распада СССР.

Важность культуры в иранской внешней политике особо отмечалась аятоллой Моджерани, министром культуры и исламской ориентации Ирана до своей отставки в 2000 г. [15, с. 98]. Он рассматривал тот путь, на который Иран встал в конце 1990-х гг., как очень важный для дальнейших реформ прежде всего самой страны, в том числе для либерализации общества.

После образования ИРИ именно на Министерство культуры и исламской ориентации возложены основные функции составляющей мягкой силы Ирана, распространения культурных связей с различными нациями, мусульманами и угнетёнными людьми по всему миру.

В марте 1978 г. посредством слияния Министерства культуры и искусства, а также Министерства науки и высшего образования было основано Министерство культуры и высшего образования. В 1979 г. Министерство информации и туризма было переименовано в Министерство национальной ориентации, которое стало Министерством исламской ориентации. Затем часть департаментов Министерства культуры и высшего образования была отдана Министерству исламской ориентации, которое, наконец, в 1981 г. стало именоваться Министерством культуры и исламской ориентации. Оно контролирует работу следующих структур:

- Организации физического образования;
- Радио- и телевидения Исламской Республики;
- Организации исламской пропаганды;
- Благотворительной организации;
- Национальной организации молодёжи;
- Университета Джихада;
- Организации исламской культуры и коммуникации;
- Новостного агентства Исламской Республики (ИРНА);
- Совета по координации исламской пропаганды.

Радио- и телевидение Исламской Республики Иран имеет 16 представительств в следующих странах и органи-

зациях: Таджикистан (Душанбе), Сирия (Дамаск), НАФТА (штаб-квартира в Нью-Йорке), Афганистан (Кабул), Турция (Анкара), Ирак (Багдад), Азербайджан (Баку), Босния (Сараево), Великобритания (Лондон), Франция (Париж), Германия (Берлин), Индия (Нью-Дели), Ливан (Бейрут) Малайзия (Куала Лумпур), Пакистан (Исламабад), СНГ (штаб-квартира в Москве).

Организация по исламской культуре и связям была основана в 1994 г. и контролируется Министерством культуры и исламской ориентации. Она имеет представительства в следующих странах: Кыргызстан, Бангладеш, Турция, Азербайджан, Пакистан, Ливан, Гана, Англия, Германия, Босния, Италия, Россия, Катар, Армения, Филиппины, Туркменистан, Таджикистан, Кения, Танзания, Зимбабве, Сирия, Нигерия, ОАЭ, Греция, Албания, Франция, Канада, Испания, Швеция, Венгрия, Болгария, Индонезия и Австралия. В других странах, где организация не располагает представительством, по мере необходимости культурные и религиозные мероприятия проводятся при содействии посольств других стран.

К числу функций, входящих в обязанность данной организации, относятся: подготовка контрактов в области культуры, науки, образования, искусства, кино, туризма, новости прессы и спорта, а также проведение региональных и международных конференций, фестивалей, семинаров. Отдельное внимание уделяется кооперации с исламскими центрами других мусульманских стран.

Немаловажное внимание уделяется, конечно, продвижению персидского языка и литературы. Для этого

культурные представительства при посольстве ИРИ проводят кинофестивали, музыкальные концерты, олимпиады для изучающих персидский. В некоторых странах при представительствах открыты специальные центры по изучению персидского языка. Один из таких центров был открыт в 2015 г. при Культурном представительстве ИРИ в РФ. В сферу его деятельности входит популяризация персидского языка в России, предоставление доступа к библиотеке литературы, посвященной Ирану, организация олимпиад по персидскому языку, а также обучающихся языковых стажировок. В качестве примера такой деятельности можно выделить проведение бесплатных языковых курсов летом 2016 г., включающих в себя обучение персидской письменности и каллиграфии.

Кроме того при поддержке Министерства культуры и исламской ориентации предлагается посещение Ирана с целью обучения персидскому языку и литературе в Международном университете имама Хомейни в городе Казвин на период каникул. Все расходы, включая питание, проживание и обучение, а также культурную сторону, которой особенно богат Иран, приглашающая сторона берёт на себя. Это наиболее чётко демонстрирует «мягкую силу» Ирана, которая заключается в попытке показать свою страну с наилучшей стороны, открывая молодым студентам и преподавателям возможность увидеть Иран своими глазами, тот Иран, который отличается от представленного в СМИ образа.

Однако стоит отметить, что приглашённые лица обязаны соблюдать свод определённых правил, включающих в себя ношение исламской одежды по

шиитскому образцу, невозможность единоличного перемещения за пределами студенческого городка в свободное время и прочее. Данный вид получения образования предоставляется при помощи Фонда Саади. Прародителем данного фонда является Фонд культуры Ирана, основанный в 1964 г. при Фаррох Пехлеви. Целью Фонда было распространение иранской культуры, иранского наследия, развитие и продвижение персидского языка, а также представление иранской культуры другим нациям.

Иранская диаспора, проживающая за пределами Ирана, также может рассматриваться как один из видов «мягкой силы». Около 5 млн людей покинули страну, выбрав для места своего проживания Северную Америку, Австралию, Европу, страны Персидского залива, Турцию и др. Это изменило и облик многих городов. Так, например, американский Лос-Анджелес получил название «Техранжелес» или «Иранжелес» в силу высокой концентрации проживания там иранцев. Отличным примером участия диаспоры в реализации политики «мягкой силы» Ирана является фонд «Фарханг», представляющий из себя нерелигиозную, неполитическую и некоммерческую организацию, созданную в 2008 г. в Лос-Анджелесе. Деятельность этого фонда проходит по двум направлениям: ознакомление американского общества со всем богатством иранской культуры, поддержка и развитие иранской культуры и искусства для воспитания следующего поколения ирано-американцев. Для этого используются различные инструменты, начиная от преподавания персидского языка, проведения показов иранских

фильмов и художественных выставок, заканчивая деятельностью нескольких советов, каждый из которых сосредоточен на конкретной области, например, изобразительном искусстве или программах иранских исследований. Так, например, ежегодно на площадке Музея искусств округа Лос-Анджелес, крупнейшего художественного музея в западной части США, проходит празднование Новруза, иранского Нового года.

Иран с его богатой культурой имеет потенциал для развития туристической сферы, однако в силу наложенных на него санкций на протяжении долгого времени, а также наличия негативного образа в СМИ, образа, навязанного как страны-агрессора, страны, бесконечно развивающей свой ядерный потенциал, это не представляется возможным. В ответ на санкции и западную политику в отношении Ирана были сделаны попытки закрепить в киберпространстве путем создания сайта «Мягкие войны и психологические операции», который занимается предоставлением последних новостей мира, но его основное отличие заключается в том, что информация содержит альтернативный, иранский взгляд на события. Несмотря на это, ежегодно 27 сентября отмечается как международный день туризма. В 2015 г., в этот день, президент ИРИ Роухани выступил с обращением к доктору Масуду Солтафанифару, вице-президенту и главе Организации культурного наследия, народных промыслов и туризма – в своей речи он отметил, что туризм в Иране также имеет потенциальные возможности стать важным компонентом мягкой силы страны, призывая к развитию индустрии туризма Ирана с акцентом на социаль-

ную, экономическую и экологическую устойчивость и привлечение к этому процессу частного сектора [1].

Иран, где официально запрещено использование ряда интернет-сайтов, активно внедряет такие нововведения (в первую очередь, для него самого, так как на Западе они давно получили широкое распространение), как Twitter, который ведёт Министр иностранных дел Ирана М. Дж. Зариф, пользующийся ещё и Facebook. Ирония заключается в том, что это также контролируется властями ИРИ. Свой блог ведут и послы Ирана в разных странах, в том числе и бывший посол Ирана в России Р. Саджади, а также нынешний М. Санаи, на страницах которых можно ознакомиться не только с культурой, литературой, традициями и языком Ирана, но и с политическими взглядами и рассуждениями относительно последних событий в мире.

Исламская республика Иран, как и многие другие страны современного мира, на фоне которых он, благодаря своей древней цивилизации, пользуется возможностями мягкой силы. Поворотным пунктом для мягкой силы Ирана и выходом его на международную арену в новом качестве можно считать «Диалог цивилизаций» Хатами, который, к сожалению, не получил должного развития. Однако агрессивная политика Ахмадинежада, которая заставила мир по-иному воспринимать образ Ирана, не отступила от принципов построения положительного лидирующего облика Ирана, но уже в другом масштабе. Сменив политический строй в 1979 г., Иран сменил и направления своей мягкой силы, дав её второй виток в виде распространения идей исламской революции. Как

страна, давшая миру подобный культурный багаж, Иран больше других имеет потенциал для использования нового вида воздействия на мировое сообщество – для использования своей мягкой силы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. President calls for reinforcement of national security within the framework of constructive engagement and interaction with the world for creating international communication and intercultural opportunity for development in post-sanctions era / Official website of the President of the Islamic Republic of Iran [сайт]. URL: <http://www.president.ir/EN/89616/printable> (дата обращения 07.01.2017).

Литература

2. Леонова О. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель-Observer: научно-аналитический журнал. 2014. № 3. С. 15–28.
3. Уостнидж Э. Внешняя культурная политика Ирана в Центральной Азии: демонстрация политического прагматизма // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Том 17 (Вып. 4). С. 131–144.
4. Юртаев В.И. Иран в Евразии: вызовы «исламского пробуждения» // Развитие и экономика: научный и общественно-политический альманах. 2013. № 5. С. 136–153.
5. Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979-2010 гг.). М.: РУДН, 2012. 385 с.
6. Юртаев В.И. Особенности современной внешней политики Ирана // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2012. № 2. С. 13–20.
7. Gluck R. The Shiraz Arts Festival: Western Avant-Garde Arts in 1970s Iran // Leonardo. 2007. Vol.40, no1. pp. 20–28.
8. Golshanparveh M. The Necessity for Drawing upon Iranian Soft Power (in Persian) [Электронный ресурс] // IR Diplomacy: [сайт]. [2012]. URL: <http://www.irdiplomacy.ir/fa/page/1899414> (дата обращения 07.01.2017).
9. Harsij H. and Mollaei E. Iranian Soft Power during the Khatami Era (in Persian) // Policy Monthly. 2009. Vol. 16 (no 4). pp. 299–319.
10. Khatami M. Islam, Dialogue and Civil Society. Canberra: Centre for Arab and Islamic Studies, Australian National University, 2000. 426 p.
11. Lotfian S. Iran's Middle East Policies under Khatami // Iranian Journal of International Affairs. 1999. Vol. 10 (no 4). pp. 421–448.
12. Maltzahn N. von. The Syria-Iran Axis: Cultural Diplomacy and International Relations in the Middle East. London, New York: I.B. Tauris, 2013. 287 p.
13. Mirbagheri F. Narrowing the Gap or Camouflaging the Divide: An Analysis of Mohammad Khatami's "Dialogue of Civilisations" // British Journal of Middle Eastern Studies. 2007. Vol. 34 (no 3). pp. 305–316.
14. Mozaffari M. The Role of Ideology in Iranian Foreign Policy // Iran and the Challenges of the Twenty-first Century: Essays in Honour of Mohammad-Reza Djalili. Costa Mesa, CA: Mazda, 2013. pp. 189–204.
15. Parker J.W. Persian Dreams: Moscow and Tehran since the Fall of the Shah. Dulles, Virginia: Potomac Books Inc., 2009. 187 p.
16. Wastnidge E. The Modalities of Iranian Soft Power: From Cultural Diplomacy to Soft War // POLITICS. 2015. Vol. 35 (no 3-4). pp. 364–367.

REFERENCES

1. President Calls for Reinforcement of National Security within the Framework of Constructive Engagement and Interaction with the World for Creating International Communication and Intercultural Opportunity for Development in Post-Sanctions Era / Official Website of the President of the Islamic Republic of Iran [сайт]. URL: <http://www.president.ir/EN/89616/printable> (date request 07.01.2017).
2. Leonova O. «Myagkaya sila»: instrumenty i koeffitsienty vliyaniya ["Soft power" Instruments and Factors of Influence]. *Obozrevatel'-Observer: nauchno-analiticheskii zhurnal*. 2014. no. 3. pp. 15–28.
3. Uostnidzh E. Vneshnyaya kul'turnaya politika Irana v T'Sentral'noi Azii: demonstratsiya politicheskogo pragmatizma [Foreign Cultural Policy of Iran in Central Asia: the Demonstration of Political Pragmatism] *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. Volume 17 (Issue 4). 2014. pp. 131–144.
4. Yurtaev V.I. Iran v Evrazii: vyzovy «islamskogo probuzhdeniya» [Iran in Eurasia: Challenges of the "Islamic Awakening"]. *Raz-vitie i ekonomika: nauchnyi i obshchestvenno-politicheskii al'manakh*. 2013. no. 5. pp. 136–153.
5. Yurtaev V.I. Osobennosti i realizatsiya vneshnei politiki Islamskoi Respubliki Iran (1979–2010 gg.) [Features and Implementation of the Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran (1979–2010)]. M., RUDN, 2012. 385 p.
6. Yurtaev V.I. Osobennosti sovremennoi vneshnei politiki Irana [The Features of the Modern Foreign Policy of Iran]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of RUDN. Series "International Relations"]. 2012. no. 2. pp. 13–20.
7. Gluck R. The Shiraz Arts Festival: Western Avant-Garde Arts in 1970s Iran. *Leonardo*. 2007. Vol. 40, no 1. pp. 20–28.
8. Golshanparveh M. The Necessity for Drawing upon Iranian Soft Power (in Persian). *IR Diplomacy*: [site]. [2012]. URL: <http://www.irdiplomacy.ir/fa/page/1899414> (date request 07.01.2017).
9. Harsij H. and Mollaei E. Iranian Soft Power during the Khatami Era (in Persian). *Policy Monthly*. 2009. Vol. 16 (no 4). pp. 299–319.
10. Khatami M. Islam, Dialogue and Civil Society. Canberra: Centre for Arab and Islamic Studies, Australian National University, 2000. 426 p.
11. Lotfian S. Iran's Middle East Policies under Khatami. *Iranian Journal of International Affairs*. 1999. Vol. 10 (no 4). pp. 421–448.
12. Maltzahn N. von. The Syria-Iran Axis: Cultural Diplomacy and International Relations in the Middle East. London, New York: I.B. Tauris, 2013. 287 p.
13. Mirbagheri F. Narrowing the Gap or Camouflaging the Divide: An Analysis of Mohammad Khatami's "Dialogue of Civilisations". *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2007. Vol. 34 (no 3). pp. 305–316.
14. Mozaffari M. The Role of Ideology in Iranian Foreign Policy. Iran and the Challenges of the Twenty-first Century: Essays in Honour of Mohammad-Reza Djalili. Costa Mesa, CA: Mazda, 2013. pp. 189–204.
15. Parker J.W. Persian Dreams: Moscow and Tehran since the Fall of the Shah. Dulles, Virginia: Potomac Books Inc., 2009. 187 p.
16. Wastnidge E. The Modalities of Iranian Soft Power: From Cultural Diplomacy to Soft War. *POLITICS*. 2015. Vol. 35 (no 3–4). pp. 364–367.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Курылев Константин Петрович – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского Университета дружбы народов;

e-mail: kuryljov@yandex.ru

Никулин Максим Андреевич – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского Университета дружбы народов;

e-mail: maksim17-91@mail.ru

Гончарова Анастасия Александровна – магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского Университета дружбы народов;

e-mail: a.goncharova3@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kurylev Konstantin P. – Doctor in History, Associate Professor, Associate Professor at the Chair of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia;

e-mail: kuryljov@yandex.ru

Nikulin Maksim A. – Post-Graduate Student at the Chair of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia;

e-mail: maksim17-91@mail.ru

Goncharova Anastasia A. – Graduate Student at the Chair of Theory and History of International Relations in Peoples' Friendship University of Russia;

e-mail: a.goncharova3@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Курылев К.П., Никулин М.А., Гончарова А.А. «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 46–55.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-46-55

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

K. Kurylev, M. Nikulin, A. Goncharova. The "soft power" of cultural diplomacy of the Islamic Republic of Iran. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 2, pp. 46–55.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-46-55

УДК 373 (091)

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-56-63

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ЗЕМСКОЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Розина О.В.¹, Волкова Т.И.²

¹Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

²Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

150003, г. Ярославль, ул. Советская, д.14, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматриваются узловые проблемы современного российского образования, связанные с последствиями его модернизации по пути универсализации и интеграции в единое европейское учебное пространство без учета традиционной педагогической системы, что привело не только к духовно-нравственной деградации личности и общества, но и стало фактором угрозы национальной безопасности. В качестве выхода из сложившегося положения предлагается обратить внимание на опыт земской школы, созданной в переломный период отечественной истории. В работе на примере центральных губерний России представлена сложившаяся в начале XX в. модель земского школьного образования. Обращается внимание на систему ее организации, цели и подходы в обучении, обеспечение педагогическими кадрами.

Ключевые слова: система образования, национальная безопасность, модернизация, традиционная педагогическая система, земства, земская школа, народный учитель.

ORGANIZATION MODEL OF ZEMSKY PRIMARY SCHOOL IN CONTEXT OF PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN EDUCATION

O. Rozina¹, T. Volkova²

¹Moscow Region State University

10A, Radio str., Moscow, 105005, the Russian Federation

²Yaroslavl State University im.P.G. Demidov

14 Sovetskaya str., Yaroslavl, 150000, the Russian Federation

Abstract. The article discusses the key problems of modern Russian education related to the effects of modernization on the way of universalization and integration into the common European educational space without regard to the traditional pedagogic system. The authors believe

it resulted not only in spiritual and moral degradation of an individual and the society, but there appeared a threat to the national security. As a possible alternative the scientists suggest to draw attention to the experience of the zemsky (county) school, created in a crucial period of national history. In the article the example of such educational model of early XX century in central provinces in Russia is presented. In this work the attention is paid to the system of its organization, its goals and approaches to teaching, as well as to the teaching staff providing.

Key words: education system, national security, modernization, traditional educational system, zemstvo, zemsky (county) school, people's teacher.

Образовательная система современной России находится под воздействием разноректорных процессов, усугубляющихся последствиями многолетнего реформирования всех его уровней.

Здесь ясно прослеживаются две противоречивые тенденции.

С одной стороны, идет его абстрактная универсализация, которая во многом обусловлена приоритетом науки в определении как естественнонаучной, так и гуманитарной составляющей содержания образования, что приводит к сближению национальных образовательных систем по их функциям и организации. Эта тенденция, объективная по своей основе, направлена на интеграцию российского образования в европейскую систему, что, как показывают результаты этого процесса, таит в себе опасность вырождения национальной педагогической культуры как в целеполагании образовательной деятельности, так и в воспитании личности гражданина и патриота Отечества [8; 9].

С другой стороны, различные общественные силы ведут поиск фундаментальных основ российской цивилизационной идентичности, что не могло не затронуть систему образования. Попытка сохранения и развития его национальных основ проявляется в отвержении зарубежного опыта и

создании (чаще практическом, чем философско-методологическом) различных моделей национальной школы. Речь идет не только об этнокультурных учебных заведениях, но прежде всего о поиске путей восстановления традиционных основ педагогической культуры народа, реализуемой как в содержании обучения и воспитания, так и в системе соответствующих образовательных учреждений.

Народная педагогическая культура, как неотъемлемая составная часть общей культуры народа, не может быть универсальной, так как является самобытным результатом социокультурного развития этноса и основана на собственном национальном воспитательном идеале, который лежит в основе совокупности целей, ценностей, норм, образовательных подходов и типов образовательных учреждений. Поэтому интеграция российского образования в европейский контекст без учета национальной доминанты приводит к турбулентным процессам реформирования и размыванию его ценностных основ.

Следует отметить еще один аспект в развитии современного образования – изменение его статуса. Результатом процесса глобализации, который до недавнего времени определял мировой тренд, явилась не только попытка нивелирования культурного ландшафта

планеты, но и духовно-нравственная деградация общества и личности, принявшая в нашей стране угрожающий характер. Духовно-нравственный кризис молодежи во многом обусловлен именно неукорененностью человека в социуме, отрывом от национальных основ, потерей традиционных ориентиров в сфере морали и человеческих отношений. Утрата духовности в результате погони за материальными благами приводит к потере смысла и ориентиров развития как в жизни отдельного человека, так и общества в целом.

В этих условиях образование перестает рассматриваться как ведомственная отрасль, обслуживающая интересы других ведомств и социальных практик, но становится фактором развития личности, отдельных регионов и страны в целом. Определяющей становится развивающая функция образования: становясь непрерывным, оно выступает пространством личностного развития каждого человека и региона в целом.

В новых политических реалиях, когда после 2014 г. Россия заявила о своем суверенитете в полицентрическом мире, возврат системы образования к традиционному укладу стал насущной задачей сохранения национальной безопасности страны.

В конце 2016 г. Международный научно-экспертный совет по духовно-нравственной безопасности при Российском институте стратегических исследований представил аналитический доклад, в котором одним из факторов (угроз) национальной безопасности, наряду с вестернизацией целеполагания отечественного образования, определил разрушение логистической

структуры территориального размещения образовательных учреждений. Авторы указывают, что «серьезной угрозой является разрушение системы сельских школ. Они продолжают массово закрываться. Современное село продолжает деградировать в связи с сокращением в нём числа школ, связанным с огульным осуществлением т.н. «оптимизации» расходов на содержание муниципальных и региональных структур, образовательных организаций» [10, с. 16]. В докладе отмечается и еще один аспект данной проблемы: «Сообщества людей, формирующиеся на основе общественной практики труда на родной земле, выполняют в обществе важную культурообразующую роль, так как сам труд на земле обладает высоким духовным потенциалом и важным ресурсным значением для развития культуры общества» [10, с. 17].

Все это обуславливает актуальность поиска национальной модели российского образования. Эта тенденция имеет объективное обоснование.

Во-первых, русская культура, подобно другим великим культурам человечества, несет в себе универсальное содержание, которое, в сочетании с освоением лучших достижений мировой культуры, может существенно обогатить научно-педагогический потенциал современной школы. Во-вторых, в условиях кризисных явлений в российском обществе, национальное начало может стать тем фундаментом, опираясь на который можно будет преодолеть и государственный, и образовательный кризис.

В этой связи обращение к историческому опыту земской школы имеет важное значение, так как это, прежде

всего, опыт общественного управления образованием, идея которого сегодня закреплена не только в Законе РФ «Об образовании» и национальном проекте «Образование», но и целом ряде документов. Среди них – Государственная программа «Развитие образования» на 2013–2020 гг.; Концепция развития дополнительного образования детей (распоряжение Правительства РФ от 04.09.2014 N 1726-р); Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России и других.

В истории России идея государственно-общественного управления имеет достаточно глубокие корни: это не только коллегиальные училищные советы, волостные общины, попечительские советы гимназий и реальных училищ, а так же земские собрания, по инициативе которых создавались земские школы. Кроме того, для развития современной сельской школы опыт земств может быть полезен в аспекте взаимоотношения школы с социальной средой, максимального использования имеющихся ресурсов и учета местных условий. Нельзя не отметить и важность подготовки педагогических кадров, так как благодаря деятельности органов местного самоуправления в стране удалось сформировать особый социальный тип общественного деятеля, который в просвещении народа видел выполнение своего нравственного долга.

История развития земского школьного дела давно привлекает внимание современных исследователей. Здесь можно отметить работы Балдина К.И., Важенина А.Г., Галкина П.В., Волковой Т.И., Иерусалимской С.Ю. и других [1; 2, с. 66–78; 3, с. 124–166; 5].

На основе разнохарактерных источников можно создать следующую организационную модель земского начального школьного образования, понимая в данном контексте модель (от лат. *modulus* – мера, образец, норма) как знаковый образ моделируемого объекта (процесса, явления); воспроизведение исследуемого объекта (процесса, явления) в виде научного его описания [12, с. 382].

Модель земской начальной школы включала в себя два системных блока: учебно-образовательные учреждения для детей и структуры подготовки и повышения квалификации педагогических кадров.

Первый из них состоял из школ с 3-летним, 4-летним и 6-летним сроком обучения (по выбору родителей). При этом 4-летние учебные заведения обеспечивали преемственность начального и среднего образования, а 6-летние давали возможность учащимся поступать в 3 класс гимназии. Вместе с тем во всех типах земских образовательных структур учебный процесс строился на полидисциплинарном обучении школьников, увеличении числа мировоззренческих предметов: истории, естествознания, географии, расширяющих представления детей о картине мира и знания о жизни человечества. Методика преподавания дисциплин, опираясь на передовые для того периода времени педагогические и дидактические подходы (ориентационно-познавательный, адаптивно-развивающий, побудительно-мотивационный), была нацелена на сознательную ориентацию ученика в учебной программе, развитие его познавательных и духовных потребностей.

Начальное образование, по мысли земских гласных, являлось основой процесса культурогенеза человека, формирования его системы ценностных координат и способствовало «поднятию нравственного и экономического благосостояния населения, осуществления цивилизационного развития страны» [7, с. 77]. Поэтому земская школа была нацелена на социализацию ребенка и приобщение его к культурным ценностям общества, развитие духовно-нравственных потребностей и наиболее результативно решала задачу воспитания молодого человека как главную цель всей обучающей деятельности.

В целом земские училища динамично развивались в начале XX столетия, когда денежные средства органов местного самоуправления были более солидными, чем в конце XIX в. Так, по сведениям министерства финансов, в 1906 г. из годового расходного бюджета земства Московской губернии затраты по статье «народное образование» составляли 24,6 % от их общего числа, во Владимирской губернии – 22,1%. [4, с. 93, 129, 147]. Для сравнения приведем расходы по этой статье инвестиций в Киевской губернии, не являвшейся в данное время земской. Здесь они составляли всего 6,95%, при общей смете в 1,5 млн. руб.¹

За 1903–1914 гг. число земских школ в губерниях Центральной России увеличилось в 2,5 раза и составляло 10 477 единиц. Тверская, Московская и Владимирская губернии были лидерами по количеству земских училищ – 1 707, 2 990, 2 990 соответственно. Даже в Тульской, Калужской и Ярославской

губерниях, где данные показатели были более низкими (соответственно 1005, 825, 648), число школьных учреждений в абсолютных цифрах увеличилось в 1,8 раза, то есть по темпам развития народного образования данные губернии почти не уступали передовым [6, с. 6, 8, 10, 12, 14].

Появление земской начальной школы потребовало решения важной задачи – формирование для нее профессионально подготовленных кадров педагогов. По мнению земских гласных, учитель был обязан не только владеть всей совокупностью необходимых отраслевых знаний, но и уметь грамотно передать их детям, что могло быть достигнуто только при наличии у него еще и педагогического образования. В качестве приоритетных задач воспитательного процесса рассматривалось формирование у школьников гражданского сознания и возрастания уровня культурных запросов, который позволил бы ему выйти на универсальные жизненные ориентиры, идентифицировать свое поведение с широкой социальной общностью.

Поэтому второй блок организационной модели начального школьного образования состоял из следующих элементов: учительские семинарии как форма подготовки преподавательских кадров и ежегодные летние курсы и съезды как формы повышения профессиональной квалификации учителей. Все данные образовательные структуры вооружали педагогов современными дидактическими подходами и приемами обучения, новыми социокультурными механизмами передачи знаний. Учителями начальных школ становились большей частью по призванию, более того, многие горе-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 23. Д. 2927. Л. 164.

ли желанием потрудиться на общую пользу, пробудить дремлющие умственные и нравственные силы деревни [11, с. 153].

Историк народной школы Н.В. Чехов высоко оценивал народную позицию и отмечал «в деревне появился представитель интеллигентного класса. Не как начальник или помещик эксплуататор, а как простой работник. Это были действительно хорошие и искренне преданные своему делу учителя... их влияние подвинуло вперед всех учителей» [13, с. 110–111].

Представленная организационная модель земской начального образования начала XX в. позволяет определить ее как образовательную систему демократического типа. Ее отличал на-

родный (общедоступный, бессловесный) характер, новые цели и методы обучения, принципиально иное социально-педагогическое целеполагание и формирование нового типа педагога. Использование опыта земств в современных условиях, возможно, выведет систему школьного образования России на новый уровень.

Таким образом, важнейшим аспектом модернизации российского образования является возврат к традиционным основам национальной педагогической культуры, которая явится основой нравственного возрождения страны, сохранения российской цивилизационной модели и фундаментальных ценностей многих поколений наших предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балдин К.И. Земские школы Ивановского края: конец XIX – начало XX вв. Иваново: Юнона, 2000. 419 с.
2. Важенин А.Г, Галкин П.В. Московское земство в начале XX века: из опыта регионального самоуправления. М.: МГОУ, 2004. 175 с.
3. Волкова Т.И. Российское земство и социокультурная модернизация страны в начале XX века (по материалам губернии Центральной России). Ярославль: Издательское бюро ВНД, 2012. 226 с.
4. Доходы и расходы земств 34-х губерний по сметам на 1906 год. СПб.: Тип. Н.Я. Стойковой, 1909. 317 с.
5. Иерусалимская С.Ю. Народное образование в Угличском крае в XIX–начале XX вв.: от приходских училищ к всеобщему обучению. Ярославль: Ремдер, 2006. 279 с.
6. Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения в 1914 г. Пг.: Тип. М.П. Фроловой, 1916. 77 с.
7. Педагогическая хроника. Съезд по вопросам начальной школы в Москве // Русская школа. 1901. № 3. С. 76–90.
8. Розина О.В. Современный человек и его нравственный компас // Православная культура в школе: уроки нравственности [Вып. I. Человек в современном мире]: Сборник статей и методических материалов педагогов России, республик Беларуси и Украины / Отв. редактор О.В. Розина. М.: МОО «Союз православных женщин», 2015. С. 13–25.
9. Розина О.В. Цивилизационный выбор Руси в зеркале современного образования // Семья в России: вчера, сегодня, завтра (по материалам Международной очно-заочной научно-методической конференции, проведенной 28–29 мая в Костроме). Кострома: ТЕМП-М, 2015. С. 69–75.
10. Системный кризис отечественного образования как угроза национальной безопасности России и пути его преодоления: проект / В.И. Слободчиков, И.В. Королькова, А.А. Остапенко и др. М.: РИСИ, 2016. 142 с.

11. Слобожанин М. Школа жизни (Из воспоминаний сельского учителя) // Наблюдатель. 1893. № 12. С. 119–153.
12. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
13. Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М.: книгоиздательство «Польза» В. Антик и Ко, 1912. 224 с.

REFERENCES

1. Baldin K.I. Zemskie shkoly Ivanovskogo kraia: konets XIX – nachalo XX vv [County School of the Ivanovo Region: Late XIX – Early XX Centuries]. Ivanovo, Yunona, 2000. 419 p.
2. Vazhenin A.G, Galkin P.V. Moskovskoe zemstvo v nachale XX veka: iz opyta regional'nogo samoupravleniya [Vazhenin A. G., Galkin, P. V. Moscow Zemstvo in the Early Twentieth Century: from the Experience of the Regional Self-Government]. M., MГОU, 2004. 175 p.
3. Volkova T.I. Rossiiskoe zemstvo i sotsiokul'turnaya modernizatsiya strany v nachale XX veka (po materialam gubernii Tsentral'noi Rossii) [Russian Zemstvo and Socio-Cultural Modernization of the Country in the Early twentieth Century (on Materials of the Province of Central Russia)]. Yaroslavl, Izdatel'skoe byuro VND, 2012. 226 p.
4. Dokhody i raskhody zemstv 34-kh gubernii po smetam na 1906 god. [Income and Expenses of the 34 Zemstvo Provinces according to the Estimates for 1906.]. SPb, Tip. N.YA. stanovoi, 1909. 317 p.
5. Ierusalimskaya S.Yu. Narodnoe obrazovanie v Uglichskom krae v XIX – nachale XX vv.: ot prikhodskikh uchilishch k vseobshchemu obucheniyu [Public Education in the Uglich Region in XIX – early XX Centuries: from Parish Schools to Universal Training]. Yaroslavl, Remder, 2006. 279 p.
6. Nachal'nye uchilishcha vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya v 1914 g. [Elementary Schools Department of the Ministry of National Education in 1914]. PG, Tip. M.N. Frolova, 1916. 77 p.
7. Pedagogicheskaya khronika. S"ezd po voprosam nachal'noi shkoly v Moskve [Pedagogical Chronicle. Congress on Primary Schools in Moscow]. *Russkaya shkola*. 1901. no. 3. pp. 76–90.
8. Rozina O.V. Sovremennyyi chelovek i ego nraivstvennyi kompas [Modern Person and his Moral Compass] Pravoslavnyaya kul'tura v shkole: uroki nraivstvennosti [Vyp. I. Chelovek v sovremennom mire]: Sbornik statei i metodicheskikh materialov pedagogov Rossii, respublik Belarusi i Ukrainy. Otv. redaktor O.V. Rozina [Orthodox Culture at School: the Lessons of Morality [Vol. I. Man in the Modern World]: Collection of Articles and Methodical Materials of Teachers of Russia, Republics of Belarus and Ukraine. Ed. editor O. V. Rosina]. M., MOO «Soyuz pravoslavnykh zhenschin», 2015. pp. 13–25.
9. Rozina O.V. Tsivilizatsionnyi vybor Rusi v zerkale sovremennogo obrazovaniya [Civilizational Choice of Russia in the Mirror of Modern Education] Sem'ya v Rossii: vchera, segodnya, zavtra (po materialam Mezhdunarodnoi ochno-zaochnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, provedennoi 28–29 maya v Kostrome) [Family in Russia: Yesterday, Today, Tomorrow (Materials of the International Part-Time Scientific-Methodical Conference Held on May 28–29 in Kostroma)]. Kostroma, TEMP-M, 2015. pp. 69–75.
10. Sistemnyi krizis otechestvennogo obrazovaniya kak ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossii i puti ego preodoleniya: proekt. V.I. Slobodchikov, I.V. Korol'kova, A.A. Ostapenko i dr [The Systemic Crisis of Russian Education as a Threat to Russia]. M., RISI, 2016. 142 p.
11. Slobozhanin M. Shkola zhizni (Iz vospominanii sel'skogo uchitelya) [School of Life (From the Memoirs of Rural Teachers)]. *Nablyudatel'*. 1893. no. 12. pp. 119–153.
12. Filosofskii entsiklopedicheski slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1983. 840 p.

13. Chekhov N. V. Narodnoe obrazovanie v Rossii s 60-kh godov XIX veka. M.: knigoizdatel'stvo «Pol'za» V [Public Education in Russia since the 60-ies of the XIX century. M.: Publishing House "Use"]. Antique and Co, 1912. 224 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Розина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

e-mail: olgarozina2017@yandex.ru

Волкова Татьяна Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей отечественной истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова;

e-mail: volkova.tatiana2017@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rozina Olga V. – Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, PhD in Historical Science, Associate Professor of Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow State Regional University;

e-mail: olgarozina2017@yandex.ru

Volkova Tatyana I. – PhD in Historical Science, Associate Professor of the Department of Modern Russian History, Yaroslavl State University;

e-mail: volkova.tatiana2017@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Розина О.В., Волкова Т.И. Организационная модель земской начальной школы в контексте проблем современного российского образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 56–63.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-56-63

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

O. Rozina, T. Volkova. Organization model of zemsky primary school in context of problems of modern russian education. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2017, no 2, pp. 56–63.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-56-63

УДК 94(47).083

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-64-77

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА РАБОЧИХ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Крючков В.М.*Государственный социально-гуманитарный университет**140411 г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30, Московская область, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы организации и деятельности профессиональных обществ рабочих, дается их классификация по типам и группам. В исследовании устанавливаются сроки образования организаций, содержание регламентирующих документов (уставов), количественного состава, рассматривается взаимоотношения с властями. Кроме того, проводится анализ результатов деятельности рабочих профессиональных организаций, сложившихся в Московской губернии изучаемого периода, выявляются причины низкой популярности и слабого влияния указанных обществ на рабочую среду.

Ключевые слова: общественные организации 1906-1916 гг., профессиональные общества рабочих, Московская губерния.

PROFESSION WORKING SOCIETIES IN MOSCOW PROVINCE IN THE EARLY 20TH CENTURY

V. Kryuchkov*State University of Social and Humanitarian Studies (SUSHS)**30, Zelenaya str., Kolomna, Moscow Region, 140411, the Russian Federation*

Abstract. In the given article the general questions of organization and activity of the professional working societies are considered and their classification by types and groups is provided. The terms of educational organizations, the content of regulatory documents (the Charters), the number of members are established and the relationship with the authorities are examined in the study. In addition, the results of the performance of professional working organizations established in the Moscow province of the studied period are analyzed; the reasons for the low popularity and weak influence of these companies on the working environment are identified.

Key words: public organizations of 1906-1916s, a professional society of workers, the Moscow province.

Период «думской монархии» является временем активного формирования в России элементов гражданского общества, когда подданным империи были предоставлены не только политические и вероисповедальные права, но и свобода создания независимых от администрации всевозможных объединений и организаций. При всей своей ограниченности, принятые в 1905-1906 гг. законо-

дательные акты способствовали созданию независимой общественной сферы, развитию среди населения гражданской культуры, чувств личной ответственности и сопричастности в решении как общенародных (социальных, политических, национальных), так и корпоративных (сословных, профессиональных и др.) проблем. В данном контексте научное рассмотрение жизни рабочих России первых десятилетий XX столетия невозможно без обращения к деятельности их легальных профессиональных союзов.

В советской историографии изучение истории и деятельности профсоюзов было весьма популярным, но основное внимание уделялось их роли в революционных событиях и политической борьбе пролетариата [3; 4; 13]. Среди публикаций той эпохи выгодно отличались работы А.Д. Степанского, в которых автор, классифицировав общественные организации по группам, изучил основные направления деятельности рабочих союзов [9; 10]. Что касается современных исследований, то отметим труды А.С. Тумановой, И.С. Розенталя, где детально анализируется степень распространенности, политизация и формы функционирования общественных организаций (в том числе рабочих) Российской империи в целом [8; 11; 12]. В настоящее время актуальны и работы, посвященные развитию общественных организаций в регионах [5; 6; 7; 14;]. Вместе с тем можно констатировать, что применительно к Московской губернии эта тема остается слабо исследованной. Поэтому задачами данной статьи являются: установление сроков образования, содержания регламентирующих документов (уставов), количественного состава, взаимоотношений

с властями и результатов деятельности рабочих профессиональных организаций, сложившихся в Московской губернии изучаемого периода.

В качестве источников написания статьи были привлечены, во-первых, опубликованные актовые и делопроизводственные документы, мемуары. Во-вторых, материалы Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА г. Москвы) – Московского губернского по делам об обществах присутствия (ф. 64). Основные данные здесь были почерпнуты из журналов заседаний Московского губернского по делам об обществах присутствия, протоколов общих и чрезвычайных собраний рабочих профессиональных обществ, уставов и годовых отчетов обществ и их переписки (прошений, ходатайств, запросов и проч.) с организациями и правительственными учреждениями по различным вопросам.

За 1906–1916 гг. Московское губернское по делам об обществах присутствие (далее – Присутствие) зарегистрировало следующие виды рабочих организаций: а) профессиональные союзы, б) общества взаимопомощи, в) ссудно-сберегательные кассы. По территориальной принадлежности они могут быть типизированы как: 1) уездные (самостоятельные по частям уезда, селам, городам, предприятиям) и 2) губернские (самостоятельные или в качестве местных/уездных отделений региональных и всероссийских союзов).

Перечислим общества первого (уездного) типа: «Профессиональный союз рабочих стеклянного завода Балкашина и Сталкинда в селе Солнечная гора Клинского уезда Московской губернии» (16 июня 1906 г. – ?)¹; «Профес-

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 18. Л. 20.

сиональное общество рабочих «Раменской мануфактуры Павла Малютина сыновей» (? – ?); «Профессиональный союз рабочих проволоочно-ткацкого производства фабрики Шибалова в селе Подсолнечном Клинского уезда» (1906–1911 гг.)¹; «Профессиональное общество рабочих текстильного производства северной части Московского уезда» (1906–1911 гг.; по сведениям уездного исправника, с 1908 г. общество не существовало); «Профессиональное общество рабочих по обработке волокнистых веществ в с. Озеры Коломенского уезда» (23 марта 1907 – 16 мая 1908 гг.)²; «Профессиональное общество рабочих Мытищенского машиностроительного завода» (1906–1907 гг.); «Профессиональное общество рабочих механического производства Коломенского уезда» (1907–1913 гг.)³; «Общество торгово-промышленных служащих Серпуховского промышленного района» (1906–1917 гг.).

Перечислим некоторые общества второго (губернского) типа: «Профессиональное общество рабочих по выработке волокнистых веществ Московской губернии»; «Общество работников и работниц по изготовлению одежды Московского промышленного района» (отделения в Бронницком, Можайском, Верейском, Звенигородском и др. уездах); «Профессиональное общество рабочих красильно-аппретурного производства» (Павловский Посад); «Московское профессиональное общество служащих торговых заведений» (отделение в с. Мытищи); «Московское профессиональное обще-

ство рабочих графических искусств» (Коломенское отделение).

Изучение хронологии открытия профессиональных рабочих обществ в губернии позволяет сделать вывод, что активность в данной сфере значительно зависела как от общей ситуации в стране, так и от степени развитости гражданского самосознания рабочих. Так, если в Московской губернии в 1906 г. (т.е. в первый год работы), Присутствие зарегистрировало 6 самостоятельных уездных профессиональных обществ и более 10 отделений московских профсоюзов, то с разгоном II Государственной Думы (3 июня 1907 г.) и снижением интенсивности рабочего движения положение изменилось. В 1908 и 1909 гг. Присутствие не внесло в реестр обществ ни одной профессиональной организации и отделения. В 1910–1914 гг. Присутствие ежегодно вносило в реестр по 1–2 профессиональному обществу или отделению (кроме 1913 г., когда заявки на регистрацию не поступали).

Сведения о целях, структуре, составе, правах, управлении изучаемых обществ содержат их уставы, отложившиеся в делах Присутствия. Прописанные в уставах цели профессиональных объединений и союзов весьма похожи: это защита правовых и экономических интересов своих членов; содействие их умственному, профессиональному и моральному развитию, оказание материальной помощи⁴. Для достижения целей общества имели право нанимать помещение, владеть собственностью, заключать «всякого рода» договоры и сделки, а также защищать собственные интересы через уполномоченных, организовывать собрания как по об-

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 27.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 71. Л. 17, 31.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 103.

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.

щим, так и по специальным вопросам, касающимся их профессии и отдельных отраслей.

Согласно представленным в Присутствие уставам, общества намеревались осуществлять свою деятельность следующим образом:

- организовывать исследования быта, условий труда и нужд рабочих данной профессии;

- открывать бюро для оказания юридической помощи, справочное, для приискания мест и др.;

- входить в соглашение как с отдельными хозяевами, так и с целыми их группами о нормировании заработной платы, рабочего дня и других условий труда, а также следить за точным выполнением этих соглашений хозяевами и работниками;

- организовывать примирительные камеры для разбора недоразумений между предпринимателями или их представителями и рабочими;

- разбирать и разрешать недоразумения и споры, возникающие между членами на почве профессиональных интересов;

- выдавать денежные пособия членам союза во время безработицы, стачки, болезни и т.п. случаях, а также «для приискания места в других городах» (особые дорожные пособия);

- содействовать приобретению членами союзов предметов потребления и домашнего обихода по удешевленной цене, устройству общежития, дешевых квартир, столовых и т.п. вспомогательных учреждений для своих членов;

- заявлять через представителей «о нуждах и пользах рабочих данной профессии правительственным и общественным лицам»¹.

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 71. Л. 10-10 об.

Губернская администрация, борясь со стачечной активностью рабочих, стремилась не допустить легализации помощи бастующим со стороны профсоюзов. Для этого чиновники Присутствия, просматривая представленные для регистрации уставы, вносили в документы соответствующие дополнения и исправления. Иллюстрацией такого редактирования является судьба § 13 Устава общества рабочих Городищенской фабрики С.И. Четверикова. Текст параграфа первоначально выглядел вполне нейтрально: «Совет Общества ведает Кассой общества, назначение которой – приходить на помощь бывшим членам Общества по тем или другим причинам, оказавшимся без работы...». Однако такая неопределенность Присутствие не устроила, и в проект была внесена небольшая поправка: «по тем или другим причинам, кроме стачки...»². И только согласившись с данным дополнением, общество смогло открыть свою деятельность, не располагая (в рамках отредактированного устава) возможностью материально поддержать забастовщиков.

В большинстве случаев учредители, желая организовать общество, с готовностью шли на уступки и вносили предписанные Присутствием изменения. Однако некоторые не соглашались с давлением губернских властей и делали выбор в пользу отказа от организации такого объединения вообще. Так, учредители вышеупомянутого Общества рабочих фабрики Четверикова Богородского уезда, среди которых были и директора правления товарищества (!), не захотели принимать отредактированный Присутствием устав. Дело в

² ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 86. Л. 4.

том, что добавление в текст слов «кроме стачки» ставило само понимание ими роли профсоюза под сомнение. Свою позицию они исчерпывающе изложили в соответствующем заявлении: «... Раз забастовка признается законным способом экономической борьбы, и профессиональные союзы тем же законом допускаются..., мы должны признать предполагавшуюся организацию рабочих при таких условиях неосуществимую»¹. Уточнить причины отказа помогают мемуары С.И. Четверикова, где прокомментирована сложившаяся ситуация: «К сожалению, выработанный мной устав не только не был утвержден тогдашним губернатором ген. Джунковским, но я был отдан под тайный надзор полиции. Причиной тому было то, что я, состоя председателем комиссии по организации союза фабрикантов, в право которого входило образование союзнической кассы для взаимной поддержки в случаях необоснованных забастовок рабочих, считал справедливым предоставить право учреждения подобной же кассы и рабочим. В этом проекте высшая администрация усмотрела чисто революционный акт, и устав не был разрешен» [1].

Данный эпизод демонстрирует степень осознания обретенных в 1905 г. свобод наиболее развитыми в правовом отношении предпринимателями и рабочими, что, в свою очередь, свидетельствует о появлении в уездном сообществе носителей определенной политической культуры.

Как и в других общественных объединениях, члены профессиональных обществ и союзов распределялись по нескольким категориям (почетные и

пожизненные члены здесь не предусматривались, что объясняется, скорее всего, спецификой уплаты членских взносов, которая будет рассмотрена ниже). Профсоюзы включали в свой состав две категории участников: действительных членов и членов-соревнователей. Первыми могли быть все работники, служащие либо на данном предприятии (например, на стекольном заводе в с. Солнечная гора – это мастера, заделщики и др. работники), либо все служащие в данной отрасли или территории (к примеру, служащие в промышленности и торговле Серпуховского промышленного района). Действительные члены обладали правом решающего голоса на общих собраниях, они могли занимать должности в правлении профсоюзов, а также вносить письменно через правление на обсуждение общих собраний всевозможные вопросы и предложения, касающиеся деятельности общества. Важное значение имело «примечание» к основному тексту устава: «Лица, занимающие административные должности не могут быть действительными членами»². Тем самым учредители общества (авторы устава) стремились избежать давления администрации на принятие решений собраниями.

Членами-соревнователями могли быть лица, оказавшие союзу услуги личным трудом (врачи, юристы, литераторы и др.) и вообще способствующие осуществлению его задач³. В отличие от действительных членов, соревнователи обладали правом совещательного голоса и не могли занимать какие-либо должности в аппарате управления обществом.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 41. Л. 4-к об.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.

Допускалось вступление в профсоюз и учеников (т.е. работников завода, не достигших 18 лет); размер их ежемесячных взносов в общую кассу составлял половину от обычного (взрослого). О каком-либо ином участии учеников в делах общества уставы ничего не сообщают.

Система управления профессиональными обществами выглядела следующим образом. Все важнейшие вопросы решались на общих собраниях. Руководило обществом Правление, которое избиралось общим собранием и подчинялось его решениям. Контроль за правильностью ведения отчетной документации осуществляла ревизионная комиссия. Правление состояло из председателя, его товарища (заместителя), казначея, секретаря, нескольких членов и кандидатов к ним.

Система уплаты членских взносов в профсоюзах существенно отличалась от большинства обществ – благотворительных, кооперативных, спортивных и т.п. Понимая, что рабочие не смогут внести существенную сумму в кассу профсоюза, учредители устанавливали невысокие вступительные и ежемесячные взносы (в других обществах оплата членства была ежегодной). Размер этих выплат прописывался в уставе или утверждался на общих собраниях.

Так, в уставах обществ рабочих Мытищенского вагоностроительного завода, рабочих по обработке волокнистых веществ в с. Озеры Коломенского уезда и большинства других союзов указано, что действительные члены уплачивают: при вступлении в общество 25 коп. «вступной платы» и ежемесячно по 1% с заработанного рубля. Ученики (до 18 лет) вносят ежеме-

сячные взносы в половинном размере¹. Немногом выше (30 коп.) был размер вступительной платы действительных членов Общества рабочих стекляннoго завода Балкашина и Сталкинда в селе Солнечная гора². Примерно в том же диапазоне (т.е. 25–30 коп.) находились суммы первичного взноса большинства профессиональных обществ. Самыми же крупными были платежи Серпуховского общества торгово-промышленных служащих: 3 руб. вступительной платы и 50 коп. ежемесячных взносов³. Здесь уместно подчеркнуть, что в случае болезни или безработицы все общества освобождали рабочих от любых членских оплат.

Обращение к деятельности разрешенных Присутствием рабочих организаций показало, что она осуществлялась весьма специфически и зависела от их общественной направленности. В данном контексте созданные общества можно разделить на три группы. К *первой группе* относятся общества, открывавшиеся с целью организации стачечной борьбы на экономической и политической почве. Организуя стачки и проводя социалистическую агитацию среди рабочих, они навлекали на себя репрессии полиции и, как правило, достаточно быстро прекращали работу, ибо закрывались в административном порядке.

Общества *второй группы* отстаивали, прежде всего, экономические интересы своих членов. Данные общества выдавали пособия по безработице и взаимобразные ссуды и дотации, устраивали денежные сборы по подписным листам для поддержки

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 35. Л. 21-а об.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 31. Л. 4-к об.

рабочих и их семей в случае увольнения, болезни или смерти. Так как они были законопослушны и регулярно представляли в Присутствие отчеты о деятельности и состоянии кассы, то нареканий у полицейских чинов не вызывали, а поэтому существовали вплоть до Первой мировой войны, а некоторые и позднее.

В сравнении с описанным выше ситуация с рабочими организациями, относящимися к *третьей группе*, выглядит парадоксально. Учредители таких обществ отправляли в Присутствие прошения об открытии с приложением проекта устава, но, получив разрешение, не проявляли какой-либо деятельности. Существовая формально, они могли не функционировать довольно долго. «Спящее» их состояние не оставалось без внимания местных властей, и со временем уездный исправник информировал губернатора, что данное общество «правления не имеет и деятельности не проявляет». Так было, к примеру, с профессиональным союзом рабочих проволоочно-ткацкого производства фабрики Шибалова в Клинском уезде. 14 июля 1906 г. Присутствие зарегистрировало его устав, а с 1908 г., оно, по мнению уездного исправника, перестало проявлять себя. В результате, 19 августа 1911 г. на заседании Присутствия союз был признан закрытым¹. Проиллюстрированное положение в обществах третьей группы, было, по-видимому, типично для профсоюзов империи. Именно этим объясняется издание Министерством внутренних дел циркуляра № 44 от 20 октября 1909 г., согласно которому общества, официально зарегистрированные, но де-факто не сформирован-

ные или не проявлявшие деятельность в течение долгого времени, подлежали закрытию решением губернских Присутствий [2].

Рассмотрим общества, относившиеся к первой группе. Ярким примером оппозиционности служит Профессиональное общество рабочих по обработке волокнистых веществ в с. Озеры Коломенского уезда (внесено в реестр обществ Московской губернии 23 марта 1907 г.). Уже ко второму году существования оно навлекло на себя не только гнев полиции и губернских властей, но и неприятие со стороны благонамеренно настроенных рабочих. Вот как оценивал ситуацию на фабрике коломенский уездный исправник в рапорте губернатору в мае 1908 года: «Рабочие являются послушным орудием в руках комитета..., хотя главная масса, и особенно женщины, в душе далеко не разделяют взглядов комитета, но бороться против союза в виду своей разрозненности и, напротив, сильной сплоченности членов союза они не могут»².

Дело в том, что 1 мая 1908 г. на многих фабриках с. Озеры произошла забастовка, инициированная, по мнению уездного исправника, местным профсоюзом. Члены комитета Общества в последние дни апреля вели агитацию в пользу забастовки. В рапорте, составленном по завершении забастовки, уездный исправник следующим образом охарактеризовал деятельность общества: «... Комитет означенного союза, состоящий сплошь из лиц крайне подозрительных в политическом отношении, начинает приобретать серьезное влияние на жизнь рабочих... Каждый из членов общества старался

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 27. Л. 30.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 71. Л. 31 об.

к своему союзу привлекать некоторых депутатов фабрик, политических поднадзорных, а также обвиняемых в краже; и вообще разговоры у них шли не экономические, а больше политические и это происходило больше в трактирах, чайных лавках и в чайной Общества трезвости, где помещается канцелярия их союза и где, сидя по двое, по трое за столом, вели вышеупомянутые политические разговоры и при появлении полиции умолкали и расходились»¹. Получив столь тревожную информацию, губернатор 13 мая 1908 г. распорядился приостановить действие общества и внес в заседание Присутствия вопрос об окончательном его закрытии, что и было сделано через три дня – 16 мая 1908 г.

Обнаруженные в ЦГА г. Москвы документы Профессионального общества Мытищенского машиностроительного завода содержат сведения о «зачине» забастовки, которая послужила поводом для закрытия общества. На второй год существования общество решило отметить 1 мая 1907 г. Праздник труда. Рабочие выбрали депутатов и 30 апреля направили их на переговоры по этому вопросу к управляющему заводом Лабунскому. Как сообщает исправник в рапорте от 9 мая 1907 г., «по окончании рабочего дня, в 6 часов вечера, рабочие, выйдя с завода, остановились около него в ожидании своих депутатов. При выходе из конторы депутатов какой-то неизвестный человек, по-видимому, тоже рабочий, но не из местных, вскочил на бревно и обратился к рабочим с речью, чтобы 1 мая не работать»². Находящийся неподалеку полицейский надзиратель

решил прекратить «собрание». Но, завидев приближение полицейского, оратор крикнул рабочим: «идемте в лес», на что толпа ответила согласием. Рабочие в количестве не более 250 человек направились за с. Большие Мытищи, где тот же оратор говорил речь о праздновании 1 мая».

Лояльные власти рабочие, наблюдая за «ярыостными» действиями профсоюзных активистов, не хотели вступать в общество, и тогда в адрес недовольных поступали угрозы «предания народному суду». Неудивительно, что часть рабочих (с условием скртия их фамилий) начали сотрудничать с полицией, с целью свести «на нет» деятельность профсоюза. При даче показаний один рабочий предоставил даже вещественное доказательство – газету «Борьба» (№ 4 и 5), которую получил от агитатора.

По представлению губернатора, деятельность общества Мытищенского завода рассмотрело Присутствие 19 июня 1907 г. На заседании были обнародованы собранные полицией компрометирующие общество сведения. Оказалось, что председатель Субботин вел антиправительственную деятельность – доставлял из Москвы нелегальную литературу и привозил ораторов, которые призывали рабочих «произвести вооруженное восстание с целью свержения власти императора». Кроме того, на митингах звучали призывы убить главного механика завода Николая Валикова, «который вредил их пропаганде»³. В каждой мастерской профсоюз имел агитатора (личности некоторых полиции удалось выяснить – в токарной мастерской это Сергей Князев); в распоряжении профсоюза

¹ Там же. Л. 30.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 35. Л. 24.

³ Там же. Л. 31 об.

была «боевая дружина», куда входили М. Кондратьев, А. Писугов и Н. Маеров. Этих сведений и собранных показаний оказалось достаточно, чтобы общество было закрыто¹.

Как правило, забастовки, организованные профсоюзами носили кратковременный характер и завершались поражением. Проиллюстрируем это на примере событий в дер. Запрудня, Дмитровского уезда на заводе Келлера. По данным дмитровского исправника, с момента открытия профсоюза забастовки здесь происходили достаточно часто: на собраниях «союза» вырабатывались порядок и требования забастовок. Однако целей эти выступления не достигали. Тогда в мае 1907 г., решением профсоюза была подготовлена крупная стачка, которая привела к «беспорядкам» и потребовала срочного вмешательства властей. Для восстановления порядка в деревне на некоторое время был размещен взвод казаков, что, хотя и не возобновило в работу предприятия, но успокоило «горячие головы». Как доносил исправник: «рабочие ведут себя спокойно и не замечается между ними пьянства..., на заводе полнейшая тишина»². Завершением этой истории стал полный расчет рабочих, участвовавших в указанных событиях.

Неудача этой стачки была связана не только с жесткими мерами властей, но и с «местными» факторами. Во-первых, большинство «главарей» забастовок являлись «пришлым» элементом, чуждым жителям Запрудни и ближних селений, из которых формировался основной состав рабочих

завода Келлера. К тому же, рабочие-активисты были преимущественно людьми молодыми и холостыми, что не способствовало их авторитету в традиционном деревенском сообществе. Поэтому неудивительно, что рабочие из числа местных считали «союз» явлением опасным и обращались к исправнику с жалобами на плохое влияние «союза» на сельскую молодежь.

Рассмотрим деятельность обществ второй группы, защищавших экономические интересы рабочих. Наиболее полная информация представлена здесь материалами двух профессиональных союзов: рабочих механического производства Коломенского уезда и торгово-промышленных служащих Серпуховского промышленного района. Правление первого состояло в начале деятельности, по преимуществу, из радикально настроенных рабочих. По мнению коломенского исправника, изложенному в рапорте от 14 февраля 1908 г., «...весь состав правления принадлежит к социал-демократической фракции. Избранный председателем правления И.П. Марев – бывший член II Государственной Думы, члены правления Пантелеев, Ворыпаев, Харкевич принимали видное участие в движении рабочих 1905 года, остальные хотя и не проявляли себя какими либо активными действиями, но, по имеющимся у меня сведениям, все они крайне подозрительны в политическом отношении»³. Однако, несмотря на «неблагонадежный» состав, общество не проявило революционности, а, напротив, с разрешения заводского начальства организовало сбор средств в пользу уволенных рабочих, который

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 35. Л. 31–31 об.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 53. Л. 20–20 об.

³ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 103. Л. 33–33 об.

Таблица 1

**Численность членов Общества торгово-промышленных служащих
Серпуховского промышленного района (1907–1913 гг.)¹**

Отчетные годы/состав	1907-1908	1911-1912	1912-1913
Фабричные служащие	101	62	52
Торговые служащие	18	33	38
Всего	119	95	90

принес 1063 руб. 30 коп (780 руб. были переданы нуждающимся)². Что касается численности членов профсоюза, то она выражено снижалась: в ноябре 1908 г. в общество входило 219 чел, в 1909 г. – 159, в 1910 г. – 130, в 1912 г. – 40³. Сходные процессы наблюдались и в серпуховском профсоюзе (см. табл. 1).

Из приведенных данных следует, что количество членов профсоюзов убывало и в коломенской (пятикратно), и в серпуховской (двукратно) организациях. Такого рода «текучка кадров» в профессиональных обществах рабочих России была обычным явлением – ежегодно большое количество рабочих как вступало в качестве действительных членов, так и выбывало. Подобное движение прослеживается по отчетным документам обществ и в нашем случае. В профессиональное общество рабочих механического производства Коломенского уезда в 1908 г. вступило 128 человек, а выбыло 92, в 1911 г. – вступило 67, выбыло – 50⁴. В Серпухове вступивших в 1907-1908 отчетном году было 50, а выбывших – 32, в 1912-1913 гг. вступивших – 55, выбывших – 60⁵. Столь существенная отрицательная динамика отражает, на

наш взгляд, разочарование рабочих в эффективности обществ в качестве средства защиты их профессиональных интересов; в Коломне же к такому разочарованию добавлялись опасения по поводу втягивания профсоюза в политическую борьбу, участие в которой чревато конфронтацией с властями и увольнением. Показательно, что торговые служащие Серпухова «держались» за профсоюз, что свидетельствовало о его полезности именно для данной категории наемных работников. Сокращение численности профессиональных союзов неизбежно сокращало поступление средств в общественную кассу (см. табл. 2).

Отчеты профессиональных обществ свидетельствуют, что существовало несколько категорий пособий: а) больным и нетрудоспособным членам и их семьям, б) безработным, в) по случаю смерти членам семейств умерших, г) возвратные ссуды, д) безвозвратные пособия, е) «в иных случаях» (пострадавшим от наводнения жителям Серпухова). Вместе с уменьшением доходов (показано в табл. 2) падали и суммы пособий членам профсоюза: в 1907–1908 г. выплаты Серпуховского общества составили 216 руб. 86 коп., в 1911–1912 г – 151 р. 80 коп., в 1912–1913 – 49 руб. 45 коп⁶. Аналогичная

¹ Сост. по: ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 31. Л. 39, 55, 65.

² Там же. Л. 48.

³ Там же. Л. 85 об.

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 103. Л. 59, 79.

⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 31. Л. 39, 65.

⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 31. Л. 40, 55 об., 65 об.

Таблица 2

**Доходы и расходы Общества торгово-промышленных служащих
Серпуховского промышленного района (1907–1913 гг.) и Общества рабочих
машиностроительного производства в Коломенском уезде (1908 и 1911 гг.)**

	Общество торгово-промышленных служащих Серпуховского промышленного района			Общество рабочих машино- строительного производства в Коломенском уезде	
Отчетные годы/	1907–1908	1911–1912	1912–1913	1908	1911
Доходы (руб.)	1092,03	480,96	527,62	1911,52	843,18
Расходы (руб.)	1012, 27	399,85	481,37	1253,38	543,01

Источник: ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 31. Л. 39 об, 40, 55-55 об, 65–65 об.;

ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 103. Л. 59 об, 79 об.

тенденция наблюдалась и с пособиями коломенского общества: суммы составили соответственно 1000 руб. 02 коп. в 1908 г. и 222 руб. 52 коп. в 1911 г.¹ Разумеется, всё это отрицательно сказывалось на популярности профсоюзов среди рабочих.

Рабочие организации пытались заниматься просветительской и воспитательной работой. Примером может послужить собрание отдела Московского профессионального общества рабочих по обработке волокнистых веществ на Высоковской мануфактуре в Клинском уезде, состоявшееся 12 июля 1907 г. Выступавший докладчик рассказал о профсоюзном движении в Англии, сравнивая его с российским. Он проинформировал собравшихся о целях и деятельности упомянутого Московского общества и отстаивая мирные способы защиты интересов рабочих. В его речи присутствовал и элемент воспитательный – упомянуты вредность пьянства и азартных игр². Как указал в донесении клинский ис-

правник, никаких политических вопросов затронуто не было.

Таким образом, деятельность профессиональных объединений рабочих Московской губернии происходила в сложных условиях. Образованные на волне революционного движения 1905-1906 гг. они после разгона II Государственной Думы оказались, как и всё профсоюзное движение России, под сильным давлением (и контролем) администрации, полицейских органов и предпринимательских кругов. Ни правительство, ни фабриканты не желали иметь конкурентов на общественном поле в лице сильных профсоюзов. Однако нельзя забывать, что и профсоюзы вынуждали губернские власти пойти на запретительные (иногда и карательные) меры своими антиправительственными лозунгами, оскорблениями полиции, угрозами по отношению к лояльным рабочим, драками и т.п. Снижение привлекательности и, как следствие, численности профсоюзов уменьшало их возможности по оказанию поддержки бедствующим рабочим. Закрытие или бездействие профсоюзов делало рабочих безза-

¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 103. Л. 59 об, 79 об.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 64. Оп. 1. Д. 52. Л. 76 об.

щитными в случае конфликтов с фабричным начальством или властями. А так как профсоюзы были единственным каналом, с помощью которого люди труда могли заявить обществу о

своих нуждах, то его неэффективность усиливала недовольство рабочих своим материальным положением, а в перспективе – повышало градус оппозиционности правительству.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. История возникновения и развития Городищенской суконной фабрики: по воспоминаниям С.И. Четверикова // Богородский край: альманах (№ 3). Ногинск: Богородский печатник, 1996. С. 45-55.
2. Циркуляр П.А. Столыпина губернаторам и градоначальникам от 20.10.1909 года за № 44. [Электронный ресурс] / Хронос: всемирная история в интернете [сайт]. URL: <http://www.hrono.ru/libris/stolypin/19091020stlp.html> (дата обращения 28.01.2017).

Литература

3. Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 г. М.: Наука, 1970. 579 с.
4. Гордон М.Я. Очерк экономической борьбы рабочих в России: из истории волнений и забастовок. Л.: Издание Ленинградского губ. совета профессиональных союзов, 1925. 200 с.
5. Доброва О.В. Общественные организации Пензенской губернии во второй половине XIX - начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 270 с.
6. Добрынина А.М. Неполитические общественные организации Владимирской области: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2000. 268 с.
7. Косихина И.Г. Общественно-культурные организации Курской губернии в 60-е гг. XIX в. – феврале 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1998. 240 с.
8. Розенталь И.С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общест-венности: конец XVIII – начало XX вв. М.: Новый хронограф, 2007. 400 с.
9. Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М.: МГИАИ, 1979. 81 с.
10. Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX-XX веков: по-собие по спецкурсу. М.: МГИАИ, 1982. 91 с.
11. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 336 с.
12. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
13. Фрейдлин Б.М. Очерки истории рабочего движения в России в 1917 г. М.: Наука, 1967. 339 с.
14. Хаченьян А.Л. Общественные организации Нижнего Поволжья на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1999. 282 с.

REFERENCES

1. Istoriya vozniknoveniya i razvitiya Gorodishchenskoi sukonnoi fabрики: po vospominaniyam S.I. Chetverikova [The History and Development of Gorodishchensky Cloth Factory: according to the Memoirs of S. I. Chetverikova] Bogorodskii kraj: al'manakh № 3 [Bogorodskiy Region: Almanac No. 3]. Noginsk, 1996. pp. 45–55.
2. Tsirkulyar P.A. Stolypina gubernatoram i gradonachal'nikam ot 20.10.1909 goda za № 44.

- [Elektronnyi resurs]. Khronos: vseмирnaya istoriya v internete [sait]. [Stolypin Governors and Mayors from 20.10.1909, No. 44. [Electronic Source]. Cronos: World History on the Internet [website]]. URL: <http://www.hrono.ru/libris/stolypin/19091020stlp.html> (request date 28.01.2017).
3. Gaponenko L.S. Rabochii klass Rossii v 1917 g [The Working Class of Russia in 1917]. M., Nauka, 1970. 579 p.
 4. Gordon M.Ya. Ocherk ekonomicheskoi bor'by rabochikh v Rossii: iz istorii volnenii i zabastovok [Essay on Economic Struggle of Workers in Russia: from the History of Unrests and Strikes]. L., Izdanie soveta professional'nykh soyuzov Leningradskogo gub. soveta profsoyuzov, 1925. 200 p.
 5. Dobrova O.V. Obshchestvennye organizatsii Penzenskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk [Social Organizations in Penza Province in the Second Half of XIX – Early XX Century: PhD Thesis in Hist. Sciences.]. Penza, 2007. 270 p.
 6. Dobrynina A.M. Nepoliticheskie obshchestvennye organizatsii Vladimirskoi oblasti: dis. ... kand. ist. nauk [Non-Political Public Organizations of the Vladimir region: PhD Thesis in Hist. Sciences.]. Ivanovo, 2000. 268 p.
 7. Kosikhina I.G. Obshchestvenno-kul'turnye organizatsii Kurskoi gubernii v 60-e gg. XIX v. – fevral' 1917 g.: dis. ... kand. ist. nauk [Cultural And public Organizations of Kursk Province in the 60-s of XIX Century – February 1917: Abstr. of PhD Thesis in Hist. Sciences.]. Kursk, 1998. 240 p.
 8. Rozental' I.S. I vot obshchestvennoe mnenie! Kluby v istorii rossiiskoi obshchestvennosti: konets XVIII – nachalo XX vv [And here is the Public Opinion! Clubs in the History of Russian Society: End of XVIII – Early XX Centuries]. M., Novyi khronograf, 2007. 400 p.
 9. Stepanskii A.D. Istoriya obshchestvennykh organizatsii dorevolutsionnoi Rossii [History of Public Organizations in Pre-Revolutionary Russia]. M., MGIAI, 1979. 81 p.
 10. Stepanskii A.D. Obshchestvennye organizatsii v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov: posobie po spetskursu [Public Organizations in Russia in the XIX–XX Centuries: Manual for the Special Course]. M., MGIAI, 1982. 91 p.
 11. Tumanova A.S. Obshchestvennye organizatsii Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 g.) [Public Organizations of Russia during the First World War (1914 – February 1917)]. M., Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 336 p.
 12. Tumanova A.S. Obshchestvennye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka [Public Organizations and the Russian Public Early XX Century]. M., Novyi khronograf, 2008. 320 p.
 13. Freidlin B.M. Ocherki istorii rabochego dvizheniya v Rossii v 1917 g [Essays on the History of the Labor Movement in Russia in 1917]. M., Nauka, 1967. 339 p.
 14. Khachen'yan A.L. Obshchestvennye organizatsii Nizhnego Povolzh'ya na rubezhe XIX–XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk [Social Organization of the Lower Volga Region in XIX–XX Centuries: PhD Thesis in Hist. Sciences.]. Volgograd, 1999. 282 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крючков Владимир Михайлович – соискатель кафедры отечественной и всеобщей истории Государственного социально-гуманитарного университета; учитель истории и обществознания МОУ «СОШ № 9» г. Воскресенск;
e-mail: vmkryuchkov2607@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kryuchkov Vladimir M. – Competitor at the Department of Russian and World History, State University of Social and Humanitarian Studies; the teacher of History and Social Studies, «Secondary School № 9» Voskresensk;
e-mail: vmkryuchkov2607@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Крючков В.М. Профессиональные общества рабочих Московской губернии в начале XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 64–77.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-64-77

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

V. Kryuchkov. Profession working societies in Moscow province in the early 20th century. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 2, pp. 64–77.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-64-77

УДК 94 (170.661) "1920"

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-78-84

ПРОЯВЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ СЕПАРАТИЗМА В ЧЕЧНЕ В 1920_Х ГГ.

Кульчицкий П.В.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация.*

Аннотация. В данной работе предпринята попытка рассмотреть уровень протестных настроений на Северном Кавказе в 1920-х гг. на примере Чечни. После установления Советской власти политика видоизменялась, что не могло не сказаться на настроениях горского населения края. Автор связывает их рост с тем, что после установления Советской власти стали постепенно меняться основы национальной политики, декларируемой большевиками в начале их прихода к власти, в сторону усиления централизации в регионе.

Ключевые слова: Чечня, сепаратизм, продразверстка, ревком, шейх.

MANIFESTATIONS OF SEPARATISM ELEMENTS IN CHECHNYA IN 1920

P. Kulchitskiy*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. This work attempts to examine the level of protest in the North Caucasus in 1920 through the example of Chechnya. After the establishment of the Soviet power the policy was changing gradually, which could not but affect the moods of the mountain population of the region. The author links its growth to the fact that after the establishment of Soviet authority, it gradually began to change the foundations of the national policy, declared by the Bolsheviks at the beginning of their rise to governance, toward greater centralization of power in the region.

Key words: Chechnya, separatism, requisitioning, the revolutionary Committee, Sheikh.

Перед партией большевиков по окончании Гражданской войны встал ряд важных задач, нуждавшихся в решении. Среди них одной из важных была ликвидация неравномерности развития национальных окраин по сравнению с центральными регионами. На X съезде РКП (б), состоявшемся в марте 1921 г., было принято постановление «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». В этом постановлении подчеркивалась необходимость развития и укрепления советской государственности в формах, которые будут соответствовать местным отличиям региона, способствовать развитию местных институтов власти на местном же языке (суды, администрации и пр.). Основу регионального руководства, исходя из этого постановления, должны были составлять представители местных национальностей. Это, в свою очередь, требовало подготовки

квалифицированных партийных кадров. Кроме того, съезд постановил начать развитие сети школ, в том числе профессионально-технического характера [11, с. 62]. Стоит заметить, что для успешной работы органов Советской власти на окраинах и строительства единого государства была необходима местная квалифицированная политическая элита, воспитанная Советами и лояльная к ним, посредством которой руководство Советской России могло проводить свои решения на местах.

Учитывая отсутствие национальной политической элиты на раннем этапе существования советской Чечни, руководство страны проводило свою политику через национальных лидеров, лояльных советской власти. Так, сотрудником ревкома был шейх Али Митаев, который в 1922 г. имел в своем подчинении два полка верных мюридов, готовых бороться с советской властью. С 1923 г. А. Митаев стал членом ревкома, и «задания ревкома выполнял безоговорочно» [10, с. 119]. Выбор в пользу А. Митаева можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, А. Митаев пользовался популярностью не только у жителей плоскостной Чечни, но и в горных районах. Во-вторых, несмотря на то, что А. Митаев, по сути, был религиозным лидером чеченцев, он в молодости вел светский образ жизни и со времен Гражданской войны был широко известен своей политической гибкостью¹. К функциям А. Митаева как члена ревкома относилось обеспечение безопасности перевозок по чеченской железной дороге [2, с. 696].

Интересно проследить мотивы сближения с советской властью самого

Али Митаева. Скорее всего, религиозный лидер планировал использовать в своих целях финансовые и материальные возможности советской власти и планировал укрепить собственное влияние. Кроме того, А. Митаеву было необходимо решить проблему поиска средств, на которые можно было снарядить своих мюридов. Эту проблему А. Митаев с легкостью решил, включив своих сторонников в состав чеченской милиции [9, с. 118].

Если для налаживания контроля над рядовым населением и для реализации собственной политики в Чечне советская власть использовала духовных лидеров, таких, как Али Митаев, то для лояльности чеченской элиты были необходимы другие средства, например, решение вопроса автономии в составе России.

На съезде народов Терской области в 1920 г. была провозглашена Горская АССР со столицей во Владикавказе. В состав Горской АССР были включены шесть округов, в каждом округе был свой исполком. Однако Горская АССР оказалось крайне непрочным образованием. Экономическая отсталость, разобщенность народов внутри данного образования и отсутствие квалифицированных кадров, способных управлять ГАСР, привели к упразднению Горской республики. В 1924 г. она была упразднена и народы, входившие в ее состав, получили автономию. По решению президиума ВЦИК 30 ноября 1922 г. Чечня была выделена из состава Горской АССР в автономную область со столицей в г. Грозном. Руководящим органом стал Ревком, его председателем – Т. Эльдарханов [4, с. 117].

Несмотря на гибкую политику советской власти на Северном Кавка-

¹ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 440. Оп. 1. Д. 23. Л. 9.

зе, начиная с 1920-х гг. на территории региона имели место вооруженные выступления местного горского населения. Стоит заметить, что одной из причин недовольства местного населения в отдельных частях Советской России была продразверстка. Что касается Чечни, то Е.Ф. Жупикова отмечает, что вначале 1920-х гг. продразвёрстка в Чечне не могла проводиться, а продналог не собирался, так как более 65% местных крестьян были бедняками. В 1920 г. Москва выделила Чечне 19 вагонов семенной пшеницы и около 2 млн. аршин мануфактуры; в 1922 г. Чечня, Ингушетия и Северная Осетия получили 110,5 тыс. пудов продовольствия [3, с. 161]. Эти факты подтверждают не единовременную помощь местному населению, она также продолжалась и в последующие годы. Чеченские крестьяне нередко саботировали выполнение продразвёрстки. Так, многие чеченские хозяйства Веденского округа отказались выполнять продразвёрстку [7, с. 2]. В целом, не только материальное положение горского населения, но и слабость советских органов на местах заставили большевиков отказаться от продразверстки в регионе.

Одной из причин бедности чеченского крестьянства являлось малоземелье. В Чечне на одну душу мужского населения приходилось 1,2 десятины пашни, 1,7 десятины сенокосов и 2,3 десятины пастбищных земель [1, с. 37]. Плоскостные селения были лучше обеспечены землей, чем горные. Но и на равнине только 13 селений были обеспечены земельными наделами в пределах нормы, а 44 относились к числу малоземельных. В итоге, по всей территории Чечни только 23% крестьян имели нормальные земельные наделы, остальные же 77

% были малоземельными [12, с. 19]. В то же время нормальный земельный надел чеченского крестьянина был равен 8,95 десятинам, хотя, к примеру, земельный надел терского казака равнялся 24,8 десятинам [9, с. 19].

К концу ноября 1923 г. настроение в Чечне горского и казачьего населения заметно улучшилось не только благодаря удачной посевной кампании, но и окончанию кампании по сбору продналога. В то же время под командованием Али Митаева собирались силы, ранее входившие в состав войск Северо-Кавказского эмирата. Поэтому можно предположить, что не только продразвёрстка влияла на настроения горского населения, и сами мотивы, двигавшие повстанцами, были разнообразны. Например, имам Н. Гоцинский и бывший белогвардейский полковник К. Алиханов выступали за ликвидацию советской власти и установление шариатского правления [2, с. 683]. Под знаменами Н. Гоцинского и К. Алиханова сражались не только фанатичные сторонники ислама, но и бандитские элементы, чьи цели сводились к грабежу мирного населения.

Несмотря на значительную поддержку местного населения, восстание было не полностью, но подавлено. Вместе со своими сторонниками мятежный имам укрылся в горах, откуда его армия совершала свои набеги, убивая коммунистов, милиционеров и партийных деятелей до 1923 г. [11, с. 122]. В августе 1920 г. боевиками Гоцинского было совершено покушение на командующего Кавказской трудовой армией и начальника Центрального нефтяного управления И.В. Коспора [6, с. 131]. Впрочем, и к соотечественникам, работавшим или активно помогавшим

советской власти, отношение у повстанцев не было иным. Один из лидеров повстанческого отряда в своем приказе призывал не трогать русских работников, так как «русские выступают против нас по долгу службы, а чеченцы и ингуши – из-за своей подлости» [5, с. 108]. Но подобные приказы на практике редко выполнялись, и нередко страдали от повстанцев как чеченские, так и русские работники. Органы ОГПУ смогли схватить мятежного имама лишь в 1925 г. Н. Гоцинского отправили в Ростов-на-Дону, где он по приговору суда был расстрелян.

Советские власти принимали меры не только по устранению, но и по профилактике бандитизма в области. Например, в села направлялись специальные комиссары, которые должны были на местах организовать борьбу с бандитизмом; формировались отряды самообороны, которые охраняли переправы через Терек; велся учет всех преступников на территории Чечни [2, с. 700].

Меры, предпринятые чеченским руководством, принесли свои плоды, и бандитские нападения не только на станицы Петропавловского округа, но и на станицы Сунженского округа, являвшегося отдельным от Чечни административным образованием, прекратились.

Относительно укрепив свое положение на территории Чечни при помощи определенных социально-экономических и политических послаблений, советское руководство начало проводить акции по разоружению чеченского населения. После Гражданской войны на территории Чечни на руках у местного населения оставалось большое количество стрелкового оружия. Первая подобная акция была

проведена в 1922 г., когда были разоружены чеченские аулы Махкеты, Гойты и Катыр-Юрт [11, с. 132]. При этом села подверглись налету авиации. Но данная воинская операция не принесла результата, так как лидеры повстанцев, например Н. Гоцинский, не были захвачены, и сама операция носила, скорее, точечный характер.

Первая крупная акция была проведена в 1925 г. с 23 августа по 11 сентября. Ответственность за проведение мероприятия возлагалась на воинские части и части ОГПУ. Сосредоточение сил, участвующих в разоружении, было сделано под предлогом военных маневров в регионе. Стоит отметить, что план операции был разработан с учетом предотвращения потерь как со стороны мирного населения, так и со стороны солдат. Аул, выбранный для проведения операции, окружили солдатами. На сходе старейшин данного аула командование требовало сдать все имеющееся оружие в течение двух часов. Население предупреждали о мерах, которые налагались на аул, не выполнивший требований. В случае их невыполнения аул подвергался артиллерийскому обстрелу. В случае выполнения требования – аул не обыскивали, занимаясь арестом бандитских элементов, которые могли находиться в данном ауле. Стоит отметить тот факт, что использование артиллерийского обстрела планировалось сугубо в целях устрашения мирного населения, так как приказывалось вести огонь на «полупоражение и высокие разрывы» [8, с. 50].

В ходе операции артиллерийскому обстрелу подверглось 16 чеченских населенных пунктов. При этом было разоружено 242 аула. У местного населения было изъято 25 299 винтовок,

4319 револьверов, 1 пулемет и 1 телефонный аппарат Морзе. В ходе операции были арестованы организаторы антисоветских выступлений, среди которых оказались Гоцинский, Атаби Шамилев и Эмин Ансалтинский¹. Разоружением Советское руководство не ограничилось. Вскоре последовала чистка партийного руководства Чечни. Т. Эльдарханов был снят с должности председателя Чеченского областного исполкома. Он обвинялся в неумелом руководстве советским аппаратом, отсутствии твердости в принятии решений. Кроме того, Т. Эльдарханова обвинили в нежелательном сотрудничестве с Али Митаевым. По мнению работников ГПУ, он зашел слишком далеко, выдав документ, с помощью которого шейх мог собирать пожертвования по всей Чеченской области [4, с. 4].

В целом, анализируя деятельность Т. Эльдарханова на посту главы ревкома Чечни, можно сделать вывод, что чеченский политик в своей деятельности пытался наладить контакт и с религиозными лидерами Чечни, и с советской властью. Но, в то же время, лидер ревкома, пытался избавиться от опеки Грозненской партийной организации. К примеру, Чеченское оргбюро потребовало от Грозненской партийной организации отказаться от практики шефства над чеченскими селениями [9, с. 122]. В Кремле подобная попытка главы чеченского ревкома повысить значимость своей парторганизации была расценена как отклонение от генеральной линии партии, что стало одной из причин отстранения Т. Эльдарханова.

¹ Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 737. Л. 132-134.

Из состава Чеченского исполкома, кроме главы ревкома, были исключены и ближайшие его соратники, и помощники – А. Гайсумов и З. Шерипов. Органы ГПУ обвиняли их во взяточничестве и связях с антисоветскими группировками, укрывавшимися в горах. Новым председателем Чеченского исполкома стал Д. Арсанукаев. В состав обновленного президиума вошли М. Энеев, Д. Токаев, А. Хайтов и др².

Отставка Т. Эльдарханова и его сторонников – это один из примеров витиеватости национальной политики советской власти на окраинах. В Чечне, как и в Башкирии или Осетии, большевики, на начальном этапе, не могли, имея только свои, подчас ограниченные ресурсы, взять под контроль положение в регионе. Для этого им были нужны представители местного населения, как проводники идей большевизма на местах. Но, как только советская власть укреплялась в той или иной национальной области, ей уже не были нужны местные политические лидеры, подчас чуждые большевистской идеологии.

Кроме того, на отстранение Т. Эльдарханова повлияло личное отношение к нему некоторых кремлевских политиков, в частности, К.Е. Ворошилова. В письме к Сталину Ворошилов писал: «Эльдарханов, да и весь ревком, весьма слабый. Особенно Эльдарханов. Сравнивая его со всей этой братией, которую пришлось лицезреть, приходится всерьёз задуматься над судьбой ревкома и дальнейшего Чечни. Эльдарханов бесхарактерен; безвольный, глупый и чванливый старикашка. Другого взамен ему пока нет»¹. Стоит добавить, что и среди чеченцев Эльдарханов не имел серьёзного авто-

² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 116. Л. 26.

ритета. На территории горной Чечни его открыто называли спекулянтом². Однако при этом Т. Эльдарханов все же заслужил репутацию прямолинейного политика, не стеснявшегося открыто выражать недовольство действиями советской власти. Это могло стать одной из причин негативного отношения к нему со стороны московской власти. На IV совещании ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей, проходившем в Москве 9–12 июня 1923 г., Т. Эльдарханов уверил ВЦИК, что «никаких контрреволюционных выступлений не ожидается». Кроме того, он винил «неопытных агентов ГПУ», введших Москву в заблуждение³. В дальнейшем, эти высказывания чеченского политика, возможно, стали одной из причин его отставки.

Включение Чечни в советскую социально-экономическую и культурную систему позволило чеченскому народу достигнуть нового этапа в своем развитии. В период с 1920-х гг.

в Чечне была практически с нуля создана промышленность, открывались школы и высшие учебные заведения, росла общая грамотность населения.

Но советское руководство, как и во многих национальных областях, в Чечне подошло к модернизации общества механически. С одной стороны, советское руководство давало Чечне огромные финансовые, материальные и умственные ресурсы, что, несомненно, позволило в достаточно короткий срок достигнуть небывалого уровня развития, но, с другой стороны, подошло к этому вопросу без учета менталитета и обычаев народа. Советское руководство, стремящееся в короткие сроки построить социализм в СССР, в национальной политике так же стремилось в максимально короткие сроки вывести национальные окраины на один уровень с центральными областями. Это порождало конфликты между центральной властью и местным населением, которые чаще всего решались с помощью оружия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Авторханов А. К основным вопросам истории Чечни. Грозный: Серло, 1930. 105 с.
2. Ахмадов Я.З., Хасмагамадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веке. М.: Пульс, 2005. 996 с.
3. Жуликова Е.Ф. Повстанческие движения на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. (документальные публикации и новейшая отечественная историография) // Отечественная история. 2004. № 3. С. 159–169.
4. Крах одной авантюры // Грозненский рабочий. 1976. 12 дек.
5. Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (Исторические очерки). Пятигорск: РИА-КМВ, 2008. 211 с.
6. Марченко Г.В. Антисоветское движение в Чечне в 1920–1930-х годах // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131–138.
7. Подготовка к продналогу в Чечне // Красный труд. 1921. 1 окт.
8. Романов П.В. Чечня. Белая книга. М.: РИА Новости, 2000. 190 с.
9. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Русь, 2001. 372 с.
10. Тайны национальной политики ЦК РКП. М.: НПО Инсан, 1992. 293 с.

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 153. Л. 64.

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 270. Л. 80.

³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 101. Д. 288. Л. 86.

11. Шнайдер В.Г. Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917-конец 1950 годов): закономерности и противоречия. Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. 416 с.
12. Этенко Л.А. Ленин и горцы Северного Кавказа. Орджоникидзе: Ир, 1975. 223 с.

REFERENCES

1. Avtorkhanov A. To the Main Aspects of the History of Chechnya. Grozny: Serlo, 1930. 105 p.
2. Akhmadov I.A. Z., Khasmagamadov E. K.H. The History of Chechnya in XIX–XX Centuries. M.: Puls, 2005. 996 p.
3. Zhupikova E.F. The rebel movements in the Northern Caucasus is 1920–1925 years (Documentary Publications and the Newest Domestic Historiography). *Otechestvennaya istoriia*. 2004. №3. P. 159–169.
4. The Collapse of One Venture. *Groznensky Rabochy*. 1976. December, 12. 4 p.
5. Klychnikov Iu.Iu., Linets S.I. The Northern Caucasian Knot: Features of the Potential for Conflict (Historical Essays). Piatigorsk: RIA-KMV, 2008. 211 p.
6. Marchenko G.V. Anti-Soviet Movement in Chechnya in 1920–1930-ies. *Voprosy istorii*. 2003. no 1. pp. 131–138.
7. Preparation for the Tax in Kind in Chechnya. *Krasny trud*. 1921. October 1. 4 p.
8. Romanov P.V. Chechnya. White Book. M.: RIA Novosti, 2000. 190 p.
9. Sigauri I.M. Essays on the History and Polity of the Chechens from Ancient Times. M.: Rus, 2001. 372 p.
10. Secrets of the National Policy of the Central Committee of the Communist Party. M.: NGO Insan, 1992. 293 p.
11. Schneider V.G. Soviet Nation-Building in the Northern Caucasus (1917 – Late 1950): Laws and Inconsistencies. Armavir: RIC ASPU, 2007. 416 p.
12. Etenko L.A. Lenin and the Mountaineers of the Northern Caucasus. Ordzhonikidze Er, 1975. 223 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кульчицкий Пётр Викторович – аспирант кафедры новой и новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: p.kulchitskiy@mboug.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulchitskiy Peter V. – Post-Graduate Student of the Department of the New and Newest History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: p.kulchitskiy@mboug.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кульчицкий П.В. Проявления элементов сепаратизма в Чечне в 1920-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 78–84.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-78-84

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

P. Kulchitskiy. Manifestations of separatism elements in Chechnya in 1920. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 2, pp. 78–84.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-78-84

УДК 27:94(571.1/.5)

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-85-92

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ХРАМОВ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1943–1980-Е ГГ.

Дроботушенко Е.В.*Забайкальский государственный университет**672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу количественного состава зарегистрированных православных религиозных организаций, храмов, священнослужителей регионов Восточной и Западной Сибири. Исследование позволяет выделить общие и особенные черты развития православия в разных макрорегионах Сибири. Появляется возможность создания общей «сибирской православной картины» советского времени. В работе использованы документы Государственного архива Российской Федерации, в котором собраны отчеты уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР по субъектам РСФСР. Автор говорит о разном уровне развития православия в разных регионах. Выделяются причины складывания такой ситуации, объективные, такие, как наличие или отсутствие епархиального центра, и субъективные, слабое внимание к удаленным, периферийным территориям со стороны епархиальных архиереев, отсутствие желания со стороны некоторых священнослужителей к активной миссионерской работе и др.

Ключевые слова: религия, религиозные организации, религиозные сообщества, православие

THE QUANTITATIVE COMPOSITION OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS AND CHURCHES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE EASTERN AND WESTERN SIBERIA IN 1960–1970S

E. Drobotushenko*Transbaikal State University**30 Aleksandro-Zavodskaya str., Chita, 672039, the Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of the quantitative composition of the Orthodox religious organizations, as well as to the unregistered religious communities, the clergy of the Eastern and Western Siberia. The study allows the identification of common and peculiar features of development of Orthodoxy in different regions of Siberia. The possibility to create a shared "picture of the Siberian Orthodox" in Soviet time appears. The documents of the State Archive of the Russian Federation, which collected the reports of the commissioners of the Council for religious Affairs under the USSR Council of Ministers on the subjects of the RSFSR, are used. The author tells about different levels of development of Orthodoxy in different regions. Causes folding such a situation are allocated. They are both objective - such as the

presence or absence of a diocesan center, and subjective ones - poor attention to remote, peripheral areas from the diocesan bishops, the lack of desire on the part of some of the orthodox clergyman to active missionary work, etc.

Key words: religion, religious organizations, religious communities, Christianity.

Научный интерес постсоветского времени к истории православия привел к появлению значительного количества исследований по разным этапам и аспектам его развития. Не стало здесь исключением и православие в Сибири, однако не все регионы, не все хронологические отрезки и не все аспекты исторического развития религиозной ситуации охвачены в равной мере [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 10 и др.]. Серьезных работ сравнительного характера нет вообще. Данный факт, на наш взгляд, рождает необходимость появления исследования подобного рода.

Отсутствие научных исследований делает очевидной необходимость использования в работе над проблемным полем статьи архивных источников. Следует сказать, что, по рассматриваемому периоду времени, на сегодняшний день не обнаружено требуемого объема задокументированных данных в региональных архивах. Имеется отдельная информация, которая не позволяет воссоздать полной картины. Здесь очевидным становится использование документов центральных архивов. В советское время, и в частности в рассматриваемый период, вся информация по развитию религиозной ситуации в регионах поступала в Центральный контрольный орган – Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Направлялась она туда уполномоченными Совета в субъектах РСФСР.

Названный Совет являлся органом государственной власти, а в советское

время, как, в прочем, и в постсоветское, основным местом хранения документов органов государственной власти являлся Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР). В настоящее время – это Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Именно его фонды содержат богатейший материал по заявленной проблематике. Для данного исследования интерес представляет фонд 6 «Совет по делам религий при Совете Министров СССР», а точнее, его первая - шестая описи: «Совет по делам Русской православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943-1965 гг.» и «Совет по делам религий при Совете Министров СССР. 1966-1991».

Целью данной статьи является проведение сравнительного анализа развития православия в регионах Сибири. Мы не ставим задачей охарактеризовать все административно-территориальные единицы, для этого, вероятно, мало рамок одной статьи, однако основные регионы, с большим количеством населения и наиболее, на наш взгляд, показательные, проанализируем.

Территориально развитие православия мы будем рассматривать по Западной и Восточной Сибири. Делается это только для удобства восприятия, поскольку такое деление используется в научных религиоведческих исследованиях традиционно. Особых, четко

отличающих, в плане развития православия, Западную и Восточную Сибирь черт в рассматриваемое время, на наш взгляд, выделено быть не может.

В регионах Западной Сибири ситуация с существованием и деятельностью православной церкви в рассматриваемое время выглядела примерно одинаково.

Во второй половине 40-х гг. XX в. в Омской области было открыто и зарегистрировано 6 православных храмов. К концу 60-х гг. XX в. действовали пять зарегистрированных религиозных организаций православной церкви. Отметим, что в документах речь идет о храмах, а не о религиозных организациях, однако в реальности они были неразделимы. Количество служителей культа равнялось 10 чел. При этом общее количество верующих по региону, по подсчетам уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР, составляло около 9 000 чел. Совершалось обрядов Русской Православной Церкви в очной и заочной форме в пределах 11 000 – 11 500. Несколько изменится ситуация в 1970-е гг. Так, в два раза, до 20 чел. увеличится количество священнослужителей. Количество верующих уполномоченным по региону называлось большим более чем в два, в 20 000 чел. Почти до 15 000 выросло количество православных обрядов по очной и заочной форме. На вторую половину 1980-х гг. будет шесть зарегистрированных храмов, правда, число священнослужителей сократится до 15 чел.¹

Примерно схожей ситуация с православием была и в иных регионах Западной Сибири. Так, в Томской об-

ласти к началу 1950-х гг. действовало 4 храма, к середине 1960-х гг. – 5, из которых 4 были зарегистрированы, было 16 служителей культа и до 20 000 верующих. К концу 70-х гг. XX в. общее количество и количество зарегистрированных православных храмов сократилось до 4 и 3, соответственно. В дальнейшем их число незначительно увеличится, более чем за 15 лет, до 5 зарегистрированных и одного незарегистрированного. Абсолютно не поменяется число служителей культа. Как было 16 в середине 1960-х гг., так и останется на вторую половину 1980-х гг.²

В Новосибирской области действовало 4 православных церкви, все они были открыты и зарегистрированы во второй половине 40-х гг. XX в. Такая ситуация просуществует достаточно долго. Как известно, столько же православных храмов в регионе будет в 1960-е гг. При них будет 14 служителей культа. Численность верующих достигала тогда 12 000 чел. Осуществлялось обрядов очно и заочно почти 14 000. К началу 1980-х гг. на одну, до пяти, увеличится общее число зарегистрированных православных религиозных организаций, добавится одна незарегистрированная. Примерно таким же, по данным уполномоченных Совета по делам религий по региону останется общее количество обрядов, в пределах 13 000³.

Незначительно, начиная с 1940-х гг. и до конца перестроечного времени, увеличилось количество православных храмов и зарегистрированных ре-

² ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 99. Л. 125; Д. 389. Л. 8; Д. 3346. Л.Л. 175–176.

³ ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 99. Л.Л. 2–4; Д. 2467. Л. 36.

¹ ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 99. Л.Л. 20–21; Д. 389. Л.Л. 3–4; Д. 3346. Л.Л. 63–70.

лигиозных организаций в Алтайском крае. С четырех, открытых во второй половине 40-х гг. XX в., до шести. Незначительно увеличилось и количество священнослужителей¹.

Особняком по Западной Сибири стоит Кемеровская область. Если к концу 1940-х гг. картина выглядела примерно аналогичной с иными территориями региона², – было шесть действующих церквей и зарегистрированных религиозных организаций, – то к середине 1980-х гг. их стало 14 при 39 священнослужителях, что является для Западной Сибири рекордным показателем³.

Несколько иначе выглядела ситуация по Восточной Сибири. Регионы в развитии православия были не равны. Были относительно благополучные в данном плане территории, такие, как Красноярский край или Иркутская область, и территории «отстающие». Это Якутская и Бурятская АССР, Читинская область.

Так, в Красноярском крае еще во второй половине 40-х гг. было открыто 12 храмов и столько же зарегистрированных при них православных религиозных организаций. Это самый большой количественный показатель по всей Сибири⁴. Собственно, практически не измененным их количество было практически все последующее время, слегка колеблясь из стороны в сторону. К концу рассматриваемого периода было 13 таких организаций и столько же храмов⁵.

Второй в количественном плане,

¹ ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Т. 1. Д. 80. Л. 79; Д. 3344. Л.Л. 2–7.

² ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Т. 1. Д. 80. Л. 79.

³ ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 3344. Л.Л. 99–101.

⁴ ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Т. 1. Д. 80. Л. 79.

⁵ ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 3344. Л.Л. 19–26.

относительно православных храмов и зарегистрированных религиозных организаций по Сибири в целом и по Восточной ее части в частности, шла Иркутская область. Как и в Красноярском крае, во второй половине 40-х гг. XX в. там было открыто и зарегистрировано 10 храмов. За последующие 40 лет их количество увеличится на четыре при 25 священнослужителях⁶.

По Читинской области практически во всех послевоенных отчетах фигурирует одна православная церковь, однако, в некоторых документах она не числится как зарегистрированная. Это очевидно неверно, так как из источников известно, что, начиная с 1943 г. в регионе действовала до конца советского времени зарегистрированная Свято-Воскресенская церковь и община при ней в г. Чита. Она упоминалась в целом ряде отчетов. Числилось также 3 служителя культа. Очных и заочных обрядов совершалось за год, к примеру, на начало 70-х гг. XX в. в общей сложности около 1 800, к концу десятилетия, по подсчетам уполномоченных, обрядов было до 2 000 в год⁷.

В Бурятской Автономной Советской Социалистической Республике длительное время функционировала одна православная церковь. Так было почти все время, с момента потепления отношений между РПЦ и властью в 1943 г. и до наступления смены политического режима в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Некоторое время, до закрытия в 1962 г. действовала Успенская церковь в г. Кяхта, однако на рассматриваемое время, несмотря на определенное количество жалоб со стороны общины

⁶ ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 3344. Л.Л. 79–90.

⁷ ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 99. Л. 165; Д. 389. Л. 8.

верующих Кяхты, зарегистрирована на весь регион была только одна православная церковь и одна православная религиозная организация. В здании же Кяхтинской церкви в 1974 г. открыт художественный отдел – картинная галерея Кяхтинского краеведческого музея им. Академика Обручева. Следует отметить, что жалобы по поводу закрытия церкви в г. Кяхта поступали в ЦК Коммунистической партии СССР, в Совет по делам религий при Совете Министров СССР практически все рассматриваемое время. Община верующих составляла чуть больше двадцати человек, что, в общем-то, не много для поселения статуса города. В то же время, православная религиозная организация была зарегистрирована в г. Кяхта в 1946 г. и формально действовала в конце 70-х гг. XX в. и, по закону, верующим либо должны были вернуть здание церкви, либо предоставить иное помещение. Несмотря на отражение в архивных документах множественных переписок верующих с органами власти по поводу церкви, данных о передаче ее религиозному сообществу в рассматриваемое время, на сегодня, не встречено¹.

В конце 1970-х гг. в отчетности впервые появляются дела, посвященные анализу религиозной ситуации в автономных округах, а, как известно, в состав Читинской области, в рамках, так называемой «матрешечной федерации», входил Агинский Бурятский автономный округ. В границах округа вопросами контроля над существованием и деятельностью религиозных сообществ, в том числе православных, занималась окружная комиссия по

контролю «за исполнением законодательства...» и районные общественные комиссии. Здесь, однако, следует отметить, что по Агинскому Бурятскому автономному округу информация присутствовала только по буддизму, о православии не говорилось ни слова².

В Якутской Автономной Советской Социалистической Республике весь советский период вообще не было действующих православных храмов и зарегистрированных религиозных сообществ.

Следует отметить, что отчетность далеко не всегда была качественной. Уполномоченные либо относились к своей работе «спустя рукава», либо замалчивали истинную картину. Отсюда воссоздание полной истории православия в Сибири в советское время достаточно сложно.

Власти не раз предпринимали попытки улучшения работы органов местной власти и уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви (до 1965 г.) и Совета по делам религий (после 1965 г.) в регионах. Цель – контроль над соблюдением законодательства о религиозных культах и повышение качества представляемой отчетности. Так, в 1961 г. появилось Постановление Совета Министров СССР от 16 марта № 263 по утверждению инструкции «По применению законодательства о культах». Согласно инструкции требовалось провести единовременный учет религиозных организаций на территории страны. Учет был проведен, однако данные отчетов нельзя назвать качественными и однозначно достоверными. В 1968 г. появилось Постановление Совета Мини-

¹ ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 742. Л. 2; Д. 1575. Л.Л. 26–33.

² ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 1575; Д. 1643. Л.Л. 4–5.

стров СССР от 6 августа за № 494 «Об усилении контроля за выполнением законодательства о религиозных культурах». Согласно данному постановлению Советы Министров автономных республик, крайисполкомы, облисполкомы, помимо прочего, обязывались «... упорядочить дело регистрации религиозных организаций. Разобраться с каждым из незарегистрированных религиозных объединений...» [9]. Итогом появления данного постановления стали отчеты по ряду областей, в том числе по Новосибирской и Томской. Однако, во-первых, отчеты поступили не от всех территориальных единиц, а во вторых, поскольку речь шла о незарегистрированных религиозных объединениях, а их большинство было протестантскими, то информация в отчетах в основном была по ним. В то же время краткие данные по православию так же имелись. Они говорят о том, что какого-либо изменения ситуации с православием в подотчетных регионах за прошедшие один-два года не было¹.

Таким образом ситуация с развитием православия в Сибири в 60-е – 70-е гг. XX в. была неравномерной. От-

дельные регионы имели относительно большое количество действующих храмов, молитвенных домов, зарегистрированных религиозных сообществ, священнослужителей. В то же время, к примеру, в Якутской АССР в рассматриваемое время вообще не было ни одной действующей церкви, в Бурятской АССР и Читинской области действовало по одному храму в региональных центрах. Достаточно ровной была православная картина Западной Сибири. Это в пределах 4–5 храмов, 15–20 священнослужителей. Ситуация в некоторых регионах поменяется только к началу перестроечного периода.

Причины существовавшей разницы могут быть разными. Это объективные факторы, такие, как отсутствие епархиального центра и удаленность от него, и субъективные: незначительное внимание к периферийным епархиальным территориям со стороны епархиального руководства, слабая миссионерская работа.

Очевидным является то, что проблематика количественного состава православного духовенства, храмов, верующих, обрядности, требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоглазов М.Л. Взаимоотношения органов государственной власти и православной церкви на Алтае (октябрь 1917-1925 гг.): автореф. дисс.... канд. ист. наук. Томск, 1992. 19 с.
2. Васильева С.В. Государственная и церковная политика в отношении старообрядчества Байкальского региона (XVII-XXI вв.): дисс. ... док. ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 496 с.
3. Гайлит О.А. Религиозная политика советского государства по отношению к Русской Православной Церкви в конце 1920-х в 1930-е гг. (на материалах Западной Сибири): дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2002. 191 с.
4. Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. 408 с.
5. Зыбала М. Русская Православная Церковь и Римская-католическая церковь в Крас-

¹ ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 157.

- ноярском крае в период между Сталиным и Хрущевым [Электронный ресурс] // Молодежь и наука: сборник материалов X Юбилейной Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 80-летию образования Красноярского края: Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2014. URL: <http://elbib.sfu-kras.ru/handle/2311/18284> (дата обращения: 25.03.2017).
6. Косых В.И. Забайкальская епархия 1908-1923 гг. Чита: Изд-во Забайкальского государственного педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского, 2007. 204 с.
 7. Ламанская Н.Б. Государственная политика по отношению к религии и верующим в 1954–1964 гг. (На материалах Красноярского края): дисс. ... канд. ист. наук. Абакан, 2004. 177 с.
 8. Новикова Т. М. Русская Православная Церковь и власть в годы гражданской войны в Восточной Сибири (декабрь 1917 г. – август 1921 г.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2011. 27 с.
 9. Постановление Совета Министров РСФСР № 494 от 24 июля 1968 г. «Об усилении контроля за выполнением законодательства о религиозных культах // Центр древнерусской духовной культуры «Старая Русь»: [сайт]. URL: http://cddk.ru/gos_i_religia/history/sov-law/041.htm (дата посещения: 25.03.2017).
 10. Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917-1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИИ, 2008. 300 с.

REFERENCES

1. Beloglazov M.L. Vzaimootnosheniya organov gosudarstvennoi vlasti i pravoslavnoi tserkvi na Altae (oktyabr' 1917–1925 gg.): avtoref. diss.... kand. ist. nauk [Relationship between State Authorities and the Orthodox Church in Altai (October 1917–1925): Abstract. PhD Thesis in Hist. Sciences]. Tomsk, 1992. 19 p.
2. Vasil'eva S. V. Gosudarstvennaya i tserkovnaya politika v otnoshenii staroobryadchestva Baikal'skogo regiona (XVII-XXI vv.): diss. ... dok. ist. nauk [State and Church Policy of the Old Believers of the Baikal Region (XVII-XXI centuries)]. ... Doc. Thesis in Hist. Sciences]. Ulan-Ude, 2011. 496 p.
3. Gailit O.A. Religioznaya politika sovetskogo gosudarstva po otnosheniyu k Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v kontse 1920-kh v 1930-e gg. (na materialakh Zapadnoi Sibiri): diss. ... kand. ist. nauk [The Religious Policy of the Soviet State against the Russian Orthodox Church in the Late 1920s into the 1930s (on Materials of Western Siberia)]. PhD Thesis in Hist. Sciences]. Omsk, 2002. 191 p.
4. Gorbатов А. V. Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940-e – 1960-e gg. [The State and Religious Organizations in Siberia in the 1940s -1960s.]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo gos. ped. un-ta, 2008. 408 p.
5. Zybala M. Russkaya Pravoslavnaya TSerkov' i Rimskaya-katolicheskaya tserkov' v Krasnoyarskom krae v period mezhdru Stalinyim i Khrushchevym [Elektronnyi resurs] [The Russian Orthodox Church and the Roman Catholic Church in Krasnoyarsk Region in the Period between Stalin and Khrushchev [Electronic Source]] Molodezh' i nauka: sbornik materialov X Yubileinoi Vserossiiskoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 80-letiyu obrazovaniya Krasnoyarskogo kraia: Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi un-t, 2014. [Youth and Science: Proceedings of the X Jubilee All-Russian Scientific-Technical Conference of Students, Post-graduates and Young Scientists with International Participation, Dedicated to the 80th An-

- niversary of Krasnoyarsk Krai: Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2014]. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/18284> (request date 25.03.2017).
6. Kosykh V.I. Zabaikal'skaya eparkhiya, 1908-1923 gg. [TRANS-Baikal Diocese, 1908-1923.]. Chita, Izd-vo Zabaikal'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo, 2007. 204 p.
 7. Lamanskaya N.B. Gosudarstvennaya politika po otnosheniyu k religii i veruyushchim v 1954-1964 gg. (Na materialakh Krasnoyarskogo kraja): diss. ... kand. ist. nauk [State Policy towards Religion and Believers in 1954-1964 (On the Materials of Krasnoyarsk Region): PhD Thesis in Hist. Sciences]. Abakan, 2004. 177 p.
 8. Novikova T. M. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i vlast' v gody grazhdanskoi voiny v Vostochnoi Sibiri (dekabr'1917 g. - avgust 1921 g.): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. [The Russian Orthodox Church and the Government during the Civil War in Eastern Siberia (December 1917 – August 1921): Author. PhD Thesis in Hist. Sciences.]. Irkutsk, 2011. 27 p.
 9. Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR № 494 ot 24 iyulya 1968 g. «Ob usilenii kontrolya za vypolneniem zakonodatel'stva o religioznykh kul'takh [The Resolution of Council of Ministers of the RSFSR № 494 Dated July 24, 1968 "On Strengthening Control over the Implementation of the Laws on Religious Cults] Tsentr drevnerusskoi dukhovnoi kul'tury «Staraya Rus'»: [sait]. [The Center of the Ancient Spiritual Culture of the "Old Rus" [Website]]. URL: http://cddk.ru/gos_i_religia/history/sov-law/041.htm (дата посещения: 25.03.2017).
 10. Tsyrempilova I.S. Russkaya pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo: istoriya vzaimootnoshenii v 1917-1930-e gg. (na materialakh Baikal'skogo regiona) [The Russian Orthodox Church and the State: History of Relationships in 1917-1930s (Based on Materials of Baikal Region)]. Ulan-Ude, IPK VSGAKiI, 2008. 300 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дроботушенко Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Забайкальского государственного университета;
e-mail: DRZZ@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Drobotushenko Evgeny V. – PhD of Historical Sciences, Associate Professor, the Dean of History Faculty of Transbaikal State University;
e-mail: DRZZ@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дроботушенко Е.В. Количественный состав религиозных организаций и храмов Русской Православной Церкви в Восточной и Западной Сибири в 1943–1980-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 85–92.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-85-92

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

E. Drobotushenko. The quantitative composition of religious organizations and churches of the Russian Orthodox Church in the eastern and western siberia in 1960–1970s. *Bulletin of Moscow Region State University.* Series: History and Politic Sciences, 2017, no 2, pp. 85–92.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-85-92

УДК 94(970) 1954-1955

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-93-99

ГОРОДА-СПУТНИКИ – ПОПЫТКА РАССРЕДОТОЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ГОРОДОВ

Горлов В.Н.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье сделана попытка дать анализ советским городам-спутникам. В статье рассматриваются концепции градостроительства столицы в 1950-1960-е гг. Автор анализирует причины строительства городов-спутников в СССР, проблемы ограничения численности крупных советских городов. В статье рассматриваются положительные стороны комплексной застройки первого города-спутника Москвы. Автор рассматривает город Зеленоград как уникальное градостроительное достижение, как творческую удачу советских градостроителей.

Ключевые слова: градостроительство, разуплотнение системы расселения, город-спутник.

SATELLITE TOWNS – AN ATTEMPT TO DISPERSE THE POPULATION OF SOVIET CITIES

V. Gorlov*Moscow Region State University
10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The paper attempts to analyze the Soviet satellite cities. The article discusses the concept of urban development in the capital of 50–60s. The author analyzes the reasons for the construction of satellite towns in the Soviet Union, the problem of limiting the number of large Soviet cities. The article discusses the positive aspects of integrated development of the first satellite town of Moscow. The author considers the city of Zelenograd as a unique urban achievement, as a creative success of Soviet city planners.

Key words: urban planning, seal failure of the system of settling apart, a satellite town.

24 августа 1955 г. Правительство СССР потребовало прекратить в крупных городах страны новое промышленное строительство. В силу этого Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв предложил рассредоточить население больших городов страны (таких, как Москва, Ленинград, Киев) путем строительства вокруг них небольших благоустроенных городов.

В феврале 1956 г. на XX съезде КПСС Н.С. Хрущёв в своем докладе выдвинул предложение о переносе части жилищного строительства, намеченного в крупных советских городах, в их пригородные зоны, образуя города-спутники. Глава

государства отметил: «Строительство городов-спутников можно проводить за счет средств на жилищное строительство в этих крупных городах. Поэтому благоустроенные дома надо строить на некотором отдалении от них, создавать в городах-спутниках такие жилищные условия, чтобы люди стремились в них переселиться. В спутники необходимо перевести некоторые предприятия, чтобы трудящиеся могли там работать» [10, с. 74]. В августе 1956 г. выходит Постановление Совмина СССР «О строительстве новых городов в пригородной зоне Москвы» (Протвино, Долгопрудный и др.)¹.

14 марта 1958 г. Н.С. Хрущев, обращаясь к своим избирателям, заявил: «Надо, наконец, прекратить рост населения крупных городов...» [8, с. 88]. 12 апреля 1958 г. на Всесоюзном совещании по строительству Н.С. Хрущёв вновь заявил о решении строить города-спутники вблизи столицы: «Надо строить! Но города-спутники Москвы не строятся. Пора прекратить рост населения больших городов. Годы идут, а жилищное строительство все больше концентрируется в столице. Так строить дальше нельзя!» [8, с. 88].

Градостроители во многих странах мира считали, что необходимо переселить часть населения крупных городов в города-спутники, расположенные в нескольких десятках километров от центров этих городов. Такая точка зрения именовалась во многих странах «децентрализацией городов» и рассматривалась как единственный путь градостроительства в будущем. Градостроители Советского Союза не

рассматривали такой путь как единственно возможный для расселения городов. Такие планы они склонны были называть не «децентрализацией», а разуплотнением городов. С этим можно согласиться, так как произвести переселение в новые, более благоустроенные условия сотни тысяч человек было возможно только при освоении в первую очередь тех территорий, которые непосредственно примыкали к сложившейся застройке. Таким образом можно было добиться реального разуплотнения сложившихся городов в относительно короткий срок. По мнению советских градостроителей, образование городов-спутников было перспективным направлением, которое смогло бы кардинально решить многие проблемы. Таких проблем в стране было немало: это и обеспечение советских граждан жильем, и реконструкция градообразующей базы, и оздоровление среды. Не надо забывать и стратегический фактор в причинах создания городов-спутников в западных странах: рассредоточение городских жителей из-за угрозы ядерного нападения. Этот фактор, безусловно, повлиял на решение главы государства Н.С. Хрущева.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. остро переживались и обсуждались проблемы развития крупных городов в СССР. Проблема была в том, что интенсивная урбанизация приводила часто к тому, что промышленные предприятия, изначально возведенные за пределами города, стали окружаться жилыми районами. В этой ситуации самым простым решением виделся «вынос» предприятий за пределы городской черты, для чего было принято несколько постановлений правитель-

¹Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее – ЦАОПИМ). Ф. 3. Оп. 165. Д. 1. Л. 131.

ства. Более того, для столицы советского государства был разработан план вывода многих промышленных предприятий.

Одним из новых начинаний Мосгорисполкома во второй половине 50-х гг. было создание городов-спутников столицы. Прежде всего, из плотно застроенных районов Москвы в города-спутники должны были перевести ряд научных учреждений и московских предприятий. Московские власти посчитали, что 38 столичных предприятий мешали реконструкции столицы, поэтому именно они должны были начать новую жизнь в городах-спутниках [4, с. 24]. По этому плану в города-спутники должны были переехать и филиалы крупнейших столичных предприятий. Их развитию препятствовали отсутствие свободных рабочих рук и дефицит городских территорий. Надо отметить, что в города-спутники планировали перевести из Москвы безвредные в санитарном отношении предприятия, что было очень важно. На этих предприятиях должны были работать жители городов-спутников. Идея образования спутников должна была способствовать разуплотнению Москвы и снять чрезмерное давление на инфраструктуру столицы. Идея городов-спутников автономного типа имела цель рассредоточить развитие крупных городов. Предполагалось вокруг столицы создать около десяти таких городов. Первым спутником столицы должен был стать город возле станции Крюково.

В конце 1950-х гг. строительство городов-спутников становится одной из важнейших проблем градостроительства. Города-спутники намечали строить в лучших по природным условиям

районах пригородной зоны. По решению Совета Министров СССР намечалось в перспективном плане построить три города-спутника Москвы общей численностью населения в количестве примерно 170 тысяч человек¹. Помимо закладки спутника в районе Крюкова, власти рассчитывали подготовить территории для спутников в районе Красной Пахры и Яхромы. На базе старых поселений (Михнева, Каменки, Воронова и др.) также предполагалось начать строительство ещё несколько спутников Москвы с населением от 50 до 100 тысяч человек.

Институт градостроительства и районной планировки разработал нормы величины городов-спутников, которая была установлена в пределах от 30 до 80 тысяч человек [9, с. 5]. Такая величина города-спутника считалась оптимальной в зарубежном градостроительстве. Город с такой численностью населения легче было обеспечить необходимым культурным и бытовым обслуживанием. По сумме эксплуатационных и строительных расходов город с такой численностью жителей считался экономичным, поскольку он не нуждался в нерентабельном городском пассажирском транспорте, в сложных коммунальных сооружениях и т.д.

Градостроители посчитали нецелесообразным размещение в спутниках большого количества работающих в главном городе, т.е. развитие спутников-спален вызывало нерациональные дальние перевозки граждан, увеличивало потери средств и времени. Вследствие этого выбор места спутников старались произвести с учетом их хорошей транспортной доступности

¹ ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 119. Д. 16. Л. 19.

сти. Градостроители посчитали, что максимальное допустимое расстояние города-спутника от основного города по затратам времени от места проживания до места работы не должно было превышать 1 час – 1 час 15 мин. [3, с. 208].

Градостроителей всего мира волновала проблема ограничения роста крупных городов. В Советском Союзе наиболее остро эта проблема стояла перед столицей. По Генеральному плану развития Москвы, разработанному в 1935 г., расчетная численность населения Москвы принималась на перспективу в 5 млн. человек вместо 3,66 млн. человек в 1935 г. При этом по этому Генеральному плану имелось в виду всё население, занятое на предприятиях и в учреждениях Москвы, сосредоточить в самом городе. Для ограничения роста населения Москвы было запрещено строить в столице новые промышленные предприятия, кроме обслуживающих население Москвы и обслуживающих её городское хозяйство. Позднее такое запрещение распространили и на пригородную пятидесятикилометровую зону. Данное запрещение вытекало из признания нецелесообразности образования в советской стране города-гиганта и необходимости более равномерного размещения в стране производительных сил. Несмотря на решения Генерального плана 1935 г., за последующие 25 лет произошел очень бурный рост градообразующей базы столицы и её пригородного района (за счет развития научно-исследовательских учреждений, промышленности, учебных заведений и т.п.).

Население столицы по переписи 1959 г. в административных границах

составило 5 млн. человек, а вместе с населенными пунктами, расположенными на присоединенной в 1960 г. территории (население Большой Москвы), – более 6 млн. человек (не считая лесопаркового пояса) [6, с. 19]. Советские градостроители считали, что строить города-спутники необходимо для того, чтобы разгрузить Москву, расселить около миллиона жителей столицы и создать для жизни более здоровые условия. Для решения жилищной проблемы требовалось рассредоточить население, создать благоустроенные пригороды и спутники в радиусе 40-50 км. Рассредоточение крупных городов предопределяло и наиболее экономичную в индустриальном строительстве эксплуатации этажность жилых домов без лифтов (4-5 этажей).

Совет Министров СССР 3 марта 1958 г. в целях рассредоточения населения города Москвы принял предложение МГК КПСС, Госстроя СССР и Мосгорисполкома о строительстве в 1959-1963 гг. в районе станции Крюково Октябрьской железной дороги спутника с населением численностью в 65 тысяч человек. Постановлением Совета Министров СССР столице передавались для этой цели территории Солнечногорского района Московской области: посёлки Малино, Крюково, деревни Новомалино, Александровка, Назарьево, Кутузово и др. [1, с. 3] В постановлении указывалось, что в спутнике должны быть созданы все необходимые торговые, коммунальные, культурно-бытовые и другие учреждения, общественный транспорт и все современные виды инженерного оборудования. Особой чертой спутника должна была стать четко организованная связь со столицей. Строи-

тельство города-спутника облегчалось свободной от болот и леса значительной территории. На примере спутника Москвы наглядно были видны успехи градостроительства в СССР во второй половине XX в.

В период правления Н.С. Хрущёва основой советского градостроительства становится принцип комплексности, совместности решения проживания и потребления труда. В каждом микрорайоне спутника была своя школа, спортивные площадки, детские учреждения, магазины, рестораны, столовые, кинотеатр, клуб. Жилые дома в спутнике были построены по типовым проектам, а общественные здания были построены в основном по индивидуальным проектам. Большое внимание в спутнике уделили созданию мест массового отдыха. Спутник Москвы впоследствии получил свое название от обилия зелени, которая стеной окружала город и проникала в глубь его. Огромной заслугой проектировщиков города-спутника было то, что они учли особенности территории с целью максимально возможного сохранения лесных массивов.

В 1962 г. Совет Министров СССР принял решение о создании в городе-спутнике научно-исследовательского центра микроэлектроники, в результате чего увеличилась расчетная численность населения спутника до 80 тысяч человек и частично пересмотрен утвержденный генплан спутника.

Город-спутник создавался по формуле «Мир, наука, счастье». Писательница Алла Гербер в 1961 г., находясь под впечатлением от строящегося города-спутника Москвы, метафорически связывала архитектуру будущего с формами будущих отношений между

советскими людьми: «Город-спутник – эксперимент, завтрашний день советского градостроения, островок коммунизма. Спутник должен стать символом всего самого передового, начиная от методов стройки и кончая традициями, бытом, правилами дружного общежития» [2, с. 108–110].

Мосгорисполком 15 января 1963 г. принял решение присвоить городу-спутнику у станции Крюково наименование «Зеленоград». 16 января 1963 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Зеленоград стал городом-спутником столицы и был преобразован в город районного подчинения. Зеленоградский городской Совет был передан в подчинение Ленинградскому районному совету Москвы, а 19 февраля 1965 г. город Зеленоград передается в подчинение Московскому городскому Совету народных депутатов и становится тридцатым, а впоследствии тридцатым вторым районом Москвы [5, с. 13].

В 1960-е гг. сложился архитектурный облик Зеленограда. Город-спутник Москвы стал наряду с Черемушками тем новым эталоном, на который равнялись советские строители и архитекторы. Застройка этого спутника стала градостроительным экспериментом для выявления оптимальных возможностей типового проектирования, ориентированного на индустриальные методы возведения жилых зданий. Город-спутник Москвы по праву стали называть городом-экспериментом. Именно в нем зародился бригадный подряд, новый метод организации строительства, который получил всеобщее распространение. Метод бригадного подряда изучали и осваивали и строители других государств. Надо

отметить, что население города-спутника Москвы росло очень быстрыми темпами. Если на 1 января 1967 г. в спутнике проживало свыше 40 тыс. человек [5, с. 153], то в 1980 г. в нем проживало уже 130 тыс., средний возраст жителей спутника составил 30 лет [7, с. 15].

Город-спутник Зеленоград стал электронной лабораторией страны. Именно здесь были сосредоточены предприятия электронной промышленности, созданы хорошие условия для деятельности производственных и научных организаций. Само строительство этого города было экспериментом и по-прежнему остается полигоном для обкатки многих новаций в социальной сфере, в образовании, в городской среде обитания. Кто впервые знакомился с этим городом-

спутником, тот поражался общей гармонией архитектурной планировки, задуманной так, что всюду было много света и радующего глаз простора. Город-спутник удалось построить по всем правилам градостроительного искусства. Спутник отличался композиционной целостностью и планировочной свободой, органичным сочетанием жилой застройки с пластически насыщенной архитектурой центральных ансамблей, активным взаимодействием с природой. Важно, что жилые микрорайоны спутника находились в пределах пешеходной доступности от мест приложения труда, сконцентрированных в периферийной зоне. Бесспорно, создание города-спутника Москвы стало градостроительным достижением, творческой удачей советского градостроительства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архитектурно-планировочное развитие городов-спутников // Архитектура и строительство Москвы. 1958. № 4. С. 3–4.
2. Гербер А. ...И назовут его – Юность // Юность. 1961. № 10. С. 108–110.
3. Жилищное строительство. М., 1958. 548 с.
4. Москва. М.: Всесоюзная книжная палата, 1961. 195 с.
5. Москва в цифрах за годы Советской власти. М.: Статистика, 1967. 168 с.
6. Народное хозяйство СССР в 1959 году: стат. ежегодник. М.: Госстатиздат, 1960. 896 с.
7. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М.: Политиздат, 1980. 157 с.
8. Основы теории советской архитектуры (расширенные тезисы) / Под ред. А.И. Гегелло. М.: Академия строительства и архитектуры СССР, 1958. 224 с.
9. Строительство и реконструкция городов (1945–1957): материалы V конгресса Международного союза архитекторов в 3-х т. Т. 1. Ч. 2 [Материалы национальных секций МСА]. М.: Госстройиздат, 1958. 397 с.
10. Хрущев Н.С. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии. М.: Госполитиздат, 1956. 142 с.

REFERENCES

1. Arkhitekturno-planirovochnoe razvitie gorodov-sputnikov [Architectural Planning Development of Satellite Cities]. *Arkhitektura i stroitel'stvo Moskvy*. 1958. no. 4. pp. 3–4.
2. Gerber A. ...I nazovut ego – Yunost' [...And I call it – Youth]. *Yunost'*. 1961. no. 10. pp. 108–110.
3. Zhilishchnoe stroitel'stvo [House-Building]. M., 1958. 548 p.

4. Moskva [Moscow]. M., Vsesoyuznaya knizhnaya palata, 1961. 195 p.
5. Moskva v tsifrakh za gody Sovetskoi vlasti [Moscow in Numbers during the Years of Soviet Power]. M., Statistika, 1967. 168 p.
6. Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1959 godu: stat. ezhegodnik [National Economy of the USSR in 1959: Stat. Yearbook]. M., Gosstatizdat, 1960. 896 p.
7. Naselenie SSSR: po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1979 g [The Population of the USSR according to the Soviet Census of 1979]. M., Politizdat, 1980. 157 p.
8. Osnovy teorii sovetskoi arkhitektury (rasshirennye tezisy). Pod red. A.I. Gegello [Fundamentals of the Theory of Soviet Architecture (Extended Abstracts). Edited by A.I. Gegello]. M., Akademiya stroitel'stva i arkhitektury SSSR, 1958. 224 p.
9. Stroitel'stvo i rekonstruktsiya gorodov (1945–1957): materialy V kongressa Mezhdunarodnogo soyuza arkhitektorov v 3-kh t. T. 1. Ch. 2 [Materials natsional'nykh sektiis MSA] [Construction and Reconstruction of Cities (1945–1957): Materials of the V Congress of the International Union of Architects in 3 Vol. Vol. 1. Part 2 [Materials of the National Sections of the IUA]]. M., Gosstroizdat, 1958. 397 p.
10. Khrushchev N.S. Otchetnyi doklad TSK KPSS XX s"ezdu partii [Report of the Central Committee of the CPSU Twentieth Party Congress]. M., Gospolitizdat, 1956. 142 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и Московского региона Московского государственного областного университета; e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir N. – Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Russia and Moscow Region, Moscow Region State University; e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В.Н. Города-спутники – попытка рассредоточения населения советских городов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 93–99.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-93-99

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

V. Gorlov. Satellite towns – an attempt to disperse the population of Soviet cities. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 2, pp. 93–99.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-93-99

РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 324

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-100-108

ОДНОМАНДАТНЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ОКРУГА В РОССИЙСКОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ 2016 г.: УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

Минаева А.В.

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
300026, г. Тула, проспект Ленина, д. 125, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлен политологический анализ итогов выборов депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва, прошедших 18 сентября 2016 г., с точки зрения реализации политическими партиями новых политических возможностей в одномандатных избирательных округах, которые были им законодательно предоставлены накануне выборов. Материалы статьи могут быть интересны специалистам, занимающимся подготовкой избирательных кампаний, преподавателям политических наук в высшей школе, а также широкому кругу читателей, интересующихся политическими процессами и технологиями в Российской Федерации.

Ключевые слова: одномандатные избирательные округа, избирательный процесс, избирательная кампания, политические партии, выборы в Государственную думу России.

SINGLE_MEMBER CONSTITUENCIES IN THE RUSSIAN ELECTORAL PROCESS IN 2016: A MISSED OPPORTUNITY FOR THE RUSSIAN MULTI-PARTY SYSTEM

A. Minaeva

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125, Lenin prospect, Tula, 300026, the Russian Federation*

Abstract. The article gives the politological analysis of the election results to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the VII convocation, held on 18 September 2016 from the point of view of whether the political parties implemented new political possibilities that were legally given to them before the election. The article may be of interest to professionals involved in the preparation of election campaigns, as well as to the teachers of political

sciences at universities, and also to a wide circle of readers interested in the political processes and technologies in the Russian Federation.

Key words: single-member constituencies, election process, election campaign, political parties, elections to the State Duma of the Russian federation.

Законодательство 2014–2016 гг. в области избирательного права и избирательных технологий значительно изменило «правила игры» для участников избирательного процесса перед выборами в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва, прошедших 18 сентября 2016 г. Возвращение одномандатных кандидатов предоставило шанс парламентским партиям, составляющим корпус «системной оппозиции», а также малым непарламентским партиям улучшить свои показатели, получить больше мандатов в Государственной думе нового созыва. Но этим шансом никто не воспользовался, кроме партии «Единая Россия», политическое руководство которой осуществило грамотное стратегическое планирование и его результативную тактическую реализацию, которая выразилась в получении партией значительно большего количества мест в нижней палате парламента страны, чем в предыдущем составе Государственной думы, в условиях падения популярности «партии власти» в течение 2016 г.: «За 2016 год ЕР “потеряла” около 10 % в рейтинге», – отмечает И.Е. Минтусов [8], ссылаясь на данные опроса «ФОМнибус» 27–28 августа 2016 г.

Другие партии не поняли нового рисунка избирательной кампании, и при общей «невысокой технологичности региональных кампаний» [9], не уделили должного внимания избирательным кампаниям кандидатов-одно-

мандатников, и потому проиграли. А между тем новое избирательное законодательство значительно расширило возможности как политических партий различного масштаба, так и отдельных граждан для участия в избирательных кампаниях федерального и регионального уровня.

Закон «О политических партиях» в редакции от 23 мая 2015 г.¹ упростил процедуру регистрации партий на политическом пространстве РФ, чем вызвал резкое увеличение количественного и качественного разнообразия российских политических партий. Возвращение в феврале 2014 г. смешанной избирательной системы при формировании нижней палаты российского парламента вернуло надежды электорально активных граждан на большее участие в формировании личного состава парламентариев и уменьшение зависимости избранных депутатов-мажоритариев от воли партийного руководства. Снижение избирательного порога с 7 до 5 процентов для получения права участвовать в распределении депутатских мандатов также внушило сдержанный оптимизм сторонникам развития многопартийной системы в стране.

Большое внимание законодатели уделили упорядочению работы всех субъектов избирательного процесса, повышению требований к качеству избирательных кампаний кандидатов и прозрачности работы СМИ, обеспечи-

¹ Принят Гос. думой 11 июля 2001 г. (№ 95-ФЗ).

вающим конкурентность предвыборной борьбы и являющихся важнейшим коммуникативным инструментом в процессе формирования имиджа политических партий, что неоднократно подчеркивалось российскими исследователями [4; 13]. Без сбора подписей к участию в выборах были допущены 14 партий вместо 7, допущенных в 2011 г. «Лепестковая нарезка» избирательных округов, объединяющая городские и сельские территории, не только «значительно осложняет организацию избирательной кампании для всех политических партий и кандидатов» [5, с. 37], но и стимулирует к освоению новых политтехнологических приемов. Все эти изменения были справедливо названы С.Г. Зыряновым «риском новизны» для предстоящей избирательной кампании, и затрудняли прогнозирование итогов предстоящих выборов, предоставляя дополнительные возможности кандидатам-одномандатникам. М.М. Мейер также отмечал, что «с введением одномандатных округов и допуском на выборы большого числа партий предугадать результат будет гораздо сложнее» [7, с. 33].

Рассмотрим, как эти изменения отразились на составе избранной по новому законодательству Государственной думы VII созыва. Базовый корпус политических партий, образовавших фракции в нижней палате парламента, не изменился. Другого результата при существовании 5%-го избирательного порога и быть не могло, так как «результаты голосования подчиняются закону убывающей отдачи, более известному как принцип Парето» [3, с. 34], математическая модель которого показывает, что при заградительном пороге в размере 5 % в парламент мо-

гут пройти только четыре партии. В нашем случае это: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Пикантности придает прошедший в Думу один самовыдвиженец, один депутат-одномандатник от партии «Гражданская платформа» и один депутат от партии «Родина». Больше ни одна партия не заработала 3 и более процентов голосов избирателей для получения государственного финансирования. Единственная партия, преодолевшая на выборах 2011 г. порог в 3 %, получив 3,43 % голосов, – «Яблоко», 18 сентября 2016 г. набрала только 1,86 % [2], лишившись, таким образом, государственного финансирования и возможности участвовать в следующих выборах без сбора подписей избирателей.

Если мы посмотрим на количественный состав думского «квартета», то здесь очевидны серьезные изменения. Согласно официальным данным ЦИК, партия «Единая Россия» приобрела конституционное большинство, увеличив свою фракцию с 238 депутатов в Государственной думе VI созыва до 343 депутатов в новой Думе [11]. КПРФ и «Справедливая Россия» потеряли половину своих мест в парламенте, ЛДПР потеряла 17 мест, при том, что ее поддержка избирателями увеличилась с 11, 67 % в 2011 г. до 13,28 % в 2016. «Справедливая Россия» с результатом 6, 17 % стоит на пороге «вылета» из парламента на следующих выборах.

«Единая Россия» значительно «срезала» депутатские мандаты у своих коллег, имея практически идентичную поддержку избирателей по сравнению с 2011 г. – 49,32% в 2011 г. и 54,27 % – в 2016 г [2]. Некоторые исследования показывали даже снижение рейтин-

га партии накануне выборов. Так, согласно данным инициативного опроса, проведенного Аналитическим центром Юрия Левады 22–25 июля 2016 г., по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 чел. в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов РФ [12], за партию «Единая Россия» были готовы голосовать 57 % опрошенных, против 65 % при проведении аналогичного опроса в январе 2016 г. В такой ситуации реальные результаты выборов – это безусловный успех!

Одна из причин выигрыша «Единой России» – недооценка остальными политическими партиями выборов по одномандатным избирательным округам. При очевидной активности практически всех партий в выдвижении кандидатов по одномандатным округам (ЛДПР – 224 кандидата, КПРФ – 225, «Справедливая Россия» – 224, «Яблоко» – 168, «Партия роста» – 149) технологии их избирательных кампаний оказались неэффективными [1].

В 2016 г. федеральный список кандидатов от «Единой России» получил только 140 мест, остальные 203 получили кандидаты-одномандатники! То есть реальная поддержка партии в целом со стороны населения снизилась, а победа партии по итогам голосования стала еще более убедительной. Таким образом, одной из причин провала политических партий «системной оппозиции» приходится признать недостаточное внимание технологиям избирательных кампаний кандидатов по одномандатным избирательным округам.

Согласно Федеральному закону РФ от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О

выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания РФ» 225 депутатов Государственной думы избираются по одномандатным избирательным округам на основе мажоритарной системы относительного большинства (ст. 3). Политическая реальность разворачивает кандидатов от руководства своей политической партии лицом к избирателю. Личные ресурсы кандидата выходят на первый план. Структуры политической партии представляют собой мощную машину в роли избирательного штаба, однако, как показали прошедшие выборы, для достижения лучших результатов доминирующей фигурой при стратегическом планировании избирательной кампании становится личность кандидата, тактической основой работы которого должна стать максимальная публичность через личные контакты с избирателями.

Отечественные избирательные кампании пестрят отвлеченными лозунгами, жонглируют идеологическими установками, обращаются к коллективному началу российского электората, зачастую спекулируя на патриотических чувствах и применяя, согласно классификации Е.Б. Малкина, «наивные» подходы [6, с. 65] при формировании стратегии избирательной кампании. Ответственность за такие масштабные социальные проекты может нести только очень крупная партия, обладающая реальной политической властью в стране. Слышать подобные рассуждения от более мелких партий довольно комично, и избиратель интуитивно чувствует подвох и нереализуемость предвыборных обещаний. И все забывают о повседневных нуждах россиян, которые волну-

ют людей значительно больше, чем обустройство России в целом, украинский политический кризис, Сирия и прочее. По точному замечанию директора Международного института политической экспертизы Е. Минченко, «побеждают в итоге те, кто построил кампанию на реальных ценностях» [10]. Итак, главной фигурой в избирательном процессе думских выборов следующего созыва должен стать депутат-одномандатник.

По современному российскому законодательству кандидатом в одномандатном избирательном округе может быть выдвинут гражданин РФ, соответствующий требованиям федерального законодательства, предъявляемым к кандидатам в депутаты, в порядке самовыдвижения или выдвижения политической партией из числа своих членов или беспартийных (№ 20-ФЗ «О выборах депутатов...», ст. 6). Два пути баллотировки обозначены. На первый взгляд, кандидаты, выдвигаемые политической партией в одномандатном избирательном округе, имеют очевидные преимущества. Во-первых, для организации своей избирательной кампании такие кандидаты располагают готовой организационной структурой – партийным аппаратом, способным сформировать дееспособный избирательный штаб. Во-вторых, кандидаты, выдвигаемые от политической партии, которая набрала на предыдущих федеральных выборах законодательной власти 3 и более процентов голосов избирателей или была допущена к распределению мест хотя бы в одном региональном парламенте, имеют право не собирать подписи избирателей в поддержку выдвижения своей кандидатуры на

очередных выборах (№ 20-ФЗ, ст. 44). В-третьих, важное преимущество дают отлаженные партийные каналы по привлечению материальных и финансовых ресурсов в избирательную кампанию, возможность участия партийных финансовых средств в формировании избирательного фонда кандидата-одномандатника (№ 20-ФЗ, ст. 71–72).

Однако кандидат-самовыдвиженец в одномандатном избирательном округе при грамотном стратегическом планировании своей избирательной кампании недостатки своего положения может превратить в достоинства. Во-первых, начиная работу по формированию своей избирательной команды примерно за год до выборов, самовыдвиженец имеет широкие возможности по привлечению адекватных людей с должным уровнем профессионализма, учитывая при этом фактор личной совместимости. Этой возможности лишены кандидаты от политических партий, состав избирательных штабов которых может быть навязан партийным руководством без учета личных пожеланий кандидата. Между тем личное доверие и психологический комфорт при взаимодействии всех членов избирательного штаба с кандидатом самым прямым образом влияет на результат избирательной кампании. Также важен и тот факт, что самовыдвиженец не несет ответственности за действия политической партии, не связан никакими ассоциациями с партией – ни плохими, ни хорошими, его старт нейтрален.

Во-вторых, необходимость сбора подписей избирателей в поддержку самовыдвижения позволяет начать предвыборную кампанию задолго до

ее официального старта. В масштабах одного избирательного округа организация взаимодействия кандидата и его доверенных лиц с избирателями по принципу «от двери к двери», начиная с момента старта сбора подписей и заканчивая последним днем агитационного периода, может дать наилучший эффект в соотношении затраченных личных и материальных усилий и полученных голосов.

В-третьих, как подчеркивает Е.Б. Малкин, «недостаток одного из видов основных ресурсов может быть частично компенсирован избытком других» [6, с. 52]. По законодательству, каждый кандидат должен создать избирательный фонд (№ 20-ФЗ, ст. 71), содержание которого формируется четырьмя путями: из собственных средств партии, собственных средств кандидата, добровольных пожертвований юридических и физических лиц. Для самовыдвиженца первый способ отпадает. Привлечение средств иными законными путями требует приложения личной энергии кандидата. Компенсировать недостаток финансовых средств поможет личное, непосредственное участие кандидата в завоевании голосов избирателей в ходе избирательной кампании. Это положение справедливо как для кандидатов-самовыдвиженцев, так и для кандидатов от партии.

Соотношение затраченных средств и полученных голосов электората должно стать темой отдельного исследования, но здесь необходимо подчеркнуть, что дорогостоящие избирательные кампании, сопровождаемые массовой атакой на избирателя в СМИ, распространением дорогой полиграфической продукции, нередко

не только не приводят к увеличению количества голосов избирателей, но даже к их потере, потому что «раздражают» российский электорат. Очень «богатых», а также «самых умных» в России традиционно не любят. Доверие вызывает человек, которого знают лично, который понимает насущные проблемы своего округа и знает как их решить. В этом деле все «козыри» в руках кандидатов-одномандатников.

Таким образом, избирательная кампания 2016 г. выборов депутатов Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва показала неготовность политических партий РФ участвовать в выборах по новым (а по сути, недавно забытым) правилам, установленным законодательством в области избирательного процесса и права. Своим оглушительным успехом политическая партия «Единая Россия» во многом обязана победам кандидатов, выдвинутых в одномандатных избирательных округах. Другие парламентские партии, а также малые политические партии, участвовавшие в выборах, недооценили свои возможности набрать политический вес за счет грамотно продуманных избирательных кампаний депутатов-одномандатников от своих партий, которые могли значительно улучшить их электоральный результат.

Личное участие кандидата-одномандатника в своей избирательной кампании, его «рукопожатный» марфон в избирательной кампании «от двери к двери» в условиях одного округа дает максимальный положительный эффект для достижения целей избирательной кампании и требует приложения значительного личного ресур-

са от кандидата, высокого уровня его организаторских и коммуникативных качеств. Поэтому на российском политическом пространстве в избирательном поле, законодательно оформленном в первой половине 2016 г., главная стратегическая задача политических партий, а также политики и соци-

ально активных граждан состоит не в поиске новых партий или идеологий, а в поиске людей, способных аккумулировать интересы социальных групп, «зажечь» общество идеями, жертвовать личным временем и интересами для достижения высокого политического результата.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Выборы 2016: основные итоги предэлекторального этапа и его влияние на результаты избирательной кампании [электронный ресурс] // Фонд развития гражданского общества [сайт]. URL: <http://civilfund.ru/mat/102> (дата обращения 16.03.2017).
2. Выборы в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации [электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации [сайт]. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/index.html (дата обращения: 14.03.2017).
3. Грачев Г. А. Оценка политической стабильности на прошедших выборах парламента и президента России // Политические исследования. 2012. № 3. С. 30–35.
4. Давыборец Е.Н. Выборы в России: институт демократии или атрибут автократии? // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 49–56.
5. Зырянов С.Г. Парламентские выборы 2016 года: риски для политического режима // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 36–44.
6. Малкин Е. Политические технологии / 3-е изд., испр. и доп. М.: Русская панорама, 2012. 688 с.
7. Мейер М.М. Выборы в Государственную думу в 2016 году // Власть. 2016. № 6. С. 30–35.
8. Минтусов И.Е. Итоги выборов в Государственную думу 2016 года: доклад на II Всероссийской научно-практической конференции «Электоральные процессы в современной России: итоги федеральных выборов», 21.09.2016 [электронный ресурс] // Московский педагогический государственный университет [сайт]. URL: <http://мпгу.рф/wp-content/uploads/2016/09/I.E.-Mintusov.pdf> (дата обращения 12.03.2017).
9. Минтусов И.Е. Основные тенденции электоральных процессов в России в 2016 году: доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Электоральные процессы в современной России: итоги федеральных выборов», 26.05.2016 [электронный ресурс] // Московский педагогический государственный университет [сайт]. URL: мпгу.рф/wp-content/uploads/2016/05/Mintusov.pptx (дата обращения 12.03.2017).
10. Минченко Е. На выборах побеждают не «белые» и «черные» технологии, а стратегии: интервью 15.09.2016 г. [электронный ресурс] // Политаналитика [сайт]. URL: <http://www.politanalitika.ru/actualcomments/na-vyborakh-pobezhdayut-ne-belye-i-chnyete-khnologii-a-strategii/> (дата обращения 19.03.2017).
11. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 23.09.2016 г. № 56/541–7 «Об установлении общих результатов выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва» // Российская газета. 2016. 24 сент.
12. Предстоящие выборы в Госдуму: пресс-выпуск 02.08.2016 [электронный ресурс] // Левада-Центр [сайт]. URL: <http://www.levada.ru/2016/08/02/predstoyashhie-vybory-v-gosdumu/> (дата обращения: 19.03.2017).

13. Чижов Д.В. Формирование имиджа российских политических партий в сети Интернет // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 313–338.

REFERENCES

1. Vyборы 2016: osnovnye itogi predelektoral'nogo etapa i ego vliyanie na rezul'taty izbiratel'noi kampanii [elektronnyi resurs] [Election 2016: Main Results Pre-electoral Stage and its Influence on the Results of the Election Campaign [Electronic Source]] Fond razvitiya grazhdanskogo obshchestva [sait]. [Development Fund of Civil Society [website]]. URL: <http://civilfund.ru/mat/102> (request date 16.03.2017).
2. Vyборы v Gosudarstvennuyu Dumu Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii [elektronnyi resurs] [Elections to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation [Electronic Source]] Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya Rossiiskoi Federatsii [sait]. [The Central Election Commission of the Russian Federation [website]]. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/index.html (request date 14.03.2017).
3. Grachev G. A. Otsenka politicheskoi stabil'nosti na proshedshikh vyborah parlamenta i prezidenta Rossii [Assessment of the Political Stability in the Last Election of Parliament and the President of Russia]. Politicheskie issledovaniya. 2012. no. 3. pp. 30–35.
4. Davybores E.N. Vyборы v Rossii: institut demokratii ili atribut avtokratii? [Elections in Russia: the Institute of Democracy or Autocracy Attribute?]. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. no. 10. pp. 49–56.
5. Zyryanov S.G. Parlamentskie vyборы 2016 goda: riski dlya politicheskogo rezhima [Parliamentary Elections in 2016: the Risks for the Political Regime]. Sotsium i vlast'. 2016. no. 1 (57). pp. 36–44.
6. Malkin E. Politicheskie tekhnologii. 3-e izd., ispr. i dop [Political Technology / 3rd Ed. Rev. Additional]. M., Russkaya panorama, 2012. 688 p.
7. Meier M.M. Vyборы v Gosudarstvennuyu Dumu v 2016 godu [Elections to the State Duma in 2016]. Vlast'. 2016. no. 6. pp. 30–35.
8. Mintusov I.E. Itogi vyborov v Gosudarstvennuyu Dumu 2016 goda: doklad na II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Elektoral'nye protsessy v sovremennoi Rossii: itogi federal'nykh vyborov», 21.09.2016 [elektronnyi resurs] [The Results of the Elections to the State Duma 2016: Report at the II All-Russian Scientific-Practical Conference "Electoral Processes in Modern Russia: the Results of the Federal Elections," 21.09.2016 [Electronic Source]] Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet [sait]. [Moscow Pedagogical State University [website]]. URL: <http://mnpri.pf/wp-content/uploads/2016/09/I.E.-Mintusov.pdf> (request date 12.03.2017).
9. Mintusov I.E. Osnovnye tendentsii elektoral'nykh protsessov v Rossii v 2016 godu: doklad na Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Elektoral'nye protsessy v sovremennoi Rossii: itogi federal'nykh vyborov», 26.05.2016 [elektronnyi resurs] [The Main Tendencies of the Electoral Processes in Russia to 2016: Report at the All-Russian Scientific-Practical Conference "Electoral Processes in Modern Russia: the Results of the Federal Elections," 26.05.2016 [Electronic Source]] Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet [sait]. [Moscow pedagogical state University [website]]. URL: mnpri.pf/wp-content/uploads/2016/05/Mintusov.pptx (request date 12.03.2017).
10. Minchenko E. Na vyborah pobezhdayut ne «belye» i «chernye» tekhnologii, a strategii: interv'yu 15.09.2016 g. [elektronnyi resurs] [Election Winning is not "White" and "Black" Technologies and Strategies: Interview 15.09.2016 [Electronic Source]] Politanalitika [sait]. [PolytAnalitika [website]]. URL: <http://www.politanalitika.ru/actualcomments/na-vyborah-pobezhdayut-ne-belye-i-chernye-tekhnologii-a-strategii/> (request date 19.03.2017).

11. Postanovlenie TSentral'noi izbiratel'noi komissii Rossiiskoi Federatsii ot 23.09.2016 g. № 56/541–7 «Ob ustanovlenii obshchikh rezul'tatov vyborov deputatov Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii sed'mogo sozyva» (The Decision of the Central Election Commission of the Russian Federation from 23.09.2016, No. 56/541–7 "On the Establishment of General Results of Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the Seventh Convocation"). Rossiiskaya gazeta, 2016, 24 Sep.
12. Predstoyashchie vybory v Gosdumu: press-vypusk 02.08.2016 [elektronnyi resurs] [The Forthcoming Elections in the State Duma: Press Release 02.08.2016 [Electronic Source]] Levada-TSentr [sait]. [Levada Centre [website]]. URL: <http://www.levada.ru/2016/08/02/predstoyashhie-vybory-v-gosdumu/> (request date 19.03.2017).
13. Chizhov D.V. Formirovanie imidzha rossiiskikh politicheskikh partii v seti Internet [The Image Formation of the Russian Political Parties on the Internet]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2016. no. 1. pp. 313–338.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Минаева Анжелика Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных наук Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого;

e-mail: minaeva_angel@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Minaeva Anzhelika V. – PhD of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Social Sciences, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University;

e-mail: minaeva_angel@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Минаева А.В. Одномандатные избирательные округа в российском избирательном процессе 2016 г.: упущенные возможности российской многопартийности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 100–108.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-100-108

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Minaeva. Single-member constituencies in the Russian electoral process in 2016: a missed opportunity for the Russian multi-party system. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Politic Sciences*, 2017, no 2, pp. 100–108.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-100-108

УДК 321.02

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-109-117

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Лаврикова А.А.*Тульский государственный университет**300012, г. Тула, пр-т Ленина, 92, Российская Федерация*

Аннотация. В представленной статье рассматривается значение социального капитала как компонента социокультурного контекста развития российского общества, определяющего базовые параметры национальной модели политического участия. Незавершенность процесса институционализации воспринимается россиянами как отсутствие порядка, что проявляется в ограниченном объеме социального капитала, основанного на генерализированном доверии. В результате возникают ощутимые барьеры для функционирования модели, предполагающей автономное неортодоксальное политическое участие в коллективных формах, и в целом для конструирования собственно политического в российских общественных практиках.

Ключевые слова: политическое участие, социальный капитал, социальное доверие, самоорганизация граждан

SOCIAL CAPITAL AS A FACTOR OF THE FORMATION OF THE POLITICAL PARTICIPATION MODEL IN THE RUSSIAN SOCIETY

A. Lavrikova*Tula State University**300012 Tula, Lenin avenue, 92, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the importance of the social capital as a component of the socio-cultural context of the development of the Russian society, which determines the basic parameters of the national model of political participation. The incompleteness of the institutionalization process is viewed by the Russians as an absence of order which manifests itself in the limited volume of the social capital based on generalized confidence. As a result there appeared some notable barriers to the model's functioning which presupposes an autonomous unorthodox political participation in the collective forms, and on the whole barriers to the construction of the political space in the Russian social practices.

Key words: political participation, strategies of political participation, social capital, social confidence, self-organization of citizens.

В современной западной и отечественной социально-политической литературе при анализе общественной, в том числе и политической, активности граждан достаточно часто применяется концепция социального капитала [2; 4; 6; 7; 9; 11;

14; 15; 19]. Вместе с тем ряд исследователей указывает, что достаточно типичной для стран на постсоветском пространстве, переживающих социально-политические трансформации, является ситуация, характеризующаяся незначительным объемом социального капитала в обществе (имеются в виду слабая самоорганизация общества, преимущественно телеологическое, а не инструментальное понимание демократии и недостаточно высокий индекс социального доверия). Например, Т. Николс среди особенностей развития России называет практически полное отсутствие социального капитала, отмечая, что «в этом дефиците заключается наиболее исчерпывающее объяснение ее проблем» [17]. А. Р. Патнем, считает, что не только Россия, но и «почти все бывшие коммунистические страны имели слабые традиции гражданского общества до прихода коммунизма, а тоталитарное правление свело на нет даже этот ограниченный запас социального капитала» [19, р. 183]. Согласен с ним и Ф. Фукуяма, полагая, что многие посткоммунистические страны относятся к числу подлинно индивидуалистических обществ, «члены которых не умеют объединяться друг с другом» [14, с. 57].

Помимо столь радикального взгляда, среди ученых существуют и другие мнения. Так, Н. Ор, указывая на то обстоятельство, что главными формами существования социального капитала в России всегда были семейные, родственные и дружеские связи, а не общественные организации, отстаивает позицию сохранения социального капитала и в условиях советского режима, ведь взаимопомощь, взаимоподдержка являются прочной основой

существования и источником развития подобного рода отношений. И «те человеческие отношения, которые помогли людям выжить в условиях жесткой принудительной экономической и политической системы», помогли им преодолеть негативные последствия радикальных реформ 90-х гг. XX [19]. Подобной точки зрения придерживается и А.А. Аузан, указывающий на то, что «в 1970–1980 гг. в СССР были созданы огромные запасы социального капитала, были многочисленные элементы гражданского общества – от экономико-математической школы в МГУ до московских кухонь. Именно там производился социальный капитал» [1]. Однако с начала 1990-х гг. происходило его систематическое «разрушение», что было связано с резкой ломкой прежней (советской) системы ценностей, которые выступали в качестве основы консолидации обществ, а новая, цельная система ценностей так и не была сформирована. В результате распространение получили апатия, разочарование, нравственная дезориентация сознания и, как следствие, адаптационный индивидуализм, в котором высокий уровень автономии по отношению к социуму и его институтам сочетается с противопоставлением им собственных правил и норм. Сложившаяся ситуация позволила В.В. Петухову определить российский индивидуализм как «индивидуализм людей, столкнувшихся с тяжелыми проблемами выживания, поэтому он и не дает пока импульсов к различным формам гражданской и профессиональной консолидации и солидаризма» [10, с. 63], а «приращение» социального капитала осуществляется медленно. Кроме того, некото-

рые авторы ссылаются на результаты сравнительных исследований, согласно которым в Западной Европе есть государства (например, Франция), где индекс социального доверия (выступающий одним из базовых показателей социального капитала [См., напр., 6; 9; 16]) еще ниже, чем в странах посткоммунистической трансформации.

На наш взгляд, для формирования конструктивной модели политического участия значение имеет не только уровень социального доверия, но и соотношение его типов (генерализованного, институционального, межличностного), а также характер зон солидаризации общественных групп, зависящих от вектора демонстрируемого доверия. Поэтому обратимся к анализу проблемы именно с этих позиций.

Результаты всероссийских мониторинговых исследований свидетельствуют, что в отношениях с посторонними/незнакомыми людьми россияне скорее демонстрируют осторожность, при этом показатели индекса генерализованного (обобщенного/анонимного) доверия уступают индексологическим значениям, характеризующим институциональное доверие (за исключением партий) (См. рис.), и значительно ниже аналогичных показателей в некоторых из европейских стран [См.: 5; 13]. И если Р. Далтон утверждал, что гражданину демократического государства свойственно определенное недоверие к политическим властям, но своим согражданам он доверяет [1], то в России мы наблюдаем несколько иную картину.

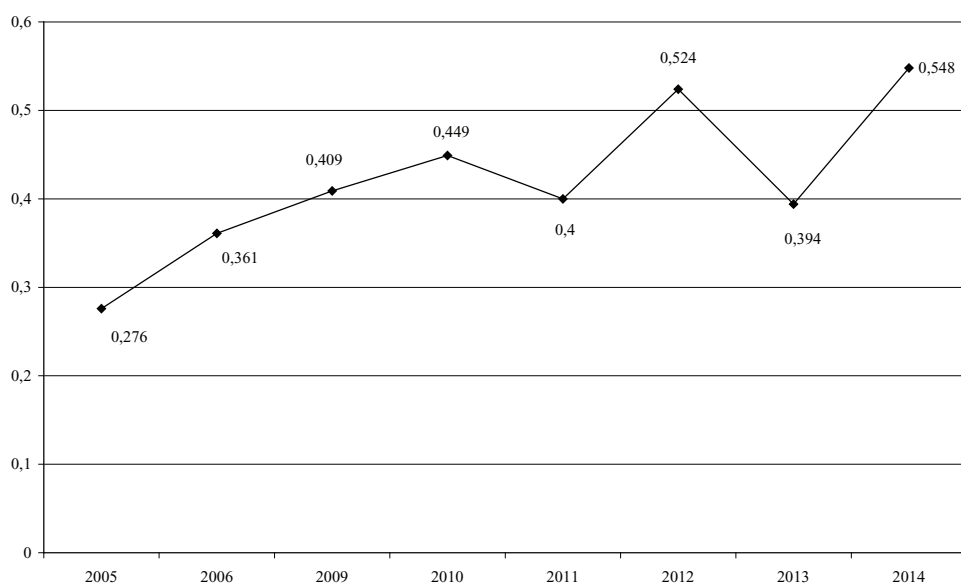

Рис. Динамика индекса генерализованного доверия в российском обществе, 2005–2014 гг. (Доля положительно ответивших на вопрос: «В целом Вы бы сказали, что людям можно доверять или что осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает?»)

Вместе с тем согласно материалам мониторингового исследования **Центра социологических исследований РАНХиГС «Евробарометр в России»**, наметилась тенденция солидаризации российского общества. Люди стали существенно больше времени уделять общению друг с другом, их сеть контактов за последние два года существенно расширилась: количество «сильных связей» (т.е. тех, кому доверяют, у кого могут попросить в долг, с кем путешествуют) увеличилось с 4 близких человек в 2012 г. до 8 человек в 2014 г.; количество «слабых связей» (кого могут попросить об одолжении, с кем перезваниваются и переписыва-

ются не реже раза в месяц, у кого могут попросить о трудоустройстве или консультацию о поступлении ребенка в университет) за этот же период увеличилось в 1,5 раза – с 25 до 36 контактов [3].

Однако увеличение сети доверительных контактов не всегда свидетельствует о развитии доверия на социетальном уровне, скорее это отражение динамики партикулярного/частного доверия (к друзьям, знакомым, соседям и т.д.), что способствует интеграции только на социальном уровне. Этот вывод (см. табл.) подтверждается данными всероссийских мониторинговых исследований [8].

Таблица

**Динамика доверия в российском обществе: социальный уровень,
1994–2014 гг., %***

	1994	1995	1996	1997	2004	2007	2011	2012	2014
Только на самого себя	32	34	36	33	33	41	39	40	70
На своих родственников, друзей	53	56	54	59	60	54	56	54	60
На помощь предприятия, организации, где работаю (работал)	8	5	5	5	4	2	3	2	2
На помощь государства (органов социального обеспечения)	8	5	4	3	4	3	2	4	4
На помощь общественных организаций (профсоюз и т.п.)	2	<1	<1	1	<1	1	1	<1	1
На благотворительную помощь	1	1	<1	1	<1	1	1	1	1
На помощь церкви	1	2	1	1	2	2	<1	<1	<1
Затруднились ответить	3	2	3	2	1	1	1	1	1

* – от числа выбранных ответов на вопрос «На чью помощь в первую очередь вы рассчитываете в трудных жизненных ситуациях?».

И хотя уровень генерализованного доверия в российском обществе не является критически низким с точки зрения организации политической коммуникации, в условиях его дефицита возможности добровольной кооперации, сотрудничества в достиже-

нии любых общих целей оказываются весьма ограниченными, что создает ощутимые барьеры для функционирования модели, предполагающей автономное неортодоксальное политическое участие в коллективных формах, и в целом для конструирования соб-

ственно политического в российских общественных практиках.

При этом, исходя из данных все-российских исследований [12], в поле российской гражданской культуры выделяются устойчивые комбинации в отношениях доверия к различным политическим институтам (так называемые «грады»), которые детерминируют основания для выбора гражданами предпочтительных стратегий политического участия. Данные типы сочетаний с некоторой долей условности можно определить как «оппозиционный», «региональный» и «государственнический». Согласно результатам факторного анализа они имеют приблизительно равный вес, т.е. «отбирают» примерно одинаковую долю суммарной дисперсии рассматриваемых признаков (25, 23, и 21 % соответственно), что свидетельствует не столько о размере социального сегмента, представители которого придерживаются той или иной позиции, сколько о внутренней консолидированности группы и высокой степени доверия ее представителей избранным в качестве базовых институтам.

В рамках первого «града» сочетается доверие к политическим партиям, движениям и общественным организациям оппозиционного характера. Несмотря на малые размеры, он способен формировать устойчивые паттерны политических предпочтений граждан, четко ориентируя, каким структурам следует доверять, а каким нет. Второй «град» подразумевает комбинацию местных гражданских идентификаций, сфокусированных на региональных и местных органах власти. При этом наблюдается равнодушие по отношению к институтам более высокого порядка, с деятельностью

которых не связывается реализация собственных интересов, что позволяет относить данный тип к категории парохизальных (по классификации Г. Алмонда и С. Вербы). Третий «град» образует сочетание доверия к российской армии, РПЦ и Президенту РФ, и он находится в противоречии по отношению к региональному (корреляция – 0,79), на некоторой дистанции от оппозиционного (корреляция 0,2) типов.

Таким образом, можно говорить о существовании трех силовых линий, по которым возможна солидаризация граждан в российском обществе, и между собой они различаются не только по вектору демонстрируемого институционального доверия, но и по предпочтениям в источниках политической информации (в первом случае приоритетная роль отведена интернет-ресурсам, в двух других – телевидению (региональному и федеральному соответственно), формами проявления интереса к политической жизни, направленностью политических действий и т.д., что находит отражение и в возможных стратегиях политического участия в рамках каждого «града»: в первом одинаково возможна ориентация на как на инновационный, так и реформистский (в меньшей степени, при резком изменении ситуации, на дезадапционно-агрессивный) типы поведенческих стратегий, второй представлен преимущественно носителями индифферентно-апатичного типа, а третий – стабилизирующего и конъюктурно-приспособительного, при доминировании последнего. При этом отсутствие точек пересечения между группами ведет к усилению сегментации общества в отношении моделей политического участия и, как след-

ствие, размыванию результативности вовлечения граждан в политический процесс, поддерживая скептицизм населения относительно собственной политической субъектности. А так как лояльность представителям властвующей элиты и их окружению выступает в современном российском обществе основой для идентификации «свои – чужие», носители инновационной, а в определенных случаях – и реформистской стратегий политического участия воспринимаются в массовом сознании как лиминальные сообщества, рассматриваемые в рамках дихотомии «нормальное»/«ненормальное» и нуждающиеся в применении методов дисциплинирования (М. Фуко), в том числе путем вытеснения на периферию политического пространства.

В создавшихся условиях кампании мобилизационного характера оказываются основным эффективным инструментом вовлечения рядовых граждан в политический процесс, а учитывая более высокие показатели персонального

(прежде всего, к В.В. Путину) и институционального (к исполнительным органам государственной власти и РПЦ) доверия, позиционирование данных политических субъектов как инициаторов такого рода проектов расширяет их мобилизационный потенциал в противовес инициативам, предлагаемым другими участниками политического процесса. При этом гипертрофированное локальное доверие не только не способствует формированию локальных политических сообществ, но и не стимулирует развитие политического участия на локальном уровне политической системы. В конечном итоге политическая сфера подменяется в российском контексте властным пространством, в рамках которого взаимодействие индивидов происходит на основе патерналистских ожиданий по неформальным правилам, а многие формы политического участия (даже ортодоксального характера), предполагающие самоорганизацию, оказываются невостребованными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество [Электронный ресурс] / ПОЛИТ.РУ [сайт]. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2005/01/11/auzan.html>. (дата обращения: 02.04.2017).
2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 45–53.
3. В РАНХИГС вышло новое исследование «Евробарометр в России» [Электронный ресурс] / РАНХИГС [сайт]. URL: [HTTP://WWW.RANEP.RU/NEWS/ITEM/7388-EURO-BAROMETER.HTML](http://WWW.RANEP.RU/NEWS/ITEM/7388-EURO-BAROMETER.HTML). (дата обращения: 01.04.2017).
4. Кобелева Х.А. Проблема формирования социального капитала в современной России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 4. С. 75–77.
5. Козырева П.М., Смирнов А.И. О границах политического доверия // Власть. 2014. № 5. С. 5–10.
6. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 120–129.
7. Молокова М.А. Гражданское общество как фактор политической консолидации «снизу» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3 (28). С. 122–131.
8. Общественное мнение – 2014. М.: Левада-Центр, 2015. 234 с.

9. Патнэм Р. Процветающие комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4. С. 63–70.
10. Петухов В.В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 59–65.
11. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5–16.
12. Современное состояние и перспективы развития гражданской культуры в российском обществе / Отв. ред. М. Ф. Черныш. М.: Российское общество социологов, 2015. С. 138–141.
13. Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России: итоговый отчет по проекту. М.: Фонд «Общественное мнение», 2014. 192 с.
14. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ. 2004. 730 с.
15. Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможности применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310–319.
16. Levi M. Social and Unsocial Capital: A Review Essay of Robert Putnam's «Making Democracy Work» // Politics and Society. 1996. Vol. 24, № 1. Pp. 45–55.
17. Nicols T. Russian Democracy and Social Capital // Social Science Information. Vol. 35, № 4. 1996. Pp. 631–664.
18. Ohr N. Social Capital in Rural Russia: Legacies of the Soviet Era // The Kennan' Institute for Advanced Russian Studies. Washington. 26–27 September. 1997. P. 1.
19. Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1994. 360 p.

REFERENCES

1. Auzan A.A. Obshchestvennyi dogovor i grazhdanskoe obshchestvo [Elektronnyi resurs] / POLIT.RU [sait]. [The Social Contract and Civil Society [Electronic Source] / WATERED. RU [website]]. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2005/01/11/auzan.html>. (request date 02.04.2017)
2. Burd'e P. Formy kapitala [Forms of Capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002. T. 3. no. 5. pp. 45–53.
3. V RANKHIGS vyshlo novoe issledovanie «Eurobarometr v Rossii» [Elektronnyi resurs] / RANKHIGS [sait]. [prUSSIAN Academy of National Economy has Released a New Study "Eurobarometer in Russia" [Electronic Source]. Russian Academy of National Economy [website]]. URL: <http://www.ranepa.ru/news/item/7388-euro-barometer.html>. (request date 01.04.2017)
4. Kobeleva K.H.A. Problema formirovaniya sotsial'nogo kapitala v sovremennoi Rossii [The Problem of Forming Social Capital in Modern Russia]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2015. no. 4. pp. 75–77.
5. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. O granitsakh politicheskogo doveriya [On the Boundaries of Political Trust]. *Vlast'*. 2014. no. 5. pp. 5–10.
6. Koulman Dzh. Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii [Coleman J. Capital of Social and Human]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2001. no. 3. pp. 120–129.
7. Molokova M.A. Grazhdanskoe obshchestvo kak faktor politicheskoi konsolidatsii «snizu» [Civil Society as a Factor for Political Consolidation "From the Bottom"]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2011. no. 3 (28). pp. 122–131.

8. Obshchestvennoe mnenie [Public opinion]. M., Levada-TSentr, 2015. 234 p.
9. Putnam R. Prosvetayushchie kom'yuniti, sotsial'nyi kapital i obshchestvennaya zhizn' [The Prosperous Community, Social Capital and Public Life]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 1995. no. 4. pp. 63–70.
10. Petukhov V.V. Politicheskaya aktivnost' i grazhdanskaya samoorganizatsiya rossiyan [Political Activity and Civic Self-Organization of Russians]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2002. no. 6. pp. 59–65.
11. Radaev V.V. Ponyatie kapitala, formy kapitalov i ikh konvertatsiya [The Concept of Capital, Forms of Capitals and their Conversion]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2003. no. 2. pp. 5–16.
12. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya grazhdanskoi kul'tury v rossiiskom obshchestve / Otv. red. M. F. Chernysh [Current State and Prospects of Development of Civic Culture in the Russian Society. Ed. edited by M. F. Chernysh] M., Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov, 2015. pp. 138–141.
13. Usloviya aktivizatsii grazhdanskogo uchastiya v malykh i srednikh gorodakh Rossii: itogovy otchet po proektu [Conditions for Activation of Civil Participation in Small and Medium-Sized Cities in Russia: Final Project Report]. M., Fond «Obshchestvennoe mnenie», 2014. 192 p.
14. Fukuyama F. Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu [Trust: the Social Virtues and the Path to Prosperity]. M., ACT, 2004. 730 p.
15. Yadov V.A. Sotsial'nyi resurs individov i grupp kak ikh kapital: vozmozhnosti primeneniya universal'noi metodologii issledovaniya real'nogo rassloeniya v rossiiskom obshchestve [A Social Resource for Individuals and Groups as their Capital: the Possibility of Applying a Universal Methodology of the Study of Real Stratification in the Russian Society] Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Aktory makro-, mezo- i mikrourovnei sovremennogo transformatsionnogo protsessa [Who and Where Aspires to Conduct Russia? Actors of Macro-, Mezo- and Microlevels of the Transformational Process]. M., MVSHSEN, 2001. pp. 310–319.
16. Levi M. Social and Unsocial Capital: A Review Essay of Robert Putnam's «Making Democracy Work». *Politics and Society*. 1996. Vol. 24, № 1. Pp. 45–55.
17. Nicols T. Russian Democracy and Social Capital // *Social Science Information*. Vol. 35, № 4. 1996. Pp. 631–664.
18. Ohr N. Social Capital in Rural Russia: Legacies of the Soviet Era. *The Kennan' Institute for Advanced Russian Studies*. Washington. 26–27 September. 1997. P. 1.
19. Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1994. 360 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лаврикова Анастасия Александровна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета;
e-mail: elav@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lavrikova Anastasia A. – PhD of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Institute of Humanities and Social Sciences of Tula State University;
e-mail: elav@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лаврикова А.А. Социальный капитал как фактор формирования модели политического участия в российском обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 109–117.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-109-117

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Lavrikova. Social capital as a factor of the formation of the political participation model in the russian society. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 2, pp. 109–117.

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-109-117

УДК 32:303.4; 32.001.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-118-121

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ФЕДОРЧЕНКО Л.В., ФЕДОРЧЕНКО С.Н.
РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСАЛТИНГ: КОНСЬЮМЕРИЗАЦИЯ
И ТЕХНОЛОГИИ: МОНОГРАФИЯ. М.: ИНФРА_М., 2016. 166 С.**

Абрамов А.В.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

**REVIEW OF THE BOOK L. FEDORCHENKO, S. FEDORCHENKO. RUSSIAN
POLITICAL CONSULTING: CONSUMERIZATION AND TECHNOLOGIES:
MONOGRAPH. M.:INFRA_M., 2016. 166 P.**

A. Abramov

Moscow Region State University

10 A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

Выход книг, посвященных анализу практики применения политических технологий в России, является знаковым событием. Презентация таких работ означает, что период некритичного заимствования и применения западных концепций и технологий на российской почве сменился временем серьезной научной рефлексии. В этой связи указанную тенденцию нельзя не приветствовать.

Именно в этом контексте следует воспринимать вышедшую в 2016 г. монографию «Российский политический консалтинг: консьюмеризация и технологии» [1], принадлежащую перу Л.В. и С.Н. Федорченко, известных своими индивидуальными и совместными работами по современным политическим технологиям. Авторы не скрывают, что рецензируемая монография является обобщением, а в ряде случаев творческим переосмыслением их прежних исследований [2; 3].

Монография выполнена в соответствии с существующими в российской науке традициями: исследование включает предисловие, послесловие, три главы, список литературы и приложения.

Монографию открывает не вполне привычная для российских изданий страница «Благодарности», в которой авторы выражают свою искреннюю признательность ученым, помощь и практические советы которых оказались важны в деле подготовки рецензируемой книги. Такое трепетное отношение к своим «коллегам по цеху» характеризует не только научные, но и человеческие качества авторов.

© Абрамов А.В., 2017.

В Предисловии авторы традиционно для научных изданий уделяют внимание степени изученности проблемы политического консультирования, делая вполне справедливый вывод о том, что «механизм консьюмеризации института политических консультантов практически не изучен» [1, с. 12]. В соответствии с этим ученые формулируют цель и задачи монографии, отбирают пригодный методологический инструментарий и очерчивают эмпирическую базу работы. Все вышеизложенное предопределяет, в свою очередь, дальнейшую структуру монографического исследования.

Первая глава – «Теоретические основы анализа консьюмеризации института политических консультантов» – посвящена концептуально-методологическим вопросам. Прежде всего, авторы предпринимают попытку интерпретировать и операционализировать такие важные для них понятия как «политическое консультирование (консалтинг)» и «консьюмеризация». В этой связи исследователями «поднят» огромный пласт литературы, принадлежащей перу как зарубежных ученых (Л. Сабато, Д. Ниммо, Л. Летолд, С. Медвик), так и российских авторов (В. Э. Гончаров, Н.С. Юханов, Л.А. Андросов, А.Е. Сиушин, Д.В. Ольшанский, В.Ф. Пеньков, Е.Г. Морозова, А.И. Соловьева и др.). Впрочем, авторы не ограничиваются лишь критическим разбором литературы, но предлагают собственные дефиниции и выдвигают свою типологию политических консультантов [1, с. 25]. Несомненный интерес в контексте последующего описания российского политического консультирования вызывает выделение авторами моно-

графии национальных моделей политического консалтинга: американской, немецкой, французской и т.п.

От анализа категории «политическое консультирование» авторы переходят к изучению рынка политического консалтинга, совершая обзор зарубежных и российских организаций и ассоциаций консультантов. Это позволяет авторам монографии органично ввести в свое исследование категорию «консьюмеризация». При этом Л.В. и С.Н. Федорченко предусмотрительно предлагают различать консьюмеризм как явление и консьюмеризацию как процесс [1, с. 35]. Внимание в монографии уделяется именно последней категории, в определении которой Л.В. и С.Н. Федорченко ссылаются на авторитетное мнение политолога С.Н. Пшизовой. В соответствии с этим политическая консьюмеризация определяется как «особый процесс в рамках трансформации политического консалтинга», проявляющийся в профессионализации политической деятельности, маркетинга политической сферы, коммерциализация, технологизация и институционализация деятельности политических консультантов [1, с. 39].

Вторая глава монографии, «Трансформация технологий частного политического консалтинга в России», начинается с рассмотрения политического консультирования в сегменте GR-менеджмента или технологий связи общественных и бизнес-структур с органами государственной власти. Авторы совершенно оправданно разводят понятия GR-менеджмент и лоббизм, указывая, впрочем, на то, что сочетание этих компонентов является отражением процесса консьюмеризации политической жизни в современной России [1, с. 56]. С таким выводом трудно не согласиться.

Второй параграф второй главы посвящен зеркальному по отношению к GR-менеджменту явлению - PR-менеджменту или технологиям связи государственных органов с общественностью. Здесь Л.В. и С.Н. Федорченко дают детальный обзор деятельности российских структур, занимающихся GR и PR. Среди последних названы «Николо М», «Имидж-Контакт», «Старая площадь» и др.

Третья глава, «Развитие технологий внутрикорпоративного политического консалтинга в России», посвящена анализу связи консьюмеризации деятельности российских PR-менеджеров с информационным неравенством, под которым авторы понимают неодинаковый доступ различных социальных групп к данным. Вывод авторов о том, что информационное неравенство может быть использовано для манипуляции общественным сознанием обоснован.

Значительный интерес вызывает второй параграф третьей главы, посвященный эволюции политического спичрайтинга в России. Здесь авторы сосредоточивают свое внимание на речеписателях первых лиц государства, начиная с Л.И. Брежнева и завершая Президентом В.В. Путиным. При этом в монографии содержится множество интересных фактов о «кухне» подготовки публичных речей.

Завершает главу параграф «Характерные черты политического франчайзинга», в котором рассматривается профессионально-консультативная деятельность, направленная на поиск и привлечение материальных средств для политической организации [1, с. 121]. В контексте изучаемой исследователями консьюмеризации политического консультирования рассмотрение

этого вопроса является вполне оправданным и логичным.

В послесловии монографии подводятся итоги исследованию и формулируются практические рекомендации. При этом авторы вполне резонно указывают на то, что регулирование политического консалтинга в России не должно носить одностороннего характера. Традиционный контроль за рынком консультантов должно осуществлять не только государство, но и само сообщество консультантов, – путем выработки соответствующего этического кодекса. В этом случае, замечают Л.В. и С.Н. Федорченко, «российский политический консалтинг может стать составной частью демократического процесса в современной России, а не классическим манипулятивным механизмом» [1, с. 142].

Монографию завершают приложения, представляющие таблицы и диаграммы, позволяющие получить наглядное представление об участии российских политических консультантов в зарубежных избирательных кампаниях, оценке рынка GR-услуг, PR-активности российских регионов, информационном неравенстве и т.п.

Монографию Л.В. и С.Н. Федорченко «Российский политический консалтинг: консьюмеризация и технологии» отличает тщательный обзор источников и литературы. Не будет преувеличением заметить, что исследователи проанализировали все значимые публикации на русском языке и основные иностранные работы. Но главная заслуга исследователей состоит в другом: впервые в российской политической науке проанализирована работа российских политических консультантов и спичрайтеров. В монографии приведено множество любопытных сведений,

что делает работу важным источником информации, значимость которой для современных российских политологов (прежде всего молодых) невозможно переоценить. Хочется поздравить рос-

сийское политологическое сообщество с выходом данной книги и выразить надежду, что рецензируемый труд займет достойное место в библиотеках российских политологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федорченко Л.В., Федорченко С.Н. Российский политический консалтинг: консьюмеризация и технологии: монография. М.: ИНФРА-М., 2016. 166 с.
2. Федорченко Л.В. Консьюмеризация института политических консультантов в современной России. Дисс... канд.полит. наук. М., 2014.
3. Федорченко С.Н. Искусство политического менеджмента. М.: Московский государственный областной университет, 2013. 220 с.

REFERENCES

1. Fedorchenko L.V., Fedorchenko S.N. Rossiyskiy politicheskiy konsalting: konsyumerizatsiya i tekhnologii [Russian political consulting: consumerization and technology]. M.: INFRA-M.. 2016. 166 s.
2. Fedorchenko L.V. Konsyumerizatsiya instituta politicheskikh konsultantov v sovremennoy Rossii [Konsyumerizatsiya institute of political advisers in modern Russia]. Diss... kand. polit. nauk. M.. 2014.
3. Fedorchenko S.N. Iskusstvo politicheskogo menedzhmenta [The art of political management]. M.: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet. 2013. 220 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абрамов Андрей Вячеславович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: abram-off@mail.ru;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Abramov Andrey V. – PhD in Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: abram-off@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Абрамов А.В. Рецензия: Федорченко Л.В., Федорченко С.Н. Российский политический консалтинг: консьюмеризация и технологии: монография. М.: ИНФРА-М., 2016. 166 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 118–121.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-118-121

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Abramov. Review I. Fedorchenko, S. Fedorchenko. Russian political consulting: consumerization and technologies: monograph. M.: INFRA-M., 2016. 166 P. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 2, pp. 118–121.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-118-121

УДК 316.344.42(470+571)

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-122-127

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: СПЕЦИФИКА И ТРАДИЦИИ

Байков С.А.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

DOMESTIC RESEARCH OF ELITE: SPECIFICITY AND TRADITIONS

S. Baikov*Moscow Region State University
10 A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Отечественная элитология начала зарождаться ещё в начале XX в. в имперской России. Однако события революционного 1917 г. на время вычеркнули элитологию из списка общественно важных наук. Впрочем, осуществлялись исследования советской номенклатуры. Примером может послужить работа М.С. Восленского «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза», в которой автор развивает идеи Л.Д. Троцкого о том, что революция создала новый слой общества, который получил монополию на власть [5]. По мнению исследователя, номенклатура была новой элитой, выделившейся из общества и выстроившей внутреннюю иерархию.

Одной из характерных черт отечественной элитологии является преемственность. Так, например, А.А. Галкин ещё в 70-е гг. XX в. исследовал трансформацию правящих групп США, Великобритании и Германии, используя эмпирические методы. Несмотря на то, что труды ученого были опубликованы лишь в 1985 г., А.А. Галкина с полным основанием можно считать исследователем, определившим критерии научного элитологического исследования.

Сам термин «элитология» был предложен Г.К. Ашиным, на труды которого в своих исследованиях опираются все современные российские элитологи. Именно Ашин дал определение термину «элитология», определил её предмет и задал вектор развития. Предметом политической элитологии, ученый назвал «исследование процесса социально-политического управления, прежде всего, высшей страты политических акторов, выявление и описание того социального слоя, который непосредственно осуществляет управление, являясь его субъектом» [9]. В начале 2000-х гг. Ашин очень высоко оценил уровень отечественной элитологии, заявив, что она лидирует в трёх важных областях: в общей теории, в истории и

в области исследований региональных элит [3].

Некоторые элитологические исследования были начаты еще в позднесоветскую эпоху. Так, на базе сектора изучения элиты Института социологии начал осуществляться проект «Трансформация российской элиты» (1989–2000 гг.), в ходе которого был сделан важный шаг к определению состава элиты (членов Совета Безопасности РФ, депутатов обеих палат Федерального Собрания, членов правительства РФ, глав субъектов Федерации). Были и другие проекты – «Советские миллионеры» (1990–1991); «Бизнес и политика», 1992; «Путинская элита» (2000–2002) [12]. Все эти исследования дали возможность проанализировать отечественную элиту, как политическую, так и экономическую, установить ее взаимосвязь и выявить специфику. Выводы этих исследований нашли свое отражение в монографии О.В. Крыштановской.

Уже в XXI в. российская элитология продолжает успешно развиваться. Отказ от марксистской парадигмы способствовал формулированию альтернативных подходов [1; 2]. Стоит отметить и формирование отечественных школ элитологии, например, Санкт-Петербургской и Ростовской. Ростовская школа элитологии (проф. А.В. Понеделков и др.) в своих исследованиях активно использует эмпирические методы: опросы и экспертные оценки. Также применяется панельный метод, позволяющий акцентировать внимание на трансформации образа элиты и на её эволюции. Безусловно, опыт А.А. Галкина в подобных исследованиях оказался очень полезным.

Происходило и создание исследовательских центров, например, в Москве, Санкт-Петербурге. Появился исследовательский Комитет РАПН, что безусловно, положительно сказалось на дальнейшем развитии науки [6]. Продолжением работ М.С. Восленского в некоторой степени стало исследование А.П. Кочеткова «Корпоративные элиты» [11].

Отечественная элитология имеет свои традиции исследования элит. Одной из таких характерных черт является плюрализм подходов. Каждый автор при исследовании того или иного вопроса использует свои подходы, что позволяет сформировать системное понимание в данном вопросе. Так, например, А.М. Афанасьев включил в политологический дискурс историческое исследование. Как показала практика, использование исторического исследования является важным этапом в изучении элит и даёт возможность проследить особенности рекрутинга и многое другое.

Отечественными элитологами активно используются и методы психологии, которые позволяют исследовать психологический профиль элит. В России существует собственная школа политической психологии, основателем которой является Е.Б. Шестопал. В рамках этого метода были исследованы такие представители элиты, как Ельцин, Путин, Медведев, Зюганов, Жириновский и другие [7]. При исследовании элит используются и социологические методы, как теоретические, так и эмпирические. О.В. Гаман-Голутвина, применив социологические методы, сделала вывод, что главной проблемой государственного аппарата является не его численность, как считали мно-

гие, а отсутствие четких требований для занятия той или иной должности, а также негативный образ чиновника в массовом сознании [6; 7].

Я.А. Пляйс, проанализировав диссертации отечественных элитологов, отметил, что каждый придерживается разного направления в российской политической науке. Появление таких трудов, безусловно, положительно отражается на развитии элитологии в России [8; 13]. Также отечественная элитология делает акцент не только на исследовании элиты в целом, но и на анализе биографий президентов, парламентариев, членов Правительства, представителей региональной власти.

Ещё одной специфичной чертой отечественной элитологии является методология культурно-мировоззренческой матрицы. Аксиологический подход изучения российской политической элиты, бюрократии, а также специфического феномена тандемократии, к примеру, применяется в работах С.Н. Федорченко [16; 17; 18]. В зарубежной элитологии эта проблематика также опирается на специфичный научный аппарат: индивид – гражданское общество – право – рынок – прогресс – свобода – разум, в России: государство – традиция – иерархия –

порядок – вера – стабильность [15].

Подводя итоги, важно отметить, что в российской элитологии есть как свои традиции (почерпнутые из советской эпохи), так и новые черты. Примечательно, что отечественный элитолог П.Л. Карабущенко отметил, что западная элитология так и не смогла создать единую науку из разрозненных теорий, Россия же, напротив, продвинулась существенно дальше своих коллег в этом направлении [10]. Тем не менее до сих пор существуют позиции, по которым отечественная элитология зависима от западных коллег. Так, А.В. Понеделков отмечает, что из-за политики вестернизации, получившей широкое распространение в России в 1990-е гг., происходил перенос западного опыта на отечественную почву, что, безусловно, не давало объективных результатов, в связи со спецификой российских элит и их историей [14; 15]. Также наблюдается зависимость отечественной элитологии в методологическом плане, в связи с чем в работах российских исследователей можно встретить установки и ориентации, свойственные западной элитологии. Однако данная проблема постепенно решается путём разработок собственной методологической базы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.В., Дмитриев А.Е., Абрамова Ю.А. Основы общей политологии. М.: Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ), 2009. 416 с.
2. Современная российская политика: институты, процессы, технологии / Абрамов А.В., Абрамова Ю.А., Алексеев Р.А., Алябьева Т.К., Вититнев С.Ф., Ермаков Д.Н., Зозуля О.А., Клементьев Д.Ю., Козьякова Н.С., Петросян Э.Б., Постников Н.Д., Сидоров Д.В., Федорченко С.Н. М.: Московский государственный областной университет, 2016. 328 с.
3. Ашин Г.К. Введение // Элитологические исследования: Ежегодник – 2005: Сборник статей. Ростов н/Д.: СКАГС, 2006. С. 3–9.
4. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль, 1985. 384 с.

5. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия совм. с МП — Октябрь». 1991. 624 с.
6. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.
7. Гаман-Голутвина О.В. Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт // Полис: Политические исследования. М., 2007. № 4. С. 24–45.
8. Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия / Под ред. Я.А. Пляйса М.: РОССПЭН. 2010. С. 215.
9. Игнатов В.Г. [и др.] Властные элиты современной России в процессе политической трансформации. Ростов н/Д.: Изд-во СКВГС, 2004. 512 с.
10. Карабущенко П.Л. Развитие элитологии в России: становление научной мысли от истоков до наших дней. К 80-летию профессора Г.К. Ашина // Каспийский регион: политика, экономика, культура 2010. № 4. С. 98–105.
11. Кочетков А.П. Корпоративные элиты. М.: РОССПЭН. 2012. 220 с.
12. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров. 2005. 384 с.
13. Пляйс Я.А. Политико-административная элита современной России: проблемы трансформации // Власть. 2015. № 4. С. 29–33.
14. Понеделков А.В. Старостин А.М. Современная российская элитная репрезентация в экспертном измерении // Коммуникология. 2016. № 6. С. 15–23.
15. Понеделков А.В., Старостин А.М., Швеиц Л.Г. Лидерско-элитная составляющая политических процессов в экспертном и массовом сознании (региональный аспект) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2015. № 2.
16. Федорченко С.Н. Подданическая политическая культура как матрица советской и современной российской бюрократии // Россия в мире: гуманитарное, политическое и экономическое измерение. Материалы Всероссийской научной конференции. 2010. С. 764–776.
17. Федорченко С.Н. Развитие политического режима тандемократии в России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Т. 3. № 1. С. 114–126.
18. Федорченко С.Н. Коррупция и политические проблемы её профилактики // Вопросы политологии. 2015. № 1 (17). С. 78–88.

REFERENCES

1. Abramov A.V., Dmitriev A.E., Abramova Yu.A. Osnovy obshchei politologii [Fundamentals of General Political Science]. M., Moskovskii gosudarstvennyi mashinostroitel'nyi universitet (MAMI), 2009. 416 p.
2. Sovremennaya rossiiskaya politika: instituty, protsessy, tekhnologii / Abramov A.V., Abramova Yu.A., Alekseev R.A., Alyab'eva T.K., Vititnev S.F., Ermakov D.N., Zozulya O.A., Klement'ev D.Yu., Koz'yakova N.S., Petrosyan E.B., Postnikov N.D., Sidorov D.V., Fedorchenko S.N [Contemporary Russian Politics: Institutions, Processes, and Technologies / A.V. Abramov, Y.A. Abramov, R.A. Alekseev, T.K. Alyabeva, S.F. Vititnev, D. N. Yermakov, O.A. Zozulya, D. Yu. Klementyev, N.S. Kosyakova, E. B. Petrosyan, N.D. Postnikov, D.V. Sidorov, S. N. Fedorchenko]. M., Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2016. 328 p.
3. Ashin G.K. Vvedenie [Introduction] Elitologicheskie issledovaniya: Ezhegodnik [Elitologic Research: Yearbook]: Collection of Articles. Rostov n/D., SKAGS, 2006. pp. 3–9
4. Burlatskii F.M., Galkin A.A. Sovremennyy Levafan: Ocherki politicheskoi sotsiologii ka-

- pitalizma [The Modern Leviathan: Essays on Political Sociology of Capitalism]. M., Mysl', 1985. 384 p.
5. Voslenskii M.S. Nomenklatura. Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuz. M.: Sovetskaya Rossiya sovm [Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union]. M.: Soviet Russia Together with MP – October", 1991. 624 p.
 6. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie elity kak ob"ekt issledovaniy v otechestvennoi politicheskoi nauke [Political Elites as an Object of Studies in Russian Political Science]. *Politicheskaya nauka*. 2016. no. 2. pp. 38–73.
 7. Gaman-Golutvina O.V. Menyayushchayasya rol' gosudarstva v kontekste reform gosudarstvennogo upravleniya: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [The Changing Role of the State in the Context of Public Administration Reform: Russian and Foreign Experience]. *Polis: Politicheskie issledovaniya*. M. 2007. no. 4. pp. 24–45.
 8. Demokratiya. Vlast'. Elity: Demokratiya vs elitokratiya. Pod red. YA.A [Democracy. Power. Elites: Democracy vs Elitocracy. Under the Editorship of J. Pl'ays M., ROSSPEN, 2010. pp. 215.
 9. Ignatov V.G. [i dr.] Vlastnye elity sovremennoi Rossii v protsesse politicheskoi transformatsii [[et al.] Imperious Elites of Modern Russia in the Process of Political Transformation]. Rostov n/D., Izd-vo SKVGS, 2004. 512 p.
 10. Karabushchenko P.L. Razvitiye elitologii v Rossii: stanovlenie nauchnoi mysli ot istokov do nashikh dnei. K 80-letiyu professora G.K. Ashin [The Development of Elitology in Russia: Formation of Scientific Thought from its Origins to the Present Day. On the 80th Anniversary of Professor G.K. Ashin]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2010. no. 4. pp. 98–105.
 11. Kochetkov A.P. Korporativnye elity [The Corporate Elites]. M., ROSSPEN, 2012. 220 p.
 12. Kryshchanovskaya O.V. Anatsomiya rossiiskoi elity [Anatomy of the Russian Elite]. M., Zakharov, 2005. 384 p.
 13. Plyais Ya.A. Politiko-administrativnaya elita sovremennoi Rossii: problemy transformatsii [Political-Administrative Elite of Modern Russia: Problems of Transformation]. *Vlast'*. 2015. no. 4. pp. 29–33.
 14. Ponedelkov A.V., Starostin A.M. Sovremennaya rossiiskaya elitnaya reprezentatsiya v ekspertnom izmerenii [The Modern Russian Elite Representation in the Expert Dimension]. *Kommunikologiya*. 2016. no. 6. pp. 15–23.
 15. Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Shvets L.G. Lideresko-elitnaya sostavlyayushchaya politicheskikh protsessov v ekspertnom i massovom soznanii (regionalnyy aspekt) [Leader-elite component of political processes in expert and mass consciousness (regional aspect)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Electronic Journal]. 2015. no. 2.
 16. Fedorchenko S.N. Poddannicheskaya politicheskaya kul'tura kak matritsa sovetskoi i sovremennoi rossiiskoi byurokratii [National Political Culture as a Matrix of the Soviet and Modern Russian Bureaucracy] *Rossiya v mire: gumanitarnoe, politicheskoe i ekonomicheskoe izmerenie* [Russia in the World: Humanitarian, Political and Economic Dimension]. Materials of All-Russian Scientific Conference, 2010. pp. 764–776.
 17. Fedorchenko S.N. Razvitiye politicheskogo rezhima tandemokratii v Rossii [The Development of the Tandemocracy Political Regime in Russia]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. 2010. Vol. 3. no. 1. pp. 114–126.
 18. Fedorchenko S.N. Korruptsiya i politicheskie problemy ee profilaktiki [Corruption and Political Problems of its Prevention]. *Voprosy politologii*. 2015. no. 1 (17). pp. 78–88.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Байков Сергей Андреевич – магистрант факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: baykov94@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Baikov Sergey A. – Postgraduate at the Faculty of Political Science and Law, Moscow State Regional University;
e-mail: baykov94@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Байков С.А. Отечественные элитологические исследования: специфика и традиции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 122–127.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-122-127

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

S. Baikov. Domestic research of elite: specificity and traditions. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 2, pp. 122–127.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-122-127

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2017. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор О.О. Волобуев
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор Н.Л. Борисова
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70х108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 8,5, усл. п.л. 8.
Подписано в печать 27.04.2017. Выход в свет: 04.05.2017. Заказ № 2017/04-01
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А